

**ВОПРОСЫ КРИТИКИ
БУРЖУАЗНОЙ ПОЛИТИКИ
И ИДЕОЛОГИИ**

III

Министерство высшего и среднего специального образования
Латвийской ССР

Латвийский ордена Трудового Красного Знамени
государственный университет имени Петра Стучки

Кафедра исторического материализма и
истории философии

ВОПРОСЫ КРИТИКИ БУРЖУАЗНОЙ ПОЛИТИКИ И
ИДЕОЛОГИИ

Выпуск 3

Межвузовский сборник
научных трудов

Latvijas
Universitātes
BIBLIOTĒKA

Латвийский государственный университет им. П.Стучки
Рига 1977

Первый и второй выпуск сборника "Вопросы критики буржуазной политики и идеологии" вышли в свет в 1974 и 1975 годах (Ученые записки ЛГУ им.Петра Стучки, тт.200 и

Теперь внимание читателей предлагается третий выпуск, в котором анализируются некоторые аспекты буржуазной и реформистской идеологии, отдельные вопросы содержания и методов современного антикоммунизма. Авторы дают критику взглядов буржуазных и реформистских идеологов на основе анализа их книг и статей в зарубежной периодической печати.

Третий выпуск сборника "Вопросы критики буржуазной политики и идеологии" рассчитан на преподавателей общественных наук и студентов университета.

Печатается по решению редакционно-издательского совета
ЛГУ им.П.Стучки от 28 января 1977 года

© Латвийский государственный университет им.П.Стучки, 1977

В 10501-033у 206-77
М 812(II)-77

КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПЦИИ ЭЛИТЫ
В БУРЖУАЗНОЙ ПОЛИТОЛОГИИ США

Американская буржуазная политология на современном этапе 70-х годов характеризуется переносом акцента исследований на анализ роли функциональных элит различных политических систем. В основе теоретической переориентации (некоторые буржуазные теоретики говорят даже о "ренессансе" элитизма в политической науке США) лежат определенные факторы методологического и идеологического характера. Широко распространенный в буржуазной политологии функциональный подход, в частности, предполагает анализ активности элит, рассматриваемых в качестве интегративного центра политической организации общества. Различные варианты этого анализа доминируют в социологической концепции истории и развития политических систем. На современном этапе известная переориентация функционализма к историческим и сравнительным исследованиям, характеризующаяся попыткой соединения теории "социальной системы" с т.н. "эволюционной теорией", поставила в центр внимания буржуазной политологии проблему соотношения "элита - демократия". С другой стороны, интерес к этой проблеме обусловлен непрекращающейся конфронтацией между плюрализмом и элитизмом в политической науке и социологии США.

Основные элементы концепции элиты заимствованы современной американской политологией из работ европейских основателей буржуазной политической науки и социологии. "Вплоть до конца 30-х годов - пишет Г.К. Ашин - элитизм произрастал на европейской почве. Там находился центр пропаганды элитизма, а США были её периферией... В 30-х годах в США переводятся и издаются основные труды Парето и Моски, а в 40-х годах возникают и собственно американские варианты элитических построений. Более того, в силу ряда причин

именно в США перемещается центр пропаганды элитизма¹ /I, с. 45/ Широкое влияние основных идей концепции элиты, выдвинутых В. Парето, М. Вебером и др. в современной буржуазной политологии обусловлено, прежде всего, господством методологического подхода, схватываемого понятием "функционализма". В этом плане современный структурный функционализм, представленный такими ведущими теоретиками, как Т. Парсонс, Р. Мертон или Э. Шилз является результатом дальнейшей разработки основных концептуальных схем и категорий, выдвинутых европейскими основателями буржуазной науки и социологии.² В связи с процессом интеграции политических дисциплин американского буржуазного обществоведения и известной переориентацией социологической теории от формально-функционального анализа к решению вопросов исторического порядка интерес к этим концепциям значительно возрос, поскольку, например, М. Вебер был социологом-теоретиком широкого плана и стремился к созданию такой теории, которая охватывала общество в целом и в его развитии, включая в себя, в частности, анализ государственно-правовых институтов. С. Липсет пишет: "Американская социология подвергалась критике за отход от исторических интересов её европейских основателей. Этот отход характеризовался сдвигом от макрокосмического к микрокосмическому фокусу общества, от изучения социальных изменений и аспектов тотальных обществ, рассматриваемых в исторической и сравнительной перспективе, к изучению межличностных отношений, структуры малых групп, и к исследованиям по усовершенствованию квантитативной методологии, применяемой к этим областям... В последнюю декаду ситуация в отношении социологического интереса к историческим темам начала изменяться. Здесь имело место знаменательное возрождение исторической и сравнительной социологии" /З, р. 20-21/ Социологическая концепция "политического развития" (political development) пронизана тенденцией рассматривать историю с точки зрения активности элит, которые считаются неотъемлемыми компонентами различных исторических типов социально-политических систем. Профессор Иллинойского университета Р. Скотт, например, полагает, что "в процессе перехода от традиционного общества к

более современной политической системе элиты играют главную роль. Активность элит определяет скорость и эффективность, с которыми общество может двигаться к национальной интеграции и политической модернизации" /4, р. 117/.

Концепция элит в интерпретативной социологии является неотъемлемой частью более широкой теоретической схемы, известной под названием концепции "социальной системы". "Интеллектуальный фундамент функциональной теории в социологии - это концепция "системы", - считает А. Голднер. "Функционализм есть ни на что иное, как анализ социальных структур в качестве частей общих систем проведения и представлений" /5, р. 141/. Разработкой функциональных категорий "система", "баланс" (equilibrium) и "элемент системы" современная буржуазная социология обязана В. Парето. В его основной теоретической схеме процесс "циркуляции элит" представлен важнейшим условием стабильности социальной системы /6, р. 249-250/. Заимствуя основные идеи Парето, современный функционализм в то же время подвергает его подход критике за попытку конструировать "общую дедуктивную систему" без предварительной разработки систематического и эмпирически адекватного концептуального аппарата, а так же за упрощенный подход к социально-политической реальности.

Развитие буржуазной социологической теории в США было направлено по пути создания системы общих категорий (структуры и динамики) для адекватного описания соответствующих эмпирических систем (личностной, социальной и культурной). Особенность социологического подхода заключается в том, что общество рассматривается с двух точек зрения, дополняющих друг друга: как структурно-институциональная система и как система ценностей. Концепция институционализации ценностей призвана связать эти две области функциональной теории, и обосновать её концепцию "развития". Теоретический анализ в терминах концепции институционализации, по замыслу американских теоретиков, должен связать модель общества с историческими элементами и проблемой социальных изменений. Этот анализ опирается на идеи М. Вебера, который сочетал типично социологический функциональный подход с широкими идеологическими конструкциями исторического порядка /с. 45/ Пар-

сонс поэтому рассматривает его, как основателя "общей теоретической схемы", которая составляет скелет современного структурного функционализма /8, р.58/. Институциональный анализ М.Вебера базируется на исследовании взаимодействия рациональных и иррациональных процессов в пяти основных областях - религии, бюрократии, права, стратификации и социальных изменений. Взгляды М.Вебера на природу элиты вытекали из его интерпретации политической власти, как важнейшего измерения социально- политической стратификации, которая лежит в основе современной функциональной теории элиты. Различие в идеологических акцентах между теориями В.Парето и М.Вебера (главным образом, в области противоречия элита-демократия) нашло свое отражение в конфронтации между различными американскими вариантами элитизма.

Нельзя, однако, утверждать, что теории "основателей" восприняты американской политической социологией чисто механически : как правило, они подвергаются известной модернизации в целях описания и объяснения политических процессов, свойственных современной стадии развития капиталистического общества, хотя такая модернизация почти целиком зависит от субъективной позиции того или иного политолога. Своеобразным переходным звеном к более современным концепциям элиты являются работы К.Маннгейма, обусловившие возникновение и широкое распространение в США концепций плюрализма функциональных элит. В отличие от Г.Моска и В.Парето, К.Маннгейм связывал динамику социальных элит не с политической властью, а с развитием т.н. "социальной техники", под которой понимается совокупность методов создания доминирующих образцов социального взаимодействия и организации /9, р.7/. В его теории назначение элит определяется созданием ценностей в разных областях социальной активности : управления, экономики, образования и т.д. Развитие социально-политических систем было представлено Маннгеймом в виде смены исторических типов взаимодействия "элит" и "социальной техники" с системой стратификации. Прямое влияние этого подхода обнаруживается, например, в работах С.Келлер, где элиты описываются как "творческие меньшинства", на которых лежит главная ответственность на осуществление ря-

да важнейших социальных функций : постановки и реализации "целей", создание "ценностей", сохранение политической стабильности и т.д. /10, р.4-22/.

Концепции элит в работах М.Вебера и К.Маннгейма дополнялась учением с "массовой демократии", как пропагандистской (демагогической) формы политического режима, ряд положений которого воспроизводится современными буржуазными теоретиками в США. Маннгейм, в частности, описывал процесс тотальной демократизации, результатом которого он считал постепенное смещение "ограничительной демократии состоятельных и образованных элит демократией иррациональных масс". Он утверждал : "В том обществе, где массы имеют тенденцию доминировать, иррациональные процессы, не интегрированные в социальной структуре, могут проложить путь в политическую жизнь. Данная ситуация является угрожающей, так как отборочный механизм массовой демократии открывает дверь иррациональным процессам в тех областях, где совершенно необходимо рациональное руководство" /9, р.XI/.

Рассматриваемые с идеологической точки зрения, концепции, элиты и "массовой демократии" представляют из себя теоретическую альтернативу, выдвигаемую буржуазной политической идеологией в противовес марксистской теории классов и классовой борьбы. Американская буржуазная политическая социология пытается развить эту альтернативу путем поддержки различных концепций элиты и проведения политического анализа в терминах элитизма.

Критика различных вариантов элитизма со стороны ряда представителей академических кругов, занимающих позиции плюрализма, не смогли ограничить его влияния в политической науке и социологии США. Как отмечает У.Домхофф, хотя эта критика получила высокую оценку в академической среде, она имела в основном методологический характер и её неудача была обусловлена слабостями методологии самого плюрализма. /11, р.31/ Изменения в перспективах и методологии политических исследований обнаружили значительную неудовлетворенность многих буржуазных ученых важнейшими положениями теории "заинтересованных групп", которая служит концептуальным фундаментом плюрализма. Критические аргументы противников этой

теории имеют как теоретический, так и эмпирический характер. Аргументы первого рода, в конечном счете, сводятся к справедливому утверждению о том, что плюралистам от Бентли до Трумена и Дала не удалось создать адекватную "общую теорию политического процесса", на основе которой можно было бы объяснить функционирование и развитие политической системы США/12, р. 237-250/. Плюралисты, сосредоточив внимание на изучении политических процессов локального уровня, остановились на решении многочисленных частных проблем и, за небольшим исключением, не сделали попыток создать общую теорию, которая бы удовлетворительно объяснила бы функционирование политической системы в целом. В результате важнейшие области этой системы остались без какого бы то ни было освещения. С другой стороны, плюралисты обвиняются в том, что они остановились на анализе внешних сторон политического процесса и игнорировали существование скрытых механизмов осуществления политической власти/13, р. 10-11/.

Противоречия между элитизмом и плюрализмом в американской политической науке и социологии, проявившиеся в полемике вокруг проблемы "распределения власти", отражают различия в определениях "политики" и "политической власти", которыми руководствуются оба течения при постановке задач и целей политических исследований. В академической политологии рамки категории "politics" охватывают лишь процесс "принятия решений" (actual decisions) и его условия в формальных правительственных институтах. Тем самым, из сферы анализа автоматически исключается, как не относящиеся к делу, важнейшие вопросы социально-экономической детерминированности политической власти. Отсюда проистекает также ошибочная переоценка значения формальных (в социологическом смысле слова) институтов буржуазной демократии в США, являющаяся характерной чертой апологетической по отношению к статус кво политической системы США академической политологии. В конечном счете действительные источники и центры политической власти оказались вне поля зрения плюрализма, что вызвало сильную критику со стороны представителей концепции "правящего класса"/11, р. 309/. Элитисты значительно расширяют понятие "politics", включая в него систему соци-

альной стратификации, являющуюся основанием (social background) структуры политической власти. Результаты исследований оказались диаметрально противоположными: плюралисты настаивают на т.н. "дисперсии" власти между формальными группами и институтами, участвующими в политическом процессе, элитисты - на её концепции в руках "правящей элиты". Третий вариант - теория функционального плюрализма элит, пытается преодолеть крайности двух враждующих течений и претендует на создание реалистической картины распределения власти (distribution of power). "Властвующая элита или элитный плюрализм - это центральный вопрос в политике о структуре власти в США", - пишет Ашин/1, с. 58/4. Действительно, на современном этапе 70-х годов основные теоретические споры по проблеме политической власти в американской науке и социологии ведутся между двумя концепциями - т.н. "неоэлитизм" и "плюралистический элитизм". Принципиальные расхождения в этой области во многом зависят от позиции того или иного политолога по отношению к статусу кво политической системы США, несмотря на то, что теоретическая основа, категориальный аппарат и часто методология их исследований могут фактически совпадать. Обе стороны полемики, исходя при определении структуры власти из теории социальной стратификации, ищут поддержки в социологической теории М. Вебера/1454. Среди множества измерений стратификации основное место занимает ранжирование политической власти и привелегий, источники которого не были объяснены буржуазной социологией. Из этой теоретической позиции вытекает, что социальная и политическая иерархия является результатом спонтанных процессов, уходящих корнями в сферу иррационального. Однако, феномен политической власти не сводится ни к одному из стратификационных определений, предлагаемых буржуазными теоретиками. Правящее меньшинство в различных формах противопоставляется ими в целом ряде отношений остальному обществу, рассматриваемому ими как конгломерат групп, имеющих ряд характеристик, но не обладающих политической властью, (elite - nonelite). Классовый характер этой власти автоматически исключается из сферы анализа, и ошибочная социологическая абстракция определяет

направление политических исследований на всех уровнях. Сущность этой абстракции — разделение общества на два принципиально отличных компонента, вычисление власти и безвластия из всей совокупности социально-политических отношений, как определяющего отношения, вокруг которого, как вокруг оси, группируется вся социально-политическая реальность. Типы власти различаются буржуазной политической социологией по способам, которым правящие группы (elite) оправдывают законность своего политического господства в глазах управляемых масс (nonelite).

Элитистская интерпретация политической власти находится в явном противоречии с основными принципами традиционной буржуазной теории демократии, которые лежат в основе буржуазно-либеральной идеологии : согласно авторам "Американского политического словаря", "демократия как политическая система опирается на утверждение народного суверенитета, наделяющего народ полной политической властью"/15, р.5/. Однако сторонники "демократического элитизма" полагают, что принятие аргументов элитизма относительно роли иерархической структуры власти, невозможности осуществления воли большинства и т.д., еще не означает отрицания демократии, но открывает пути к новому, более "реалистическому" её пониманию. На деле это понимание предполагает постепенную ревизию основных политических идей буржуазной демократии, охватываемых понятием "конституционализма". Многие буржуазные ученые считают, что традиционная дилемма политической теории "элитизм-демократия" решается современной политологией в пользу элитизма. Так, например, американский политолог С.Волин констатировал : "Некоторые современные теоретики полностью отвергли традиционный демократический аргумент относительно того, что именно поддерживает систему демократии и что ей угрожает. Новая концепция утверждает, что сохранение демократии зависит от способности элит защитить систему от масс, в то время, как традиционный демократический довод определял элиты, как одну из главных опасностей, угрожавших системе"/16, р.IX/. Идеологический аспект элитистской интерпретации демократии отражает стремление буржуазии и её сторонников затушевать

процесс, направленный к ослаблению и ликвидации демократических институтов. Методология такого подхода, по мнению буржуазных политологов, позволит исследователям-эмпирикам, ориентирующимся на центральную проблему "распределения власти", избежать расхождений в направленности политических исследований, вызываемых неопределенностью оценочных представлений о демократии. Новый подход к определению демократии был выдвинут Д. Шумпетером, который считал, что под демократией следует понимать, совокупность условий, при которых неэлита имеет возможность выбирать своих лидеров (элиту), не обладая при этом правом контроля над ними в процессе осуществления политической власти /17, р. 284-285/. Концепцию демократии, как процесса (метода) осуществления политической власти элитами развивал Г. Лассвелл: "Основная идея состоит в том, что демократия является методом решения проблем управления обществом. В совокупности со всеми формами управления, демократия составляет систему власти, монополию социального принуждения. Эта система является демократической, когда политика применения социального принуждения достигается и исполняется посредством демократического процесса" /18, р. 81/.

Е. Шатсйнайдер определял демократию, как систему власти, базирующуюся на выборе между соревнующимися элитами, который осуществляет не-элита (масса), лишенная возможности контроля над принятием политических решений. /19/.

На современном этапе политологи считают перспективу такого подхода наиболее удачной и продуктивной. Они считают, что содержание демократии как процесса осуществления политической власти может быть раскрыто через исследование четырех наиболее важных областей или проблем:

- 1) Отбор и активность элит;
- 2) Ключевые политические ценности;
- 3) Отношения элиты - массы;
- 4) Процессы политических изменений /13, р. 16-23/.

В своей совокупности, рассматриваемый подход основан на соединении и примирении элитистских и плюралистических принципов буржуазной политической теории. Ш. Волин пишет:

"Большинство теоретиков было склонно допустить, что демократическая политика в различных вариантах направляется элитами. Они предполагают избежать последствий такого допущения при помощи аргументирования о том, что существенное условие будет выполнено, если: а) контингент избирателей будет способен выбрать между соревнующимися элитами; б) элиты не достигнут успеха в попытке превращения их власти в наследственную или препятствования занятию позиций элиты новыми группами; в) элиты будут получать поддержку от различных коалиций, которая будет означать, что ни одна из форм власти не станет доминирующей; г) элиты, возглавляя различные сферы общества, такие, как бизнес, образование или искусство, не образуют единого союза" /16, р. IX/. Этот вариант, поддерживаемый буржуазными политологами и социологами, претендующими на оздание "реалистической" теории политического процесса, получил название "демократического элитизма". Р. Гамильтон утверждает, что теория "демократического элитизма" является "главной теоретической ориентацией и центральным направлением современной социологии и политической науки" /20, р. 250/. Таким образом, в настоящее время буржуазная теория демократии в политологии США распадается на три концепции, различие между которыми обусловлено, прежде всего, расхождением во взглядах буржуазных ученых на природу политической власти :

- 1) Концепция плюралистической демократии;
- 2) "Демократический элитизм";
- 3) Концепция "правлящего класса".

Идеологические оттенки этих концепций представляют полный политический спектр от наиболее консервативных до крайне левых взглядов. Элитизм, за исключением "критического варианта" концепции "правлящего класса" (Р. Миллс, У. Домхофф), занимает апологетические позиции, защищая основы современной политической системы США.

Так как элиты считаются неотъемлемым и наиболее важным элементом социально-политической организации общества, американская политология не подвергает сомнению необходимость их существования. Во многих случаях анализ активности элит превращается в неприкрытую апологию деятельности пра-

вях кругов США. При всех расхождениях во взглядах на природу функциональных элит, буржуазные политологи рассматривают их, как активную движущую силу социально-политического развития. Поэтому будущее буржуазной демократии ставится ими в зависимость от состава и характера активности элит в процессе модернизации социально-политической системы. Роль элит раскрывается структурным функционализмом через понятие "интегративного центра"; который несет ответственность за осуществление основных функций этой системы.

Современный элитизм в значительной степени базируется на теоретическом сравнении двух "чистых типов" элитарного общества : а) кастового и б) мобильного, отличающихся противоположными принципами организации, системы подготовки и отбора элит. Утверждается, что такая система имеет две основные функции:

- 1) функцию интеграции социальной системы (размещение ролей) ;
- 2) функцию обеспечения адекватного (эффективного) исполнения ролей.

Буржуазные политологи стремятся доказать, что принципы формирования элиты в т.н. "интегральном обществе", в противоположность тоталитарным социальным структурам, имеют демократический характер. Этот основной постулат "демократического элитизма", в теоретико-социологическом плане опирающийся на ряд концепций - циркуляции элит, открытых каналов власти и т.д., не подтвержден данными конкретных исследований.

Концепции "демократического элитизма" так же свойственна подмена вопроса о сущности политической элиты вопросом о её эффективности. Критерии оценки эффективности элитарной системы сводятся к четырем группам :

- 1) власть и сплоченность самой элиты;
- 2) интеграция и успешное функционирование социальной системы;
- 3) постановка целей и решение социальных проблем;
- 4) создание "символов культуры" и легитимации.

В таком понимании политическая элита предстает исключительно в качестве структурного элемента политической системы, главное назначение которого заключается в обеспечении её баланса и стабильности. Отсюда последовательно вытекает представление о массах (неэлите), как главном источнике угрожающих тенденций дисинтеграции. "Весьма определенный идеологический смысл заложен в самом понятии "масса", которым пользуются представители элитарных социологических школ", - отмечают советские исследователи. "Массам", в отличие от элит оказываются неизменно присущи все низменные, корыстные, "партикуляристские" инстинкты, свойственные "традиционному" обществу". "Демократический элитизм" ставит себе задачу преодоления крайностей двух подходов политологии к описанию роли "масс" в политическом процессе: созданного плюрализмом образа "довольных масс", и основных постулатов теории "массового общества", выдвигаемой сторонниками концепции "правящего класса" /20, р. 507-521/.

Критика ложной интерпретации плюрализмом т.н. роли общественного мнения в американской демократии составляет сильную сторону нового подхода. Однако, претендуя на создание реалистической картины политического процесса, буржуазные политологи связывают демократию со способностью функциональных элит нейтрализовать "угрожающую активность масс" и сосредоточить процесс управления в руках эффективных и ответственных элит. (Этот взгляд наиболее полно представлен в работе Р.Гамильтона "Класс и политика в Соединенных Штатах" 1972). Основной теоретический порок данного подхода заключается в полном отрыве функциональных элит от социальной основы - господствующих классов и групп. Попытка решения проблемы исключительно в категориях функционирования приводит к разрыву определяющих связей и искажению действительного содержания деятельности элит в различных сферах социально-политической системы США. Тем не менее, именно такой подход определяет характер политических исследований в американской буржуазной политологии на современном этапе. Известный американский политолог С.Верба видит единственную плодотворную перспективу для политической науки в разработке предложенной им совместно с рядом ведущих ученых

"модели развития", базирующейся на изучении функциональной специализации элит. При этом главным источником т.н. "кризиса развития" считаются отношения между "элитами" и "массами"/21, р.305-316/. Различные аспекты элитарной "модели развития" разрабатываются ведущими американскими политологами Д.Колменом, Л.Биндером, Р.Скоттом, М.Винер, Л.Пай и др., которые пытаются теоретически обосновать модернизацию политической системы современного империализма в США.

"Элитарная альтернатива", выдвигаемая американской политологией, — важное звено в современной буржуазной политической идеологии. Элитизм отражает взгляды правящих империалистических кругов США, поставленных перед необходимостью проведения реформ в важнейших областях социально-политической системы. Проимпериалистические реформаторы связывают будущее этой системы с эффективной деятельностью элитарных группировок, возглавляющих важнейшие институты социально-политической иерархии. Одновременно элитизм используется буржуазной политологией в качестве теоретического оружия, направленного против марксизма и революционных движений. Идеологические оттенки элитизма могут быть различными, но в целом он выступает как теоретическая форма апологии социально-политической системы империализма в США, с упором на поиски путей её усовершенствования и модернизации.

Ссылки на литературу

1. Ашин Г.К. Элитизм: американские варианты. — "США: экономика, политика, идеология", 1975, № 2.
2. Mulkey M.J. Functionalism, Exchange and Theoretical Strategy. London, 1971.
3. Lipset S.M. History and Sociology: Some Methodological Considerations. — In: Sociology and History. Methods. N.Y., 1967.
4. Scott R. Political Elites and Political Modernization: The Crisis of Transition. — In: Elites in Latin America. N.Y., 1967.

5. Gouldner A. Reciprocity and Autonomy in Functional Theory. - In: Systems, Change and Conflict. N.Y.-London, 1967.
6. Homans G.O., Curtis C.P. An Introduction to Pareto. His Sociology. N.Y., 1970.
7. Бурлацкий Ф.М. Ленин, государство, политика. М., "Наука", 1970.
8. Parsons T. The Present Position and Prospects of Systematic Theory in Sociology. - In: Twentieth Century Sociology. N.Y., 1971.
9. Mannheim K. Freedom, Power and Democratic Planning. London, 1965.
10. Keller S. Beyond the Ruling Class. Strategic Elites in Modern Society. N.Y., 1969.
11. Domhoff G.W. The Higher Circles: The Governing Class in America. N.Y., 1970.
12. Political Images and Realities. Essays and Readings on the Concepts and Substance of American Politics. Belmont, 1972.
13. Dolbeare K.M. Power and Change in the United States. Empirical Findings and Their Implications. N.Y., 1970.
14. Бурлацкий Ф., Галкин А. Социология. Политика. Международные отношения. М., "Международ. отношения", 1974.
15. Flano J., Greenberg M. The American Political Dictionary. N.Y.-London. 1965.
16. Wolin S.S. Foreword to Theory of Democratic Elitism: A Critique, by P. Sacrach. Boston-Toronto, 1967.
17. Schumpeter J.A. Capitalism, Socialism and Democracy. N.Y., 1966.
18. Lasswell H.D. Political Power and Democratic Values. - In: Problems of Power in American Politics. Detroit, 1957.
19. Schattschneider E.E. The Semi-Sovereign People. N.Y., 1960.
20. Hamilton R.F. Class and Politics in the United States. N.Y.-Toronto, 1972.
21. Verba S. Sequences and Development. - In: Crises and Sequences in Political Development. Princeton, 1971.

Ю. И. ПРИКУЛИС

МАРКУЗЕАНСКАЯ ФАЛЬСИФИКАЦИЯ МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОГО УЧЕНИЯ О ПАРТИИ

Герберт Маркузе, — пожалуй, один из наиболее известных теоретиков антикоммунизма, ведущих борьбу против современного коммунистического движения с "левых" позиций. При этом он пытается создать впечатление, что все его антикоммунистические выступления базируются на позициях "подлинного" марксизма. Коммунистические партии Маркузе обвиняет в том, что они якобы отошли от марксистских позиций. Разумеется, эти его утверждения совершенно необоснованны. На самом деле именно Маркузе грубо искажает учение марксизма и по существу призывает встать на позиции мелкобуржуазной анархистской революционности.

Критике концепции Маркузе уделено значительное внимание в зарубежной и советской марксистской литературе ^I. Однако псевдомарксистская сущность его позиции в вопросах организационного строительства революционной партии показана еще недостаточно полно. Рассмотрим более подробно маркузеанскую концепцию "революционной" организации.

Маркузе отвергает принципы организации современных коммунистических партий и призывает создать "истинно" революционные организации, которые базировались бы на теоретических выводах "подлинного", "творческого" марксизма. При этом он широко пользуется распространенным среди ревизионистов приемом противопоставления Маркса Ленину. Маркузе делает вид, что против ленинской концепции партийного строительства он выступает с позиций Маркса и Энгельса. Но Маркузе получается, что основы современных принципов построения

^I Наиболее обстоятельной является книга западногерманского марксиста Р. Штейгервальда (Steigerwald R. Herbert Marcuses "Dritter Weg". Berlin, 1969). Эта книга с некоторыми изменениями была издана на русском языке (Штейгервальд Р. "Третий путь" Герберта Маркузе. М., 1971). Среди работ советских авторов следует отметить работу Э. Я. Баталова, Л. А. Никитич и Я. Г. Фогелера "Поход Маркузе против марксизма" (М., 1970). Большое внимание критике воззрений Маркузе уделено в книге "Социальная философия. Франкфуртской школы" (М., 1975).

Latvijas
Universitātes
BIBLIOTĒKA

коммунистических партий заложены не основоположниками марксизма, а полностью разработаны Лениным. Он "незамечает" тот факт, что эти принципы являются развитием и завершением тех идей основоположников марксизма, которые они защищали во многих своих работах на протяжении всей своей творческой деятельности /1, с. 8-53/.

Как известно принципы партийного строительства, получившие свое дальнейшее теоретическое обоснование в трудах В.И. Ленина, разрабатывались К.Марксом и Ф.Энгельсом в таких документах как "Устав Союза Коммунистов", "Устав Коммунистического Союза", "Учредительный Манифест Международного Товарищества Рабочих", "Временный Устав Товарищества", "Общий Устав и организационный регламент Международного Товарищества Рабочих" и ряде других /2/. В них показывалась руководящая роль партии коммунистов в революционном движении, раскрывалось ее взаимодействие с другими организациями трудящихся, определялась организационная структура партии, построение ее высших и местных органов, первичных организаций (съездов, конференций, национальных и местных федераций, коммунистических общин). Большое внимание ими было уделено также вопросам внутрипартийной демократии, условиям членства в партии и другим аспектам партийного строительства.

Что же Маркузе считает неприемлемым в организационном построении современных коммунистических партий? Прежде всего, он выступает против принципа демократического централизма, утверждая, что принцип централизма ведет к установлению недопустимой диктатуры в партии и над рабочим классом /3, р. 145-146/. Он пытается доказать, что основоположники марксизма были против централизации в партии.

Однако попытки Маркузе в данном вопросе "опереться" на идеи Маркса и Энгельса несостоятельны. В целом ряде работ классики марксизма последовательно провозглашают обязательность для партии коммунистов централизации - подчинения нижестоящих органов вышестоящим, подчинения меньшинства большинству /2, с. 27, 45, 47, 86, 141, 142/. Для обеспечения боеспособности партии ее членам необходимо строго соблюдать все требования Программы и Устава, неуклонно поддерживать обязательную для всех дисциплину. Выполнение этих требований яв-

ляется условием обеспечения руководящей роли партии коммунистов. "Мы должны.. непременно поддерживать партийную дисциплину, иначе все пойдет прахом", - писал Марко /4, с. 350/.

Весь опыт революционного движения убедительно показывает, что демократический централизм является залогом того единства действий партии и рабочего класса, без которого немыслима успешная борьба за социализм. Маркузе выдвигает всякого рода оговорки, в силу которых принцип централизма, по его мнению, является якобы особенно непригодным в современных условиях.

Фактором, препятствующим применению принципа централизма в построении партии в современных условиях, по Маркузе, является будто бы возможное усиление репрессий со стороны правящих классов. Несомненно, необоснованно пессимистическими являются утверждения Маркузе о том, что партия, построенная по принципу централизма неминуемо была бы разгромлена: "Массовая партия с централизованным руководством на национальном уровне кажется... в США невозможной; государственный аппарат мог бы с ней раздаться в течение 24 часов" /5, с. 57/.

Безусловно, в определенных условиях в масштабе всего государства увеличивается возможность репрессий против партии, построенной по принципу централизма. Такая возможность, несомненно, существовала и во времена Маркса и Энгельса. Спределяющее значение имеет тот факт, что единство действий, достигаемое организацией, построенной по принципу централизма, обеспечивает максимум возможностей для согласованной борьбы все более широких масс трудящихся. Именно такой борьбы более всего и боится реакция.

Недаром Марко и Энгельс подчеркивали, что члены партии "должны, каждый в своей стране, приложить все усилия для объединения разрозненных рабочих обществ в национальные организации, представленные национальными центральными органами" /6, с. 447/.

В качестве альтернативы централизму Маркузе выдвигает идею об "элементах анархизма" в построении "истинно революционной" организации. При этом он сознает опасность сближения с анархизмом, отвергнутым всем историческим опытом революционного движения. Маркузе заявил, например, следующее:

"Я — не анархист, потому что не могу себе представить, как можно сражаться против этого общества, которое так мобилизовано и организовано в своем единстве против всякого революционного движения, против всякой эффективной оппозиции, я не вижу, как можно сразить такое общество, такую сконцентрированную силу, военную силу, полицию и т.д., без какой-либо организации. Это не дало бы результатов" /7/.

Хотя Маркузе и отрицает факт своего полного доверия анархизму, тем не менее он считает, что "анархический элемент — это могучая прогрессивная сила и надо сохранить этот элемент" /7/. И он пытается разработать некий вариант "истинно революционной" организации с "элементом анархизма". Отсюда и его утверждение, что признание важности "элемента анархизма", устарелости всех имеющихся форм построения различных политических партий "не означает, что радикальные левые могли бы вопрос организации просто отодвинуть в сторону" /5, s. 57/.

Усиление внимания к проблеме принципов построения "истинно революционной" организации со стороны Маркузе в значительной мере вызвано во многом безуспешными массовыми анархистскими выступлениями левых радикалов в 1967 — 1969 годах, особенно в ходе майских событий 1968 года в Париже. Подытоживая их результаты, он заявил: "Мы достигли стадии, на которой этот вопрос должен быть решен. Период счастливой, в большинстве случаев анархистской спонтанности прошел. Организованная контрреволюция очень быстро с ним расправилась. Необходима определенная форма противоорганизации" /5, s. 57/.
Анализируя неудачи леворадикального движения, Маркузе пришел к выводу, что "без организации и без дисциплины дело не движется" /5, s. 57/.

Однако попытки хотя бы только теоретически обосновать "революционную" организацию с "элементом анархизма" вызывают у Маркузе большие затруднения. Что же он предлагает конкретно? В качестве "истинно революционной" организации Маркузе предлагает создать некий во многом даже для самого себя необъяснимый конгломерат разных групп действия самых различных профилей, окончательное оформление которого, по его предположению, должно завершиться лишь в более или менее отдаленном будущем.

Он выступает за организацию без определенного социального базиса, что, как следует из контекста его высказываний, на деле означает, что таким базисом должны стать мелкобуржуазные круги и находящиеся под их влиянием социальные слои. Такая точка зрения полностью противоречит марксизму, который защищает принципиальное положение о том, что социальным базисом коммунистической партии является рабочий класс, а большинство членов партии составляют лучшие его представители, занимающие позиции в авангарде борьбы за социалистическое преобразование общества.

"Истинно революционная" организация по Маркузе должна возникнуть из отдельных полуанархистских групп действия: "Инициатива переходит к малым группам, сильно распыленным, с высокой степенью автономии, мобильности, гибкости" /8, p. 89/. Маркузе считает, что при создании организационных объединений необходимо "найти новые формы, которые были бы в высокой степени децентрализованными, т.е. локально и регионально построенными" /5, S. 57/.

Подтверждение своим тезисам Маркузе видит, например, в попытках организовать американских домохозяек на коллективные выступления в защиту мира, в поддержку забастовок, в проведении бойкотов /5, S. 57/. Безусловно, такие движения могут сыграть положительную роль в рамках борьбы народных масс за осуществление общедемократических требований. Однако их организационные формы не могут быть основой деятельности организации, руководящей всем революционным движением.

Подобные выступления направлены на достижение лишь отдельных целей, они имеют временный характер. По этому они не могут заменить деятельность марксистско - ленинской партии руководящей борьбу рабочего класса и всех трудящихся в течение целой исторической эпохи за коренное социалистическое преобразование общества.

Очень актуальной является проблема согласованности, координации деятельности групп революционного действия, ибо без этого невозможно надеяться на какой-либо серьезный успех в борьбе с буржуазным государством. Однако и по этому вопросу Маркузе не может дать какого-либо удовлетворительного

тельного ответа, кроме горестного признания: "Как должна выглядеть координация этих групп, я не в силах сказать" /5, с. 57/ Это признание в большой степени обусловлено тем, что Маркузе выступает против выдвижения руководителей в организации предлагаемого им нового типа. По его мнению, это будет "организация без "шефов" старых партий или политических группировок. Этот момент очень важен" /7/. При этом он считает, что новая "революционная" организация должна воздерживаться и от практического руководства революционным движением. Единственная ее задача — теоретическая помощь народным массам в деле их освобождения от влияния буржуазной идеологии. И здесь Маркузе снова пытается опереться на Маркса и Энгельса. По его мнению основоположники марксизма придерживались точки зрения, что революционная организация должна просвещать массы, а не вместе с тем руководить ими. Он утверждает, что если Маркс и Энгельс говорили о том, что революционная организация должна руководить народными массами, то имели ввиду при этом, что это руководство должно быть "в строгом смысле теоретическим" /3, р. 26/. Такие утверждения Маркузе, несомненно, не имеют ничего общего с марксизмом.

Как известно, Маркс и Энгельс считали, что коммунисты должны и практически участвовать во всех движениях, направленных против власти буржуазии. Целью этого участия, по их мнению, была не только теоретическая помощь участникам таких движений в деле их освобождения от ошибочных представлений, но и непосредственная попытка взять руководство движениями в свои руки с тем, чтобы добиться максимума возможного для поднятия их на более высокую ступень развития.

Подтверждение своему тезису о движении без практического руководства Маркузе совершенно бездоказательно пытается найти в истории Великой Октябрьской социалистической революции. Он утверждает, что в этой революции коммунистическая партия будто бы не руководила массами, она лишь узурпировала власть и тем самым помешала свободному проявлению "истинных" порывов человека. И на основании такого, с позволения сказать, рассуждения он способен заявить: "В настоящем движении нет лидеров, как например, их не было в революции большевиков" /7/. Трудно найти более вопиющее искажение историчес-

кой правды. Именно то, что революционными массами в России руководила созданная Лениным большевистская партия, является одной из главных причин того, почему русская революция оказалась победоносной. Однако Маркузе, пытаясь обосновать свои ошибочные идеи, вынужден идти на все новые и новые фальсификации.

Очень важной является проблема обеспечения дисциплины в революционной организации. По Маркузе, каждый член вновь создаваемой организации должен руководствоваться своим собственным мнением. Его действия не обязательно должны согласовываться с мнением большинства. Маркузе выступает против марксистско - ленинских принципов партийной дисциплины, которую он именует диктатурой. Он пишет: "Революционная дисциплина означает, конечно, не диктатуру, а самоналоженную дисциплину." /5, с. 57/. И при этом пытается доказать, что принцип "самоналоженной дисциплины" в его интерпретации отнюдь не является анархизмом /9, р. 45/.

Однако как бы Маркузе в вопросах организационного построения революционной организации не пытался отмежеваться от анархизма, на деле оказывается, что он стоит на его позициях.

Как справедливо указывал Ленин, "анархизм — вывороченный наизнанку буржуазный индивидуализм" /10, с. 377/. Поэтому для него и характерно отрицание необходимости подчинения меньшинства большинству, "отрицание объединяющей и организующей силы власти" /10, с. 377/ осуществляемой марксистско - ленинской партией, "непонимание роли организации... рабочих" /10, с. 378/. Поэтому неудивительно, что по всем главным положениям теории революционной организации Маркузе занимает позицию, враждебную марксизму - ленинизму. Теоретические положения Маркузе по данному вопросу способствуют раздроблению революционных сил. Как любая анархическая концепция, так и воззрения Маркузе способствуют подчинению народных масс буржуазной политике.

Революционная практика решительно отвергла маркузеанские теоретические конструкции.

Ссылки на литературу

1. Партийное строительство. М., Политиздат, 1971. 464 с.
2. Марко К., Энгельс Ф. Об основных принципах партийного строительства. М., Политиздат, 1972. 279 с.
3. Marcuse H. Soviet-Marxism: A Critical Analysis. N.Y., 1958.
4. Марко К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 29.
5. "Kursbuch", 1970, Nr 22.
6. Марко К., Энгельс Ф. Соч. Т. 17.
7. "Ercilla", 1968, 17. XII.
8. Marcuse H. An Essay on Liberation. Boston, 1969.
9. Marcuse H. Counter-revolution and Revolt. Boston, 1972.
10. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 5.

ПРАВО И ЗАКОННОСТЬ В СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ МАКСА ВЕБЕРА

Государство и право как важнейшие социально-политические феномены (в их различных аспектах), стали в современную эпоху предметами изучения различных общественных наук, в том числе политической социологии, социологии права, социальной психологии, политической науки и др. Объективной основой применения новых методов являются определённые изменения в сфере экономических, социальных и политических отношений: например, возникновение буржуазной социологии права связывается с преобразованием буржуазного общества эпохи свободной конкуренции в монополистический капитализм / I, с. 36/.

Сформировавшаяся в самостоятельную науку на рубеже XIX и XX столетий буржуазная политическая социология предприняла попытку создать собственно социологические концепции государства и права, которые бы входили в качестве составных частей в общую социологическую теорию общества. Венгерский социолог К. Кульчар специально отмечает: "Различие между социологическим и нормативным мышлением не помешало тому, что государство и право как важнейшие общественные явления нашли своё отражение в самых различных социологических теориях. Очевидно, что наука, изучавшая общество, не могла обойти их молчанием. Она должна была дать им какое-то объяснение, включить их в единую концепцию и в связи с этим заняться хотя бы поверхностным их изучением. Интересно было бы проследить, что дала в этом отношении социология юридической науке в конце прошлого века" / I, с. 37-38/. Эта важная для понимания сущности буржуазного государственно-правового мировоззрения область до сих пор остаётся без достаточного критического освещения.

На рубеже XIX и XX веков позитивистские юридические доктрины подверглись сильной критике со стороны основателей буржуазной политической социологии, что послужило одной из причин быстрой потери этими доктринами приоритета в буржуазном мировоззрении. Что касается общего влияния политической социологии, то трудно встретить критическое исследование по буржуазной политической науке или социологической юриспруденции, в котором бы отсутствовало бы указание на его определяющее значение. Одним из авторитетов в буржуазной политической науке и социологии считается немецкий учёный Макс Вебер. Литература о М.Вебере огромна и продолжает расти, постоянно появляются новые издания и переводы его работ /2, с.158/ Вебер был социологом-теоретиком, сочетавшим типично социологический функциональный подход с идеологическими конструкциями исторического порядка. Эта его "многоплановость", а так же противоречивость многих его идей, некоторые из которых уходят корнями в область иррационализма, были причинами расхождений многочисленных оценок со стороны его последователей и критиков. К примеру, Н.Тимашев, писавший о социологии права М.Вебера в период господства "анти-теоретического эмпиризма", делает упор на "вероятностное" определение права Вебером, данное им с формально-функциональной точки зрения, и оставляет, по сути дела, без внимания наиболее существенные моменты его концепции права /3, с.484/. Представитель социологической юриспруденции Р.Паунд стоял гораздо ближе к истине, указывая, что из всех правовых идей Вебера важнейшей следует считать концепцию "институционализации ценностей", которая имеет общетеоретический характер и базируется на конструкциях историко-философского масштаба /4, р.309-310/.

В рамках настоящей статьи мы не стремимся к раскрытию и критике всех сторон социологии права М.Вебера, входящую как составное звено в его общую социологическую теорию: здесь нас прежде всего интересует основа и сама схема воззрений М.Вебера на право и законность. Социальные и политические процессы, сопровождавшие формирование империализма в Германии и др. промышленных странах, наложили

на его взгляды глубокий отпечаток. В этом смысле важнейшим из них следует считать крушение буржуазного демократизма в идеологической, политической и правовой сферах. Противоречивость социологической теории М. Вебера была обусловлена его двойственной социально-политической позицией — будучи представителем буржуазно-либеральной традиции и осуждая негативные стороны государственно-монополистического капитализма, он в то же время отстаивал необходимость капиталистической системы. Исследователь из ГДР Г. Корф поэтому справедливо указывает: "Явно выраженное сознание принадлежности Макса Вебера к господствующему классу, а также известная экономическая связь с ним ставят непреодолимые преграды объективному отражению им реальных внутренних и существенных связей находящегося в состоянии кризиса капитализма" /5, с. 25/.

Социологическая теория М. Вебера представляет собой своеобразное смешение идеалистических и материалистических элементов. Там, где Вебер остаётся на почве эмпирического анализа, ему нельзя отказать в известной степени объективности при описании основных социально-политических институтов буржуазного общества в период перехода к империализму. Однако важнейшая характеристика его подхода состоит в том, что результаты и обобщения эмпирического анализа использовались для доказательства и иллюстрации сугубо идеалистических конструкций, многие из которых являются чисто гипотетическими. Тем не менее именно такие конструкции и составляют скелет социологической теории Вебера. Её исходные позиции упираются в область, где принципиально невозможно применение каких-либо средств познания с целью получения относительно устойчивых данных или выявления закономерностей. Интерпретация "рациональности", доминирующая на всех уровнях его теории, представляет собой психологизм особого рода, замаскированную типологию психики. Вебер начинает как будто бы с эмпирического утверждения, что из всего многообразия человеческого поведения может быть выделен "чистый тип" рационального поведения, субъект которого рационально соотносит цель поведения и методы её достижения. Этот "чистый тип" может быть исполь-

зован для более ясного понимания воздействия иррациональных факторов на "целеориентированное" поведение, поскольку это воздействие классифицировалось как отклонение от предположительно "рационального" поведения. Однако в процессе развития своей социологической теории Вебер превращает понятие "рациональности" в надисторическую и вневременную абстракцию, которая теряет своё эмпирическое содержание и, тем самым, научное социологическое значение. Для Вебера диалектика истории состояла в дуализме рационализма и харизматического иррационализма, а все данные эмпирических исследований использовались для подтверждения этого идеалистического тезиса. Вебер прямо указывал, что социология должна заимствовать подход к оценке социальных явлений, продемонстрированный Ф.Ницше в "Генеалогии морали". Однако приняв некоторые исходные положения иррационализма Ф.Ницше, Вебер не идёт с ним последовательно до конца и останавливается на границе неокантианской интерпретации "социального факта".

Неокантианство (Г.Риккерт) выступает в качестве методологической основы социологии М.Вебера. Основные методологические идеи Г.Риккерта сводятся к следующему: а) метод исторических (социальных) наук принципиально отличается от "генерализирующего" метода естественных наук; б) метод заключается в тех формах, которыми пользуется наука при обработке данного ей материала; в) познание не может быть воспроизведением или отображением объектов - оно есть преобразующее их понимание, т.е. зависит от характеристик субъекта познания; г) эти формы являются средствами для достижения научной цели и полностью зависят от формальных особенностей тех задач, которые ставит субъект познания. Социология, по мнению М.Вебера, является наукой, которая стремится к интерпретативному пониманию социального поведения с целью достигнуть объяснения его причин, направления и последствий /6, р.49/.

Несомненно, что гносеологические основы социологии М.Вебера дают более адекватные предпосылки социологическому исследованию, чем, например, подход представителей т.н. "органической" школы (Э.Дюркгейм, Т.Парсонс и др.), поскольку

ку учитывается специфика непосредственного объекта анализа и возможные границы интерпретации эмпирических данных. Однако Вебер стремился к созданию исторической социологии, которая охватывала бы общество в целом и в его развитии, что заставило его сочетать социологический подход с теоретическими конструкциями философского характера. Основной методологический порок его исторического подхода заключается в использовании категории "рациональности" для создания социологической теории "культуры". Содержание этой теории на всех её уровнях охватывается схемой, представляющей диалектику истории в виде взаимодействия элементов "рациональности" и "иррациональности". Исторический подход Вебера основан на идее эволюции как процесса возрастающей рационализации человеческой деятельности в экономической, политической и правовой сферах. В "Общей экономической истории" он предпринял попытку доказать существование специфического "рационализма" Западной культуры, который служит генетическим источником капитализма промышленных стран Европы. Вебер утверждал: "Хотя капитализм в его различных формах встречается на любом из участков истории, обеспечение потребностей капиталистическими методами является характеристикой только Запада, но даже здесь необходимые методы господствуют только с середины XIX века".

/7, p. 207/ Одной из характеристик и необходимым условием представленного в такой интерпретации капитализма является специфический феномен - рациональное право. Вебер прямо связывает состояние правовой системы с развитием экономических отношений капиталистического общества, однако за рамками эмпирической социологии действительная связь между экономикой и правом совершенно исчезает, поскольку оба института трактуются в одинаковой мере как производные от "Западного рационализма". Здесь устанавливается принципиальное различие между марксистской и веберовской теориями происхождения права. Пытаясь "преодолеть" марксизм, Вебер продемонстрировал ещё один способ отрицания классовой природы правовых институтов буржуазного общества, обнаружив при этом исключительно апологетический характер своей теории.

Типология права М. Вебера, двумя крайними полюсами которой выступают "рациональное" и "иррациональное" право, является одним из наиболее сомнительных мест в его социологической теории. Во-первых, оценка нормы права с точки зрения концепции "рациональности" не может считаться состоятельной в научном отношении, так как она приводит к необходимости принять на веру гипотетические утверждения самого Вебера. Во-вторых, оказывается, что между "рациональностью" и правом находится сфера "ценностей", имеющая своей основой интересы социальных групп и классов. Поскольку, согласно теории Вебера, правовая система есть определённый результат институционализации ценностей, то даже "формально-рациональная" норма права оказывается конечным воплощением определённого "интереса", и не трудно увидеть, кому он, в идеализированном виде, принадлежит — капиталисту — предпринимателю эпохи, непосредственно предшествовавшей возникновению империализма. Впрочем, Вебер не скрывает этого. Правовая система такого типа наделяется им характеристикой исключительно средства примирения "конфликта интересов", а любое несоответствие или отклонение от этого образца приписывается воздействию иррациональных тенденций. Таким образом, буржуазная система права апологетически трактовалась Вебером, как идеальный образец, не подлежащий коренному изменению. Содержание буржуазной системы права определяют нормы с явной классово-направленностью, преследующие не "формально-функциональные", а классово-политические цели, поэтому попытка Вебера определить правовую систему буржуазной демократии середины XIX века как "специфически рациональную форму "правовой системы" свидетельствует о его буржуазной ограниченности. Поскольку социально-политическая структура буржуазного общества имеет иерархическое строение, то и правовые нормы, отражая процесс стратификации, располагаются на различных этапах буржуазной системы права, что делает принципиально невозможной их оценку с помощью предложенных Вебером критериев. Кроме того, не подлежит сомнению, что социально-политическая элита буржуазного общества при принятии важнейших решений, затрагивающих

жизненно важные условия её существования и привилегии, делает упор на неправовые методы руководства, особенно в условиях возраставшей концентрации экономической и политической власти. Возможности буржуазного права кончатся там, где интересы политической элиты ставят границу его влиянию, не говоря уже о том, что элита обладает решающими средствами воздействия на правовые процессы.

Пытаясь дать объяснение падению роли буржуазной законности на рубеже XIX и XX веков, Вебер связывает определение права с признаком "легитимизированного насилия". С точки зрения Вебера, любой порядок может быть назван "правом", если подчинение ему обеспечивается вероятностью, что отклоняющееся поведение будет встречено психическим или физическим насилием. Для теоретической социологии Вебера безразлично, является ли такой порядок политическим, церковным, домашним и т.д. Различие и отношение между правом и моралью также не являются проблемами для теоретической социологии. Таким образом, Вебер безгранично расширял понятие права, выдвигая его основным признаком вероятность насильственного принуждения. Материальным воплощением такой вероятности в его теории выступает государство. Вебер подчёркивал: "Принудительная политическая ассоциация с постоянной организацией может быть названа "государством" в той степени, насколько её административный штаб успешно поддерживает притязание на монополию применения физической силы для поддержания порядка" /8, p. 227/.

Формально-юридическая трактовка законности буржуазной юриспруденцией не отвечало более положению, сложившемуся в капиталистических странах Европы периода формирования империализма. Вебер выдвинул новую психологизированную концепцию, согласно которой типы политической власти различались в зависимости от характера притязаний правящих групп на законность. Исторические корни трактуемой таким образом законности Вебер находит в религиозных верованиях и предрассудках социально-политических элит. Определение законности М. Вебера, почти дословно воспроизводимое современной буржуазной политической социологией, настаивает, что сущность "легитимизации" состоит в способности власти

формировать в управляемых массах убеждение, что именно данный политический и государственный строй или порядок является наилучшим из всех возможных. Вебер утверждал, что все "социальные действия" ориентируются на определённые виды веры в законность существующего порядка, которая может быть обеспечена: а) чисто аффектуально, на эмоционально детерминированной лояльности или б) на рациональной вере в определённые ценности. Психологизированная трактовка политической власти и законности в терминах теории иррациональности получила своё концентрированное выражение в концепции "харизмы", которая является наиболее омонимичной среди всех концепций Вебера. Сущность "харизмы" является слепая, иррациональная вера управляемых масс в сверхестественные качества вождя государства или политической партии. Концепция "харизмы" была следствием несостоятельности социологической теории М. Вебера. Пытаясь объяснить кризис политической системы буржуазного общества, теоретическая социология переходит от формальных конструкций к элементам иррациональности, превращаясь в конечном счёте в неприкрытую мистику.

Ссылки на литературу

1. Критика современной буржуазной теории права. М., "Прогресс", 1969.
2. Здравомыслов А. Г. Макс Вебер и его "преодоление" марксизма. - "Социологические исследования", 1976, № 4.
3. Современная социологическая теория в её преемственности и развитии. М., Изд. иностр. лит., 1961.
4. Pound R. Sociology of Law. - In: Twentieth Century Sociology. Ed. by G. Gurvitch and W. Moore. N.Y., 1971.
5. Корф Г. Критика теорий культуры Макса Вебера и Герберта Маркузе. М., "Прогресс", 1975.
6. Weber M. Basic Concepts in Sociology. NY, 1963.
7. Weber M. General Economic History. NY, 1961.
8. Weber M. Power, Authority and Imperative Control. - In: Theories of Society. Foundation of Modern Sociological Theory. NY, 1965.

НАЛОГОВО-БЮДЖЕТНАЯ ПОЛИТИКА КАК ГОСУДАРСТВЕННО- МОНОПОЛИСТИЧЕСКОЕ СРЕДСТВО КЛАССОВОЙ ЭКСПЛУАТАЦИИ

Эксплуатация рабочего класса капиталистами не ограничивается сферой производства. Она продолжается и в сфере обращения. Обобществление и частичное огосударствление производства приводят к все расширяющемуся государственному регулированию макроэкономических процессов. Оно в значительной степени модифицирует и закон капиталистического присвоения. Перераспределение совокупной прибавочной стоимости в соответствии с нерыночными закономерностями приобретает настолько постоянный и значительный по масштабам характер, что оно становится существенным компонентом единого механизма воспроизводства совокупного общественного капитала /1, с.159/. Значительно расширилась и видоизменилась в механизме государственного регулирования функции таких инструментов экономической политики, как налоги, бюджет и государственный кредит.

"В налогах воплощено экономически выраженное существование государства. Чиновники и полки, солдаты и балетные танцовщицы, школьные учителя и полицейские, греческие музеи и готические башни, цивильный лист и табель о рангах, — все эти сказочные создания в зародке покоятся в одном общем семени — в налогах" /2, с.308-309/. Не изменяя этому классическому экономическому выражению государственности, государственно-монополистический капитал, вместе с тем, вторгаясь в процесс воспроизводства, на первый план выдвигает ранее не замечаемые факторы, необходимые для обеспечения непрерывного процесса производства капитала.

В первую очередь это относится к перераспределению прибавочной стоимости и первичного фонда заработной платы. Через сложную систему налоговой мобилизации и бюджета, где совершенно новую роль приобретает функция обеспечения экономического развития и создания условий для освоения научно-технической революции с одной стороны, и социальной инфраструктуры с другой, капитал переносит борьбу по социально-экономическим вопросам с уровня отдельного капиталиста,

акционерного общества, концерна на уровень всего общества, возводи ее в ранг государственной политики. Налоговая система и государственный бюджет здесь становятся источником финансового обеспечения социально-экономической политики.

В зависимости от конкретной ситуации регулирование с помощью налогов, как правило, преследует три цели. Первая состоит в том, чтобы стимулировать производство и экономический рост в целом. Вторая - чтобы служить в качестве средства антициклической политики. Третья - регулировать внешнеэкономические отношения /3, с.229/.

Именно первая цель - стимулирование производства и экономического роста является наиболее противоречивым явлением. Принятие "закона о стабилизации" в 1967 году более четко, чем прежде, определило место и связи налоговой и бюджетной политики правительства, земель и общин с конъюнктурной и социально-экономической политикой. Вводится пятилетнее финансовое и бюджетное планирование. Бюджет используется как мощный рычаг направления конъюнктурной политики через механизм кредитного лимитирования, повышения и понижения налоговых ставок и, в конечном счете, регулирования инвестиционного спроса. Финансовое планирование также всецело подчинено задачам конъюнктурной, структурной и социально-экономической политики.

Инвестиционные программы финансового плана направлены на развитие производственной и социальной инфраструктуры, более равномерное и углубленное воздействие на воспроизводство рабочей силы.

В интересах стабилизации внутриполитической обстановки, значительное место в плане отведено социальному страхованию и пенсионному обеспечению. Одновременно в интересах "развития экономического потенциала в будущем", предусматривается инвестиционная помощь частному капиталу /4, с.95/. С 1 января 1970 года в ФРГ вступила в силу финансовая реформа, предусматривающая заключение "большого налогового союза" в отношениях между федерацией, землями и общинами. Финансовая реформа, выдвинув из своих целей вертикальное финансовое выравнивание, изменила распределение налоговых поступлений между федерацией, землями и общинами. Ныне в феде-

ральный бюджет поступает 43 процента подоходного и 50 процентов корпоративного налогов, вместо прежних 35 процентов, а также 20 процентов промышленного налога. В пользу земель государство перераспределяет 30 процентов налога на добавленную стоимость. В пользу общин земли выделили 14 процентов подоходного налога, однако, изъяли в свою пользу 20 процентов промышленного налога.

Расширение роли государственного налога в процессе воспроизводства, подкрепляемое самим характером государственных мероприятий в рамках "закона о стабилизации", вызывает возрастающую необходимость централизации процесса аккумуляции в руках правительства значительной части национального дохода. Он проводится в основном по двум каналам. С помощью изъятия части необходимого продукта трудящихся в виде налога на заработную плату и косвенных налогов и изъятием части капиталистической прибыли. Таким путем в ФРГ государство концентрирует у себя 45-46 процентов национального дохода /5, с. 280/. Основными налогоплательщиками в ФРГ являются трудящиеся. С 1967 года по 1971 год доля налога с заработной платы в национальном доходе ФРГ составляла 24,8 процента, в то время как прямые налоги "самостоятельных" - 5,6 процента^I. Структуру личных бюджетов налогоплательщиков в ФРГ характеризуют следующие данные (см. таблицу 1).

Таким образом, 79,4 процента рабочих выплачивают налог со средней заработной платы 800-2000 марок в месяц. В то же время 35,1 процента самостоятельных занятых в сельском хозяйстве и 5 процентов остальных самостоятельных декларируют свои доходы свыше 2000 марок в месяц. Согласно закону, определяющему величину подоходного налога, расчет выплат рабочим и служащим ведется по пропорциональной налоговой шкале и составляет следующие величины (см. таблицу 2).

Выплаты налога на доход в 1950 году составляли 5,3 млрд марок, в 1960 году - 24,4 млрд марок, что означает рост на 454 процента, в 1970 году 61,8 млрд марок, т.е. по отношению к 1950 году прирост на 1150 процентов /6, с. III4/. В то

^I Без "самостоятельных" в сельском хозяйстве.

Таблица I.
Структура личных бюджетов I

	Общее количество	Самостоятельные I	Самостоятельные в с/х	Рабочие	Служащие	Чиновники	Не работающие
личные бюджеты в тысячах	20540	1568	765	6323	3576	1229	7079
месячный чистый доход от - до в марках	в процентах						
менее - 600	14,6	2,3	4,2	3,3	1,2	0,4	37,9
600 - 800	10,0	3,6	3,0	8,2	4,8	0,5	18,1
800 - 1000	11,7	4,5	5,8	15,3	8,6	4,5	13,4
1000 - 1200	12,5	6,4	11,4	19,2	11,4	10,8	8,9
1200 - 1500	16,5	10,1	13,1	24,99	19,4	20,0	8,6
1500 - 2000	17,5	19,1	27,2	20,0	26,1	28,7	7,5
2000 - 2500	8,6	15,9	18,1	6,3	15,8	18,8	3,0
2500 - 5000	8,7	30,2	16,7	2,5	12,6	16,4	2,4
5000 - 10000	0,8	7,9	0,3	0,0	0,7	0,1	0,1

же время налог на заработную плату в 1950 году составлял 1,8 млрд марок, а в 1970 году - 35,1 млрд марок. Учитывая рост занятых в хозяйстве ФРГ налогоплательщиков с 13,1 до 20,4 миллиона человек, прирост налога на заработную плату за этот период составлял 973 процента /6, с. III 4/. Этот расчет не включает структурные изменения в составе служащих и чиновников; часть которых в 70-е годы как совокупные рабочие должны учитываться в составе рабочего класса.

I Источник: Deutscher Bundestag. Drucksache 7/2, Bonn, 1972, S. 143.

Таблица 2

Абсолютная и относительная величина подоходного налога
по закону действующему с 1 января 1965 года¹

Месячная заработ- ная пла- га марок	Не кенат налого- вая груп- па I		с е м е й н н е ... с д е т ь м и										
	марок	%	0		I		2		3		4		
300	2,8	0,9											
400	21,8	5,5											
500	40,8	8,2	14,1	2,8									
600	59,8	10,0	33,1	5,5	14,1	2,4							
700	78,8	11,3	52,1	7,4	33,1	4,7	6,5	0,9					
800	97,6	12,2	71,1	8,9	52,1	6,5	25,5	2,8					
900	117,5	13,1	90,1	10,0	71,1	7,9	44,5	4,9	16,0	1,8			
1000	139,0	13,9	109,1	10,9	90,1	9,0	63,3	6,4	35,0	3,5	6,5	0,7	
1100	162,2	14,7	128,1	11,6	109,1	9,9	82,5	7,5	54,0	4,9	25,5	2,3	
1200	187,1	15,5	147,1	12,3	128,1	10,7	101,5	8,5	73,0	6,1	44,5	3,7	
1300	213,5	16,4	166,1	12,8	147,1	11,3	120,5	9,3	92,0	7,1	63,5	4,9	
1400	241,5	17,3	185,1	13,2	166,1	11,9	139,5	10,0	111,0	7,9	82,5	5,9	
1500	270,9	18,1	204,1	13,6	185,1	12,3	158,5	10,6	130,0	8,7	101,5	6,8	
1750	350,0	20,0	255,0	14,6	234,0	13,4	206,1	11,8	177,5	10,1	149,0	8,5	
2000	436,5	21,8	311,5	15,6	288,1	14,4	257,1	12,9	225,8	11,3	196,5	9,8	
2250	529,2	23,5	373,0	16,6	347,8	15,5	313,8	13,9	279,1	12,4	246,5	11,0	

¹ Источник: Deutscher Bundestag. Drucksache 6/3432, Bonn 1972, S.166.

Однако система обложения личных доходов, принятая в 1965 году не соответствует задачам, выдвинутым в "законе стабилизации" и с 1969 года специальной комиссией ведется разработка нового налогового закона. Комиссией рассчитана структура налогоплательщиков ФРТ и средние величины налога на заработную плату в 1970 году. (См. таблицу 3).

Таблица 3.

Абсолютная и относительная величина налогов на заработную плату и структура налогоплательщиков в ФРТ 1970 г.

Валовая заработная плата в марках	Человек в тыс.	%	Изменения по отношению к 1965 г.		Налог на заработную плату		
			чел. в тыс.	%	млн. марок	%	% по отношению к валов. зараб. плате
Менее - 2400	2750	11,0	- 700	- 20,4	20	0,1	0,6
2400 - 3600	1000	4,1	- 400	- 28,6	60	0,2	1,9
3600 - 4800	860	3,5	- 690	- 44,5	100	0,3	2,7
4800 - 6000	980	4,0	- 810	- 45,3	250	0,8	4,5
6000 - 7200	1100	4,5	- 970	- 46,9	450	1,4	5,9
7200 - 8400	1230	5,0	-1080	- 46,8	700	2,1	7,0
8400 - 9600	1450	5,9	-1110	- 43,3	1050	3,2	7,7
9600 -12000	4550	18,5	+ 80	+ 1,8	4050	12,4	8,0
12000 -16000	3320	13,5	+ 140	+ 4,4	4320	13,2	9,2
16000 -20000	4430	18,0	+3510	+381,5	9250	28,2	11,3
20000 - 25000	1720	7,0	+1310	+319,5	5050	15,4	12,8
25000 - 36000	940	3,8	+ 715	+317,8	4100	12,5	14,5
36000 - 50000	220	0,9	+ 166	+307,4	1750	5,4	18,4
50000 - 75000	50	0,2	+ 30	+150,0	750	2,3	23,8
75000 -100000	13	0,1	+ 7	+116,7	350	1,1	29,2
100000 и более	7	0,0	+ 2	+ 40,0	450	1,4	36,0
Итого:	24600	100,0	+ 200	+ 0,8	32700	100,0	10,6

Источник: Gutachten der Steuerreformkommission, Bonn, 1971, S.

Не трудно заметить, что помимо прямого налога на заработную плату рабочие и служащие подвергнуты инфляционной эксплуатации через механизм налогообложения. Инфляционный рост номинальной заработной платы переводит трудящихся во все более высокую категорию налогоплательщиков. В результате, "каждый процент прироста заработной платы означает вслед за этим удвоение налога на заработную плату"^{7/}. Средний процент прогрессирующего налога на заработную плату в период с 1968 по 1972 год составил 34,1 процента^{8/}. Критикуя социал-демократов и либералов, возглавляющих правительство, этот факт, в пропагандистских целях, использует даже пресса крупного капитала. Отмечается, что с 1968 года по 1974 год налоговые поступления с каждого работающего в кассу государства увеличились с 2047 марок до 4160 марок в год, то есть в два раза. Средняя номинальная заработная плата в то же время выросла на 84 процента, с 9076 марок до 16580 марок^{9, с.7/}. Однако уровень налоговой и инфляционной эксплуатации правящему классу ФРГ кажется недостаточным.

В правительственном заявлении от 28 октября 1969 года были определены основные линии новой, третьей по счету, налоговой реформы ФРГ, они были подтверждены в бундестаге правительством 18 января 1973 года при изложении "генеральных линий закона по налоговой реформе". В правительственном заявлении сказано: что "целью реформы является социально более справедливое распределение налогов. Многочисленные отдельные мероприятия служат осуществлению большой налоговой справедливости". Реформа предполагает повышение основного свободного дохода с 1680 марок до 3000 марок. Повышение пропорционального налога с 19 до 22 процентов. Увеличение пропорциональной зоны налогообложения до 16000 марок для неженатых и 32000 марок для семейных. При доходах свыше границы 16000 - 32000 марок вступает в силу закон налоговой прогрессии от 30 процентов. Повышается потолок наивысшей процентной ставки с 53 до 56 процентов. Повышается так же и налог исчисляемый с тарифа 40000/80000 марок в год. Повышаются не облагаемые налогом доходы рабочих с 240 - 600 марок ежегодно^{10, с.1384/}. Закон вступил в силу с 1 января 1975 года.

Таким образом, анализ государственных мероприятий в области налогообложения показывает, что основными налогоплательщиками в ФРГ выступают рабочие и служащие. Но налогообложением заработной платы не ограничивается прямое налогообложение. В период с 1959 года по 1971 год доля налога на заработную плату в национальном доходе в среднем в год, составляла 19,4 процента, а социальные выплаты, соответственно, составляли 24,8 процента и 14,7 процента/II, с. 150/. Кроме этих налоговых выплат население ФРГ платит налог с оборота, на потребление, различные акцизы и пошлины. Все они объединены под названием "косвенные налоги" (см. таблицу 4).

"Косвенные налоги, - писал В.И. Ленин; - самые несправедливые. Косвенные налоги, это - налоги на бедных"/I2, с. 172/. Хотя по объему они меньше прямых налогов (1973 год 78,3 млрд. марок против 131,4 млрд. марок прямого налога), по ним легче распознать цену пропагандистских заявлений о "социальной симметрии" и антинародную направленность налоговой политики.

С введением налога на добавленную стоимость, расширилась сфера его применения, охватывающая ныне радио, телевидение, общественный транспорт, товары и услуги коммунальных предприятий, которые ранее были освобождены от налога с оборота.

В связи с этим следует указать на вводящее к заблуждению название нового налога. Оно всецело скрывает истинный источник налога и создает впечатление, что налог платят предприниматели. В действительности плательщиком является покупатель, так как ставка налога является надбавкой к цене товара и не имеет отношения к предпринимательской прибыли.

Следовательно, облагая налогом вновь созданную стоимость государство сознательно отказывается от прямого налогообложения прибыли, создает новые возможности накопления частного капитала за счет потребления, то есть трудящихся. Это подтверждает сама форма изъятия налога. Налог на "добавленную стоимость" берется не со стоимости, а с увеличения цены и, следовательно" включается в цену продукции, таким образом, выражая сущность косвенного налога. Следует отметить, что эта уже замаскированная форма налоговой эксплу-

Состав и динамика налогов ФРГ^I

	1950	1960	1970	1971	1973	% к 1972
миллиардов марок						
Налоги	21,645	68,447	154,136	172,409	224,803	+11,5
В том числе:						
А. Прямые	11,2	38,7	92,8	102,3	133,4	
1. Налог на заработную плату	1,8	8,1	35,1	42,8	61,3	+18,5
2. Подоходный налог взываемый по декларации	2,0	8,9	16,0	18,3	24,3	+ 5,0
3. Налог на корпорации	1,5	6,5	8,7	7,1	9,2	+ 8,3
4. Поземельный налог	1,2	1,5	2,7	2,8	3,1	+ 7,8
5. Преимущественный налог	0,1	1,1	2,8	3,1	3,6	+20,3
6. Налог с транспорта	0,4	1,5	3,8	4,1	5,058	+ 7,0
7. Прочие налоги	2,9	12,1	21,7	25,1	27,1	
Б. Косвенные	10,4	29,7	61,4	70,1	78,3	
1. Налог с оборота и добавленную стоимость	5,1	14,8	26,7	30,9	36,3	+ 6,9
2. Налоги на потребление	4,1	8,5	26,0	28,5	32,7	+11,2
Из них:						
акциз на минеральные масла	0,1	2,66	11,851	12,4	16,5	+16,0
акциз на табак	2,2	3,537	6,591	6,9	9,0	+15,0
монополия на алкогольные напитки	0,5	1,023	2,441	2,4	3,2	+12,7
акциз на пиво	0,3	0,7	1,185	1,2	1,3	+ 2,4
акциз на кофе	0,4	0,9	1,087	1,1	1,2	+ 4,8
3. Таможен. пошлины	0,7	2,041	2,9	3,1	3,1	- 2,2
4. Прочие налоги	0,5	6,4	8,7	10,7	9,1	

Источники: Finanzbericht, 1973, S.62-64.
 Monatsbericht der Deutschen Bundesbank, 1973, Nr. 3,
 S.18,21; 1973, Nr.6, S.64; 1974, Nr.12, S.56-66.

агации маскируется еще раз. Чтобы выплаты налога не нанесли "урона" интересам предпринимателей, разрешено в течение 5 лет вычитать из стоимости приобретенного оборудования содержащуюся в них сумму налога с оборота и сокращать на эту сумму объем выплачиваемых налогов.

Кроме налога с оборота или, — что то же самое и в западногерманской официальной экономической литературе пишется в одной строчке, — налог на "добавленную стоимость", потребитель в ФРГ подвергается и дополнительному акцизному обложению в форме налога на потребление. Ведущее место в налогах на потребление занимает акциз на минеральное масло, табак, алкогольные напитки, кофе, сахар, соль. Налог на сахар равен 8,2 процента розничной цены, на кофе — 24,4, на водку — 42 процента, на табак — до 56 процентов. Финансовый план правительства ФРГ на 1972—1976 годы предполагал, что в 1976 году налог на минеральные масла увеличится до 18,9 млрд. марок, на табак до 10,1 млрд. марок, другие налоги на потребление до 6,3 млрд. марок/13, s. II/. Так как 83,6 процентов населения ФРГ получает заработную плату или жалование, а около 9 процентов являются пенсионерами, то совершенно ясно, что основными плательщиками косвенных налогов, которые по своей политэкономической сущности есть часть необходимого продукта трудящихся, являются самые широкие слои населения ФРГ. Определенную часть налогов платит буржуазия.

Так налог на прибыль корпораций в ФРГ составляет 51 процент. С 1 января 1975 года предусматривается в размере 56 процентов /14, s. 1055/.

Такую величину достигает и наивысшая ставка подоходного налога, если доход превышает 130 тысяч марок в год. Однако, выпячивая этот факт самообложения, апологеты капитализма умалчивают то, что во-первых, высокооплачиваемые слои населения платят налог от перераспределения сумм прибылей, а сам капитал всячески стремится освободиться от такого рода перераспределения. Во-вторых, умалчивается, что систематически происходит не только процесс превращения частного капитала в государственный, но и обратно. В интересах накопления капитала этот процесс возвращения происходит как в

прямых, так и в косвенных формах бюджетного финансирования. Что же касается теории, то как пишет западногерманский экономист Шмаленбах, "кто накапливает капитал, по возможности не должен быть затронутым никакими налогообложениями, тогда как налоговое бремя должны вести прежде всего те группы населения, которые "не создают капитал, а потребляют его" /15, с. 227/.

Нагляднее всего такой подход к налоговой политике отражен в налогообложении на распределяемую прибыль. Средняя ставка налога в ФРГ, во-первых, ниже, чем в других развитых капиталистических странах. В США на корпорации составляет 52 процента. Во-вторых, головные предприятия могут использовать часть прибыли, не указывая ее в налоговой декларации для покрытия убытков дочерних предприятий. В-третьих, в год реализация инвестиционного проекта в области предпринимательской деятельности, капитал освобождается от подоходного налога и налога с корпорации в сумме 7,5 процентов стоимости установленного оборудования и сооружаемых зданий /16, с. 47/. Практически это означает принудительное инвестирование и является формой государственного субсидирования.

Предшествующий анализ свидетельствует, что прямые налоги, являясь в формировании государственного бюджета только в незначительной степени имеют прямое отношение к капиталистической прибыли. Основным является налог на заработную плату трудящихся, который абсолютно превышает налоги, выплачиваемые буржуазией. Таким образом, налоговая система ФРГ является мощным инструментом мобилизации средств в интересах правящего класса. Взывая налоги, буржуазное государство перераспределяет национальный доход и этим влияет на процесс расширения воспроизводства. В свою очередь государственный бюджет становится органом управления и регулирования социально-экономических процессов. Его классовая направленность ярко выражена в словах одного из наиболее право настроенных политиков ФРГ, лидера ХСС Штрауса, утверждающего, что решающим в финансовом планировании должен быть его политический аспект /17, с. 92/. Регулируя доходы, направленные в объем расходов, монополистический капитал использует средства государственного бюджета в своих интересах.

Бюджетные средства, которые в основном образуются из налогов идут на обеспечение классовых целей самосохранения капиталистического способа производства. Это находит свое выражение в расходах на содержание государственного управленческого и полицейского аппарата, в военных расходах. В 1973 году расходы правительства на содержание управленческого и полицейского аппарата превысили 5 млрд. марок, а расходы на содержание вооруженных сил 28,6 млрд. марок, что на 1,2 млрд. марок больше, чем в 1972 году, в том числе расходы на гражданскую оборону - 371,0 млн. марок/18, s. 105, 108/. Следовательно, на институционные цели правительство ФРГ ежегодно затрачивает до одной третьей государственного бюджета. Но и остальные две трети бюджета по существу призваны осуществлять ту же цель. Переход к планированию бюджета в ФРГ в 1967 году согласно "закона о стабилизации", означает, что буржуазия более организованно и программно, чем прежде, через механизм финансовой власти опосредственно управляет производственными отношениями, т.е. отношениями между людьми и самому хозяйству в этом случае принадлежат подчиненная роль.

Этой цели служат прямые капиталовложения государства в народное хозяйство, объем которых с 1966 года по 1972 год составлял 32,5 млрд. марок. В том числе, в горно-добывающей промышленности 1,45 млрд. марок, в региональную структурную рационализацию - 0,9 млрд. марок, а авиационную и электронную промышленность - 1,1 млрд. марок, на развитие нефтяной промышленности - 0,25 млрд. марок, в сельское хозяйство - 11,2 млрд. марок/19, s. 16ff/. Второй финансовый план с 1972 года по 1976 год предполагает ежегодный прирост объема государственного участия в финансировании народного хозяйства в среднем на 8,8 процента/18, s. 137/. В свою очередь правительственная программа региональной рационализации предусматривает до 1977 года инвестиции в размере 14,7 млрд. марок/20, s. 118/.

Однако ярче всего классовая направленность бюджетного планирования отражена в расходах на образование, на науку и другие социально-культурные цели, которые сведены в программах правительственной социальной политики. Их со-

дуально-экономическая сущность заключена в исключительной подчиненности задачам воспроизводства рабочей силы соответственно требованиям капиталистического производства и, следовательно, созданию условий для получения все возрастающей прибавочной стоимости. Для этого из бюджета выделяются средства на образование и профессиональное обучение, жилищное строительство, развитие культуры. Хищническая эксплуатация капиталом природных ресурсов приводит к их истощению. С начала 70-х годов заботу о восстановлении и поддержании в эксплуатируемом состоянии естественной среды капитал перекладывает почти полностью на государство. В ФРГ это находит отражение, в так называемых программах "качество жизни", своеобразной частью производственной и социальной инфраструктуры.

Впервые термин "Качество жизни" употребил член СДПГ, министр Эрхард Эпpler. В предвыборной программе СДПГ в 1972 году оно выдвинуто как идеальный образ ценностей "демократического социализма". "Качество жизни" - это сопричастность к природе, и ценностям культуры, шанс остаться здоровым или выздороветь"/21, с. 46/. "Качество жизни" - пишет социалдемократ В. Дромер, - нельзя свести к простому росту социального продукта, к материальной обеспеченности. Экономический рост - только предпосылка "качественной жизни": эта формула включает в себя также требования как "улучшение жизненных шансов", улучшение образования и здравоохранения, технической и социальной инфраструктуры"/22, с. 201/.

Следовательно, в формуле "качество жизни" дано идеалистическое объяснение необходимости увеличения государственных налогов и, соответственно, расходов, как результата вообще человеческой деятельности, а не как результат капиталистических производственных отношений и самого способа производства. Такого являющуюся "социального правового государства" должны поддерживать также и фонды социального обеспечения и пенсий.

Второй финансовый план производства ФРГ на 1972 - 1976 годы предусматривает следующие выплаты из государственного бюджета/13, с. 2 ff/. (См. таблицу 5).

	1972	1973	1974	1975	1976
	млрд. марок				
Социальное обеспечение всех видов	31,1	34,2	40,0	43,9	48,3
Просвещение, образование, наука, исследования	6,02	6,65	7,5	8,3	9,3
Жилищное строительство и коммунальное хозяйство	1,30	1,46	1,47	1,49	1,42
Транспортное строительство	16,65	17,05	17,8	18,4	19,0
Модернизация сельского и лесного хозяйства	0,83	0,90	0,84	0,88	0,87
Финансовая помощь в общественном секторе	13,1	13,9	14,5	15,5	16,4

Каждая из вышеуказанных бюджетных статей является скрытой формой субсидирования капиталистической хозяйственной деятельности. Вопрос лишь в том, как современные производственные отношения модифицируют закон капиталистического присвоения, какую часть этих расходов должен нести сам рабочий и какой частью в интересах самосохранения должен поступиться капиталист?

Вышеуказанные бюджетные расходы государства, в понимании западногерманских экономистов, эти расходы регулирующие спрос и, таким образом, воздействующие на хозяйственную конъюнктуру. Расходы на социальное обеспечение относятся к так называемым, транспортным затратам, не приносящим эквивалента в виде товаров и услуг. Обойтись без системы социального обеспечения в современных условиях в целях сохранения "классового мира" невозможно и сегодня рабочие и служащие ФРГ получают пенсии по старости, они страхуются по болезни и безработице. Доля грядущая в финансировании указанных видов страхования составляет, соответственно, 36,2; 46,6; 40,8 процентов.

Однако предпринимательские взносы на социальное страхование рассматриваются как производственные расходы, включаются в статью расходов по найму рабочей силы и входят

в стоимость продукции. Следовательно, стоимость социального обеспечения находит свое выражение в косвенных налогах. Если прямые налоги с заработной платы поступающие в госбюджет оставляют в ФРГ 24,8 процентов, косвенные налоги - 60,7 процентов, то доля расходов из госбюджета на социальное страхование составляет только 18,3 процента/11, S.148ff./.

Таким образом государственный бюджет выполняет техническую функцию перераспределения значительной доли необходимого продукта в сфере социального обеспечения. О необходимости и размере такой деятельности говорят факты зарегистрированных несчастных случаев на производстве и смертельные случаи. В 1972 году их отмечено соответственно 2.337,366 и 4082/23, S.88-89/. Несчастные случаи на производстве приняли настолько широкие масштабы, что правительству пришлось даже образовать специальную комиссию по изучению социальных последствий автоматизации/24, S.19/. Такой же перераспределительный характер носят бюджетные статьи предусматривающие "социальное жилищное строительство". Так, например, "закон о строительстве городов"/25, S.44/, вступивший в силу с 1 августа 1971 года предполагает постройку 200-250 тысяч квартир в год в городах, где монополии не обеспечены достаточным количеством и выбором рабочей силы. Этим и признается факт острого жилищного кризиса, в основе которого рост квартирной платы и цен земельных участков для индивидуального строительства. Однако квартирная плата даже в таких "социальных домах" только несколько ниже той, которую требуют частные домовладельцы. За квадратный метр общей площади в "социальных квартирах" в ФРГ съемщику приходилось платить от 3,35 марок (низшая граница) до 5,00 марок. В правительственном обзоре предполагается, что в 1975 году плата повысится до 3,70 - 5,00 марок /26, S.6/. За двухкомнатную квартиру в доме, построенном из бюджетных средств площадью 50-60 квадратных метров, где оплачивается вся подообная площадь, приходится платить в среднем 275 марок в месяц. В эту сумму не входят плата за коммунальные услуги, горячую и холодную воду, электричество, газ. Важно отметить, что квартплата дифференцируется по годам постройки дома и непрерывно растет.

Так, в городе Гамбурге на 31 декабря 1973 года в доме построенном до 31 декабря 1965 года, квартирная плата за двухкомнатную квартиру, с учетом социальной помощи, составляла 154 марки, постройки до 31 декабря 1971 года - 167, а в доме, построенном после 31 декабря 1971 года - 177 марок/26,8. Картину стоимости жилья в частном доме даст следующая таблица.

Таблица 6

Квартирная плата в двухкомнатной квартире в частном доме в городе Гамбурге в октябре 1973 года

Этаж	м ²	Квартплата в месяц марок	Залог марок
1	62	527	2300
2	46	559	2000
3	56	376	2200
4	63	622	2900
5	57	485	2200
5	68	849	3500
6	56	494	2200
7	54	639	2600

В период с 1966 по 1974 гг, каждые три года стоимость квадратного метра жилья в ФРГ увеличивалась в среднем на 70 пфенингов, учитывая, что средние выплаты за электричество, газ и отопление в двухкомнатной квартире в месяц составляют 55-80 марок, становится ясным, что рабочему за жилье приходится платить 40-60 процентов месячной заработной платы. Объяснимо такое положение только тем, что капитал присваивает не только прибавочную стоимость, создаваемую на производстве. В современных условиях, значительно шире, чем раньше, эксплуатация подвержен процесс создания новой необходимой стоимости в рабочих семьях, на

Источник: "Hamburger Abendblatt", vom 10.10.1973.

что указывал еще К. Маркс/27, с. 197/, Размер арендной платы в этом случае находится в прямой зависимости от рабочей силы и рост ее влечет за собой увеличение квартирной платы.

Положение в области найма жилой площади в ФРГ настолько сложно, что правительству пришлось принять "Второй закон помощи квартиросъемщикам". Закон предусматривает единовременные выплаты помощи ежегодно одному миллиону квартиросъемщиков и ежемесячные выплаты в размере 20 марок девятому и каждому следующему члену семьи для уплаты за квартиру. Такую помощь получает 12 тысяч квартиросъемщиков /28, с. 43/. Учитывая, что основным налогоплательщиком являются трудящиеся, то эта незначительная помощь фактически означает некоторое перераспределение доходов в пользу многодетных семей. В целях выравнивания уровней жизни и тем самым для снятия "социального напряжения" используется также государственное пособие многодетным семьям, которое при наличии трех детей составляет около 6 процентов средней заработной платы. С принятием нового закона о подоходном налоге единовременные выплаты многодетным семьям увеличатся с 50 до 70 марок за второго и 120 марок за третьего и каждого последующего ребенка. Однако одновременно отменяются некоторые специальные выплаты и свободные от налогообложения получения и в результате положение многодетных семей не изменится/29, с. 36ff./.

Изучение проблем налогообudgetной политики, как составной части социально-экономической политики буржуазии в области распределения и перераспределения национального дохода, наглядно демонстрирует ее эксплуататорскую сущность. Под давлением классовой борьбы, вынужденная идти на осуществление определенных социальных мер, буржуазия модифицирует организационно-экономические отношения и немедленно перекладывает издержки новых мероприятий на плечи государства. Таким образом, мы являемся свидетелями диалектического развития с одной стороны форм капиталистической собственности, которая эволюционирует от индивидуальной к государственной, и с другой стороны форм самообеспечения трудящихся от индивидуального обеспечения и группового

самообеспечения к обязательной системе самообеспечения всех трудящихся. Следовательно, на новом уровне обобществления производства с возрастанием значения человеческого фактора в производстве, перераспределение национального дохода принимает все более широкие масштабы. Государственная регулирующая деятельность в этой системе призвана в интересах господствующего класса сохранить существующие отношения распределения и перераспределения во всей системе производственных отношений в целом.

Ссылки на литературу

1. Тильпанов С.И., Шейнис В.И. Актуальные проблемы политической экономии современного капитализма. Л., Изд-во Ленингр. ун-та, 1973.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 4.
3. Буржуазные экономические теории и экономическая политика империалистических стран, Под ред. А.Г. Милейковского. М., "Мысль", 1971.
4. "Finanzbericht". 1968. S. 95.
5. Капиталистические и развивающиеся страны. М., Политиздат, 1973.
6. Gutachten der Steuerreformkommission. Bonn, 1971.
7. "Ifo-Schnelldienst", München, 1974, N 4.
8. "Ifo-Schnelldienst", 1973, N 14.
9. "Capital", Hamburg, 1973, N 11.
10. Leitlinien des 3 Steuerreformgesetzes. - In "Bulletin der Presse"..., Bonn, 1973, N 139.
11. Deutscher Bundestag. Drucksache 7/2. Bonn, 1972.
12. Ленин В.И. Молн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 7.
13. Deutscher Bundestag. Drucksache 7/370, Bonn, 1973.
14. "Bulletin der Presse"..., Sonderausgabe. Bonn, 1971, 23. Juni.
15. Цит. по кн.: Буржуазные экономические теории и экономическая политика империалистических стран. М., "Мысль", 1971.
16. "Finanzbericht", 1969, S. 47.

17. "Финансы СССР", 1973, № 10.
18. "Finanzbericht", 1973, S.105,108.
19. Deutscher Bundestag. Drucksache 6/2994, Bonn, 1971.
20. Op. cit. Drucksache 7/401. Bonn, 1973.
21. Wahlprogramm der SPD, Dortmund, 1972.
22. "Die neue Gesellschaft", Bonn, 1973, N 3.
23. Deutscher Bundestag. Drucksache 7/991. Unfallverhütungsbericht, Bonn, 1973.
24. Deutscher Bundestag. Drucksache 6/2155. Sozialbericht, Bonn, 1971.
25. Deutscher Bundestag. Drucksache 6/3432. Sozialbericht, Bonn, 1972.
26. Deutscher Bundestag. Drucksache 7/651, Bonn, 1973. (Mietenbericht 1972)
27. Марко К., Энгельс Ф. Соч. Т.26, ч.1.
28. Deutscher Bundestag. Drucksache 6/3432. Bonn, 1972. (Das zweite Wohngeldgesetz).
29. Op. cit. Drucksache 6/3432. Bonn, 1972, S.36ff. (Familien und Jugendpolitik).

КАПИТАЛИЗМ США в СЕРЕДИНЕ 70-х ГОДОВ И ПОЛИТЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ Д-РА К. ГЭЛБРЕЙГА

Мировая система капитализма переживает серьезный кризис. Подчеркивая эту особенность нынешнего положения в капиталистической экономике Л.И. Брежнев в Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду партии сказал, что "в капиталистическом мире разразился экономический кризис, остроту и глубину которого, по признанию самых буржуазных деятелей, можно сравнить лишь с кризисом начала 30-х годов. Резкое сокращение производства и рост безработицы в большинстве капиталистических стран переплелись с такими серьезными потрясениями мирового капиталистического хозяйства, как валютный, энергетический, сырьевой кризисы. Особую остроту кризисным процессом придали инфляция"¹ /I, с. 28/. Кризисные явления особенно глубоко происходят в США, главной стране империализма. В первой половине 70-х годов США сталкиваются с рядом серьезных экономических и социальных проблем, которые обозначились уже во время подъема промышленности в 60-е годы, подстегнутого милитаризацией экономики, раздуванием гонки вооружений, экспансией на внешних рынках. На протяжении последних лет валовой национальный продукт (ВНП) снизился в 1970 г. на 0,5%, в 1974 г. - на 2,2 и в 1975 г. - на 3,5%. Темп роста ВНП в первой половине 70-х годов был в 2 раза ниже, чем в 60-х годах /2, с. 16/. Разрушительное влияние экономического цикла сказалось также на недогрузке производственных мощностей (см. таблицу I).

Таблица I

Загрузка производственных мощностей США (%)^I
1967 г. = 100

1969	1970	1971	1972	1973	1974
86,5	78,3	75,0	77,6	83,0	79,0

^I Источник: "МЭ МО", Приложение к № 8, 1973, 1974, 1975 гг.

Такое положение не изменилось и в 1975 г. Более того, в I квартале 1975 года производственные мощности в промышленности США были загружены всего на 65%.

Ухудшение экономического положения отразилось и в других показателях хозяйственной деятельности. Усилилась инфляция, которая характеризуется заметным ростом цен (см. таблицу 2).

Таблица 2

Общий уровень цен в США (%)¹
1970 = 100

1971	1972	1973	1974	1975
104,6	108,1	114,1	125,9	137,7

Снизилась также покупательная стоимость доллара, о чем свидетельствуют данные, приводимые в таблице 3.

Таблица 3

Покупательная способность доллара США
(в потребительских ценах)²
1967 г. = 1,00

1970	1971	1972	1973	1974
0,860	0,824	0,799	0,752	0,678

Ударом по жизненному уровню населения было удорожание пользования транспортом на 11,2%, медицинскими услугами на 21,6%, электричеством на 15,3%. Соответственно снизилась и

¹ Источник: Main Economic Indicators. Nr. 12, OECD, Paris, 1975, pp. 50 - 51.

² Источник: Quarterly Economic Review. London, 1975, p. 16.

реальная заработная плата в среднем за год на 4,3%, а у рабочих на 5% /3, с.77/. Сочетание кризисных и инфляционных процессов характеризует новую черту развития американской экономики. Инфляция из экономического термина превратилась в реальное социально-экономическое явление, отражающее противоречия государственно-монополистического капитализма.

Рост экономических трудностей капитализма в первую очередь сказывается на положении трудящихся. Свидетельство этому, увеличение безработицы до самого высокого уровня за все послевоенные годы (см. таблицу 4).

Таблица 4

Доля полностью безработных в экономически активном населении США (%)¹

1971	1972	1973	1974	1975
5,9	5,6	4,9	5,6	8,6

Американские монополии пытаются все тяготы кризиса и инфляции переложить на трудящиеся массы. В 70-е годы характерно также распространение безработицы на ученых и инженеров. Возрастает поляризация американского общества, что проявляется в сокращении реальных доходов рабочих и служащих с одной стороны, и ростом прибылей корпораций, всего финансово-монополистического капитала, с другой. В середине 70-х годов особенно выросли прибыли нефтяных монополий, стальных трестов, химических концернов.

В США складывается глубокое неравенство в доходах. В 1972г "верхние" 20% семей получили 41,4% всех доходов, или столько же, сколько следующие 40%, и в 8 раз больше, чем "нижние" 20% семей /4, с.14/.

Такова реальность экономического положения США середины 70-х годов, которая ярко иллюстрирует процесс дальнейшего

¹ Источник: Main Economic Indicators, Nr. 12, OECD, Paris, 1975, pp. 52 - 53.

углубления кризиса капиталистической системы.

На 25 съезде КПСС было подчеркнуто, что "усилился идейно-политический кризис буржуазного общества" /1, с. 29/. Это отражается в кризисе буржуазной идеологии в целом, а также в кризисе буржуазной, политической экономики, как ее составной части. Еще Маркс писал, что развитие политической экономики "... идет нога в ногу с реальным развитием приносящих капиталистическому производству общественных противоречий и классовых битв" /5, с. 526/.

Потрясения экономики капитализма развеяли мифы о неизбежности, естественности капитализма. Весь ход общественного развития опровергает современные буржуазные теории, увековечивающие капитализм. Буржуазные экономические концепции оказались несостоятельными перед лицом проблем, поставленных научно-технической революцией и углублением общего кризиса капитализма. Особенно чувствительный удар был нанесен таким влиятельным буржуазным теориям как неоклассическая и неокейнсианская. Сами представители этих направлений были вынуждены признать неспособность капитализма решить многие экономические и социальные проблемы. Характерны в этой связи слова американского экономиста Роберта Хейлбронера: "Рынок не без присутствующих ему серьезных проблем. Это неэффективный инструмент обеспечения общества такими товарами и услугами, для которых не существует "ярлыка цены", такими как образование, коммунальные услуги, здравоохранение. ... Главный недостаток рыночной системы - ее неспособность формулировать общественные потребности кроме тех, что на рынке" /6, р. 218/.

Современная научно-техническая революция ведет к возрастанию значения вне рыночных, социальных и политических элементов общества. Последствия научно-технической революции показали несостоятельность и буржуазных теорий экономического роста, игнорировавших влияние социальных факторов. Обострение противоречий капитализма, его неспособность, несмотря на экономический рост, удовлетворить насущные потребности подавляющей части трудящегося населения, особенно быстро растущие коллективные потребности - все это привело к тому, что иллюзии "потребительского общества", "общества изобилия" сильно померкли /7, с. 41/.

В таких условиях экономического и идеологического кризиса американского общества в 70-х годах появилась книга известного американского экономиста Джона Кеннета Гэлбрейта "Экономика и общественная цель" /8/. Эта работа характерна тем, что в ней политекономические взгляды Гэлбрейта претерпели изменения по сравнению с предыдущими работами под влиянием общего кризиса американского капитализма.

Появление этой книги было вызвано не только необходимостью критики ряда важнейших постулатов господствующих буржуазных экономических теорий, главным образом неоклассических и неокейнсионских, но и поисками новых путей выхода из создавшегося положения, которое чревато серьезными социальными потрясениями, угрожающим капитализму США. Буржуазное общество крайне заинтересовано в таких новых концепциях, способных "вдохнуть жизнь" в капиталистический строй перед лицом объективных закономерностей общего кризиса капитализма, перед развитием мирового революционного процесса, соревнованием, борьбой мирового социализма и мирового капитализма. Именно поэтому новая работа Гэлбрейта рекламировалась в США не только как критический анализ причин "неудач" капитализма, но и как "лекарство" для выживания системы капитализма. "Что мы можем и что мы должны делать, чтобы изменить нашу неисправную экономическую систему перед тем, как она уничтожит себя и нас". Такими риторическими вопросами сопровождала американская реклама появление новой книги Гэлбрейта.

Дж. К. Гэлбрейт один из наиболее известных и читаемых современных буржуазных экономистов. Нередко он выступает с критикой по поводу ряда практических действий американского империализма, ратует за необходимость многих реформ. Однако, как уже давно отмечалось советскими экономистами, Гэлбрейт в своих рассуждениях "внешне новаторских, не выходит за рамки традиционной для буржуазной политической экономии концепции, согласно которой все зло капитализма можно уничтожить, не изменяя системы производства, лишь путем реформ в сфере распределения" /9/.

Предыдущая работа Гэлбрейта "Новое индустриальное общество" была посвящена анализу тенденции развития современного американского капитализма. 60-е годы были периодом бурного цикла-

ического подъема в США. Темпы развития научно-технического прогресса, рост корпораций, создание конгломератов нашли отражение в книге, в которой по меткому выражению американского публициста Антони Сэмпсона "профессор Гэлбрейт поет дифирамбы этим гигантам" /10, с. 110/. "Корпорация, пишет Гэлбрейт, становится инструментом, позволяющим придать общественную значимость целям тех, из кого она состоит. В ходе этого процесса приспособления общественно полезным становится то, что служит целям членов техноструктуры" /9, с. 208/.

Дл. Гэлбрейт старается доказать, что возникновение в условиях научно-технической революции "зрелых корпораций, управляемых "техноструктурой", менеджерами, которые планируют производство, не руководствуясь мотивом прибыли, создает экономическую базу для ликвидации классового конфликта, угрожающему существованию капитализма.

Такие "мажорные" тона характерны для всей системы взглядов Гэлбрейта, изложенных в книге "Новое индустриальное общество". Однако действительность показала противоречивость научно-технической революции в условиях капитализма. В большинстве случаев наука и техника стали средствами для реализации целей, выражающих интересы правящих классов. Даже такое достижение человеческого разума как, например, ЭВМ в классовом обществе становится носителем определенных социальных интересов, используется правящим классом для укрепления своих позиций посредством сбора и обработки информации о настроении отдельных лиц и организаций.

Усиливающаяся в начале 70-х годов нестабильность экономического и социального положения в США заставила многих буржуазных экономистов, в том числе и Гэлбрейта, пересмотреть свои взгляды и признать, что все чаще обнаруживаются диспропорции и конфликты между достижениями науки и техники и консерватизмом экономической, социальной и политической системой капитализма. Уже до выхода в свет книги "Экономика и общественная цель" можно было судить о некоторых изменениях, происшедших во взглядах Гэлбрейта на развитие современного буржуазного общества. В конце 1970 года в интервью английскому еженедельнику "Обсервер" Гэлбрейт высказался, что "цель в этом мире не потребление, а разумное использование жизни и наслаждение ею", доказывая тем

самим, что в индустриальных странах надо добиваться снижения темпов экономического роста, чтобы избежать социальных издержек, создающих добавочное напряжение жизни /7, с. 29/.

В своем докладе на конференции Международной экономической ассоциации, проходившей в 1971 г. в Австрии, Гэлбрейт говорил, что одной из наиболее примечательных черт экономической жизни последнего десятилетия является, по его мнению, изменение отношения общества к развитию техники. До недавнего времени слово "изобретение" было синонимом прогресса, и поощрение нововведений было главной функцией государства. Сейчас же возникает сомнения (приобретающие все более политическую окраску) относительно обоснованности или нежелательности многих новшеств.

Новые процессы производства, по мнению Гэлбрейта, заключают в себе потенциальную социальную опасность, связанную с возможностью появления новых источников загрязнения атмосферы, водоемов, земной поверхности. Таким образом, заключает Гэлбрейт, новшества в производстве товаров, как частного, так и общественного потребления, перестают быть чем-то, что может быть приемлемо только как положительный фактор /II, с. 17-24/.

В данном случае Гэлбрейт опровергает собственный тезис о единстве целей корпорации и представляющей ее техноструктуры с целями потребителей или общества /9, с. 208/.

Совершенно очевидно, что такая оценка прогресса новой техники Гэлбрейтом, не учитывает конкретные социально-экономические условия. Отрицательные последствия современного развития науки и техники не присущи им самим по себе, а являются результатом их применения в условиях капитализма. В концентрированном виде эволюция политэкономических взглядов Гэлбрейта на социально-экономическое развитие США показана в его новой работе "Экономика и общественная цель".

Уже в предисловии к настоящей книге Гэлбрейт заявляет, что его взгляды претерпели некоторые изменения по сравнению с предыдущими работами, такими как "Общество изобилия" и "Новое индустриальное общество". Относительно главной темы книги он пишет: "Доминирующая как барабанный звук тема этой книги - неравное развитие и сопровождающая ее неравенство в доходе" /12, р. VIII/. Это находит свое выражение в различном уров-

не развития "плановой" и "рыночной" систем. Он выдвигает тезис о разделении экономики США на две системы - "плановую" и "рыночную". По мнению Гэлбрейта, неравномерное развитие этих систем, противоречия между ними и составляют основу кризиса американского общества. Под "плановой системой" Гэлбрейт подразумевает крупные корпорации, которые осуществляют процесс производства на основе внутрифирменного планирования. Конечно, такое планирование можно рассматривать только как средство Реализации на рынке, квазипланирование, не имеющее ничего общего с социалистическим народнохозяйственным планированием. "Рыночную систему" составляют индивидуальные предприятия, мелкие предприниматели, лица свободных профессий и т.д.

Основываясь на такой абстрактной и формальной схеме, Гэлбрейт ставит "диагноз болезни" экономики США: "неравномерное развитие экономики является следствием силы, развертываемой различно внутри плановой системы по сравнению с рыночной системой" /12, р.242/. Другими словами - неравноправие и разрыв между уровнями развития "плановой" и "рыночной" систем. Такое положение является основой всей теории реформ Гэлбрейта. Он пишет "реформа в современном экономическом обществе происходит прямо от диагноза" /12, р.207/.

Для преодоления настоящего кризиса Гэлбрейт считает необходимыми:

- 1) меры по уравниванию сил внутри экономической системы. (Что следует понимать под "уравниванием сил", Гэлбрейт не поясняет);
- 2) меры по уравниванию компетентности внутри экономической системы. Особенно важны здесь функции - обеспечение жилищем, городской транспорт, медицинское обслуживание, культурные услуги, которые не поддаются организации плановой системы и недостаточно представлены рыночной системой. Это обозначает главную область социального действия или социализма;
- 3) меры по увеличению равенства в доходах между рыночной и плановой системами и внутри плановой системы, чтобы компенсировать и преодолеть присущую тенденцию к неравенству;
- 4) меры по выравниванию целей плановой системы, которые

вовдествуют на окружающую среду, с целями общества. Это включает регулирование или запрещение таких последствий производства и потребления - загрязнение воды и воздуха, урон ландшафту, которые служат целям плановой системы, но противоречивы с целями общества;

- 5) меры по контролю за общественными расходами, чтобы обеспечить их служение общественным целям отличных от целей плановой системы;
- 6) меры по устранению систематических дефляционных и инфляционных тенденций плановой системы;
- 7) меры по обеспечению межпроизводственной координации, на которую плановая система не способна /I2, p.241/.

Совершенно очевидно, что под "общественными целями" ГЭЛБРЕЙТ не имеет ввиду конкретные социально-классовые устремления слоев американского общества. Нет упоминания о том, что может быть главной движущей силой для реализации "общественных целей". В предлагаемых реформах активная роль отводится государству. По отношению к "рыночной" системе оно должно не пассивно, а решительно поддерживать развитие "рыночной" силы. По мнению Гэлбрейта это означает "всеобщее освобождение мелких предпринимателей от всех запретов в антитрестовских законах против объединения, чтобы стабилизировать цены и выпуск продукции" /I2, p.246/.

Такие меры, пишет Гэлбрейт, "дадут мелкому предпринимателю (и его рабочим) что-то от гарантий в ценах, доходе и с этим в инвестициях и планировании, которые крупная фирма (и ее служащие) имеют как само собой разумеющийся" /I2, p.246/.

Далее необходимо "прямое государственное регулирование цен и производства в рыночной системе, сильное и эффективное поддержание профсоюзных организаций в рыночной системе, расширение и значительное увеличение минимальной заработной платы" /I2, pp. 246-247/. Какой же принцип этого "альтернативного дохода"? Чем отличается он от пособия по безработице? По Гэлбрейту уровень этого дохода должен быть умеренно меньше того, что можно заработать в "плановой" системе.

Альтернативный доход установит также границы "добровольной самоэксплуатации". Под "самоэксплуатацией" Гэлбрейт понимает ненормированный труд мелкого предпринимателя и членов его семьи.

"Альтернативный доход" установит уровень до размеров которого заработная плата в рыночной системе не может быть понижена/12, р. 252/. Разумеется, возникает вопрос, что некоторые реципиенты "альтернативного дохода" не будут работать. Однако Гэлбрейт поясняет, что индивид, который работает, получает больше, чем тот, кто не работает. Когда человек получает работу, он должен терять некоторую часть, но не весь "альтернативный доход", так что он всегда будет в лучшем положении работая. Работа остается неизбежным требованием экономического общества. Но центральная задача "альтернативного дохода" в том, что индивид не вынужден сократить свой доход ниже какого-то минимума, чтобы получить эту работу/12, р. 252/. Конечно, "политика доходов" Гэлбрейта не является основной темой его новой работы. Это лишь звено в цепи реформ, предлагаемых Гэлбрейтом. Но и здесь показана необходимость государственного управления экономическими и социальными процессами, в том числе и в области заработной платы. Реформизм Гэлбрейта ограничен. Его главное проявление в непонимании того, что характер общественного строя, уровень социального прогресса можно изменить только изменив способ производства. Только замена частнособственнических отношений капитализма производственными отношениями социализма — основа которых, общественная собственность на средства производства — уничтожает противоречие между трудом и капиталом, противоречие, которое Гэлбрейт пытается решить с помощью своей теории реформ и в том числе "политикой доходов".

Современный империализм — переходная стадия от капитализма к социализму. Не только Гэлбрейт, но и большинство буржуазных теоретиков понимают, что капитализм находится в состоянии огромных изменений. При этом справедливо замечание "социализм с такой силой стучится в дверь современного капитализма, что некоторые его апологеты не нашли лучшего способа защиты капитализма, как изобразить в качестве некоей разновидности "социализма"/13, р. 493/. "Новый социализм" Гэлбрейта по его мнению неизбежен.

"Разве что ценой серьезных неудобств, значительных социальных беспорядков и иногда смертельного ущерба здоровью и благосо-

стоянию. Поэтому этот "новый социализм" не является идеологическим, он принужден обстоятельством. Это обстоятельство - отставшее развитие рыночной системы"/12, р.266/. Некоторые из отставших отраслей являются особенно важными для будущего существования общества. Они предоставляют жилье, медицинские услуги, городской транспорт. Поэтому Гэлбрейт видит только единственное решение - "эти отрасли не могут функционировать в рыночной системе. Они не развиваются в плановой системе. Ответом для этих индустрий - полная организация под общественной собственностью (читай "государственной собственностью"-А.Р.). Это и есть новый социализм, который ищет слабые места в экономике"/12, р.268/.

Разумеется "новый социализм" Гэлбрейта ничто иное, как активное вмешательство государства в инфраструктуру общества в условиях государственно-монополистического регулирования экономикой. Такая "социализация" наблюдается и в США, например, в железнодорожном транспорте. Но по мнению Гэлбрейта этого недостаточно. Только, "когда социализм будет рассматриваться как необходимая и полностью нормальная черта системы, ситуация изменится"/12, р.269/. Итак, "социализм" в толковании Гэлбрейта является хорошим "лекарством" для отраслей слаборазвитых и средним контролем над высокоразвитыми. "Социализм это слово, которое мы не можем дольше скрывать. Социализм уже существует", пишет Гэлбрейт, как бы в ответ тем представителям "большого бизнеса", которые любые меры государственно-монополистического регулирования считают проявлением социализма.

Однако, "социализм" Гэлбрейта не затрагивает основ капиталистического общества. Это лишь одна из тенденций развития либерального реформизма. Вместе с тем новая книга Гэлбрейта показывает определенную трансформацию его взглядов на общественное развитие. Этот процесс уже не изображается им как автоматическая, бесконфликтная эволюция по мере прогресса науки и техники, которое не имеет ничего общего с капиталистической эксплуатацией. В мерах, предложенных Гэлбрейтом, отражаются те насущные проблемы, которые стоят перед современным капитализмом. Углубление общего кризиса капитализма заставляет буржуазных теоретиков искать подновленные, модернизированные теории и пути, которые в конечном счете не разрешают глубинные противоречия, присущие капиталистическому обществу.

Улучшение условий труда и жизни, социальные преобразования, реальное участие трудящихся в процессе управления, наконец, научный социализм невозможен без устранения господства монополий, без замены капитализма социалистической общественной системой.

Это со всей ясностью было подчеркнуто на XXI съезде коммунистической партии США, состоявшейся 26-29 июня 1975 г. в Чикаго. Генеральный секретарь партии Гэс Холл, выступая с докладом и подвергнув глубокому и всестороннему анализу развитие капитализма на современном этапе и подробно остановившись на особенностях проявления в США, отметил, что общий кризис капитализма углубляется потому, что в рамках этого строя нет места решению главных проблем, стоящих перед обществом. Именно так обстоит дело даже в самой богатой и самой сильной из капиталистических стран. Капитализм просто изжил себя /10, с.74/.

Ссылки на литературу

1. Материалы XXV съезда КПСС. М., Политиздат, 1976.
2. "США, экономика, политика, идеология", 1976, № 4.
3. "МЭ и МО". 1975. Приложение к № 8.
4. "США", 1976, № 3.
5. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Изд. 2, Т. 26, ч. III.
6. Heilbroner R.L. The Making of Economic Society. N.Y., 1968.
7. Критика буржуазных концепция научно-технической революции. М., "Мысль", 1976.
8. Galbrath J.K. Economics and the Public Purpose. Boston, 1973.
9. Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество. М., "Прогресс", 1969.
10. "США", 1975, № 8.
11. Цит. по РИ "Экономика". 1975, № 2.
12. Galbrath J.K. Economics and the Public Purpose. New York, 1975.
13. Далин С.А. Послевоенный государственно-монополистический капитализм США. М., "Наука", 1972.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРАВИТЕЛЬСТВА ФРГ
В СФЕРЕ ЗАНЯТОСТИ

Для оценки развития современного государственно-монополистического капитализма недостаточно рассмотреть только столкновение пролетариата и буржуазии в области налогово-бюджетной политики государства. Усложняя процесс капиталистического воспроизводства, научно-техническая революция предъявляет жесткие требования к качеству рабочей силы с точки зрения ее общеобразовательного и профессионального уровня подготовки. Меняются требования, предъявляемые к самой системе формирования, распределения и использования рабочей силы. Социально-экономическая сущность этой проблемы заключена в том, что в процессе перемещения рабочей силы вслед за капиталом, на новом уровне развития, рынок труда представляющий собой сферу производственных отношений капитализма, где непосредственно ведется купля-продажа товара рабочая сила, больше не способен автоматически и стихийно обеспечить количественную и качественную потребность хозяйства в рабочей силе, т.е. обеспечить реализацию закона перемены труда.

Процесс обобществления производства, приведший к возрастанию роли государства в технико-экономической организации производительных сил, требует соответствующих изменений и в сфере социально-экономической организации. Требуется обеспечить новый уровень отраслевой, профессиональной и квалификационной, а также региональной мобильности рабочей силы. В результате совершенно новое значение приобретают такие, утверждающие потенциальную возможность трудовой мобильности рабочей силы факторы, как система общеобразовательной, профессиональной и технической подготовки, здравоохранение и культура быта.

Переход к интенсивному хозяйствованию в 60-е годы в ФРГ подтвердил, что система рыночного регулирования качества и цены труда, спроса и предложения в условиях научно-технической революции изжила себя. Устранить отсталость в этой области в общенациональном масштабе было призвано государство, в соответствии с задачами выдвинутыми в "законе о стабилизации и содействии роста экономики".

Таким образом, к государственному регулированию занятости ведут объективные потребности политики роста, когда целевые установки требуют четкого определения необходимого количества и качества рабочей силы. Такого подхода требует и социально-политическая обстановка в развитых странах капитала, весь ход противоборства капитализма с социализмом. Следовательно, классовая задача государственного регулирования занятости, как составной части комплекса социально-экономической политики, чрезвычайно противоречива. С одной стороны, необходимо создать и поддержать видимость социально справедливых условий найма и труда. С другой, подготовить и представить монополистическому капиталу профессионально высококачественную, но аподитичную рабочую силу, наиболее пригодную для капиталистической эксплуатации в процессе производства.

В основе регулирующих мер в области занятости, принятых буржуазными экономистами и политиками, лежит идея зависимости занятости от совокупного спроса общества. Эта кейнсианская догма призвана оправдать неспособность буржуазных правительств справиться с безработицей. Но специфическим для ФРГ в области регулирования занятости до сих пор являлся относительно низкий уровень безработицы - 0,7 - 1,5 процентов по отношению к трудоспособной части наемной рабочей силы и также значительная доля иностранных рабочих, достигающая 8-12 процентов всех занятых. Во многом это связано со своеобразием внешнеэкономической экспансии западногерманского капитала, где преобладает экспорт товаров, но не менее важны и престижно политические соображения противоборства социалистическому развитию ГДР.

Вследствие этого, такие вызывающие напряжения на рынке труда явления, как дефицит квалифицированных рабочих новых

профессий и специальностей для обслуживания новейшей техники; избыток квалифицированной и полуквалифицированной рабочей силы в старых отраслях и прежде всего в горнодобывающей промышленности; необходимость регулирования соотношения между местной и привлеченной из других стран иностранной рабочей силы. Правительство ФРГ намерено преодолеть созданием новой системы и перестройкой методов обучения в общеобразовательной школе и расширением возможностей профессионально-технического образования как для молодежи, только что окончившей школу, так и для тех, кто нуждается в переквалификации в рамках региональной рационализации рабочих мест.

В результате острой дискуссии во второй половине 60-х годов, в ходе которой общественность ФРГ потребовала ликвидации трехгодичной общеобразовательной школы и улучшения профессионального образования, государство более активно, чем прежде, включилось в развитие системы образования.

Характерным для действий буржуазии является стремление улучшить систему профессионального образования, обходя вопрос о 10-летнем образовании с правом поступления в вуз для детей рабочих. Об этом свидетельствует социальный состав учащихся в 13-ом классе гимназии и в вузах страны. Здесь среднегодовой показатель для детей рабочих колеблется соответственно вокруг величины 6-7 и 5,5 процентов/1, с. 114/.

В октябре 1971 года специальной комиссией было принято решение "о общем плане образования и бюджетных ассигнованиях". В отчете предложены мероприятия по формированию производственного обучения и сделан вывод, что "профессиональное и общее образование должны представлять одинаковую ценность"/2, с. 23/.

В анализах профессиональной мобильности экономисты ФРГ с особым ударением пишут о "неком консерватизме" рабочих. "Чем больше социального имущества, тем больше как нечто само собой разумеющееся кажется многим рабочим "гарантированное" постоянное место работы. Но занятым должно быть ясно, что они будут обеспечены тем больше работой, чем меньше они будут смотреть на приобретенную профессию как единственную в своей жизни, чем больше она будет готова считаться

с постоянно меняющимся требованием динамичной экономики, переобучаться и повышать квалификацию"/3, с. 69/. Такое требование актуально, так как профессиональная и квалификационная мобильность ФРГ значительно отстает от США и Японии. В этом в значительной мере виновна система профессионального образования ФРГ.

Мобильность рабочей силы теснейшим образом связана с профессиональным образованием. Федеральный министр труда Г. Катцар в 1969 году отмечал, что "без достаточного профессионального образования рабочий не имеет возможности приобщиться и переориентироваться. Профессиональное образование - предпосылка мобильности"/4, с. 7/. Критикуя методы профессионального обучения, достаточного только для малоквалифицированной деятельности, правительство в 1970 году отмечает, что "эти методы в основном ориентируются на конкретные требования к знаниям и умениям рабочего, нацелены на привитие рабочему навыков профессиональной деятельности без необходимой теоретической базы"/5, с. 38/.

Свое отношение к проблеме профессионального образования на 70-е годы правительство выразило в целевой проекции 1973 года. "Современное профессиональное обучение является необходимой основой для профессионального и общего развития каждого. Оно должно сделать возможным для работающего содержать и вводить свои знания и способности по последнему слову технического развития. Улучшению профессионального образования федеральное правительство придает особое значение. Оно будет выступать с особым усилием за современный порядок образования, который предусматривает широкое основное образование, базирующееся на профессиональной мобильности и за выходящее из этого специальное профессиональное образование, а также за строгость вне производства образовательных пунктов, за уничтожение образовательной борьбы между регионами, отраслями и предприятиями и, за лучшее согласование профессионального образования проводимого в школе и на предприятии"/6, с. 16/.

До сих пор особенностью западногерманской системы профессионального обучения было то, что большинство будущих индустриальных рабочих подготавливалось в ремесле, обучались

в явном несоответствии с требованиями технической революции. По большей части учащиеся используются как дешевая рабочая сила. В течение рабочего дня, который продолжается 8,1 - 9,4 часа, только 5,3 часа ремесленный учащийся подготавливался к будущей профессии, а в остальное время используется в качестве подсобного рабочего. Не лучшее положение учеников на заводах и в сфере бытового обслуживания. В то же время работодатели извлекают прибавочную стоимость не только эксплуатируя труд учеников, но и выплачивая мизерное вознаграждение. Но самый большой урон от несовершенной системы профессионального обучения заключается в том, что в большинстве случаев в ремесле обучаются профессии, которые сегодня не нужны. В течение 60-х годов правительство приняло более 10-ти законов, регулирующих профессиональную подготовку, создало федеральное ведомство по трудоустройству и обеспечению безработных.

Средства, потраченные на эти цели, возросли от 15,3 млн. марок в 1966 году до 132,8 млн. марок в 1969 году, а в 1971 году превысили 300 млн. марок/2, с. 25/. В различных мероприятиях по повышению квалификации и переквалификации участвовало в 1969 году 40898 мужчин и 8812 женщин, в 1970 году 60016 мужчин и 15968 женщин, к июню 1971 года 115920 мужчин и 23076 женщин/2, с. 26/. Еще в 1967 году для методического анализа состояния рынка труда и прогнозирования его развития в г. Эрлангене был образован "Институт исследования рынка труда и профессии". А в 1969 г. вступил в силу: закон о развитии труда (Arbeitsförderungsgesetz), закон о профессиональном образовании (Berufsbildungsgesetz) и закон о развитии образования (Ausbildungsförderungsgesetz). Основание для принятия законом переход к политике, которая охватывает все области воспроизводства рабочей силы и поворот к всеобщему государственному регулированию занятости? Тогдашний министр Ганс Катцер заверял, что новые названия - закон о развитии труда, вместо закона о предоставлении работы и обеспечения безработных и федеральное ведомство труда, вместо федерального ведомства по трудоустройству и обеспечению безработных, означают не только новые эпитеты, но и значительные перемены в политике госу-

дарства. Новый законодательный акт означает переход: -
"от поголовного" ограждения от безработицы к своевременным превентивным мерам против затруднений на рынке труда;

- от компенсации и посредничества в отдельных случаях к всеохватывающей и предусмотрительной политике правильного выбора профессии и места работы;

- от одноразовой консультации при вступлении в профессиональную жизнь к специальной и ступенчатой консультации в вопросах профессии, труда и образования, в течение всей трудовой жизни;

- от использования фондов федерального ведомства для обеспечения безработных и для коммерческих целей к продуктивному применению средств для создания и структурного преобразования рабочих мест;

- и, наконец, от ограничения услуг учреждений труда только рабочими и служащими к широкому предложению услуг всем, в том числе и самостоятельному населению. Это имеет особенно большое значение в области сельского хозяйства"/4, S. 6/.

Закон о развитии труда (АФГ)/7/ расширил список задач, поставленных перед бесплатной профессиональной консультацией. Понятно - в выбор профессии включена и смена вида занятия, а этим отброшена установка, которая проводилась до 1969 года и в соответствии с которой "советовать надо только молодежи".

§ 26 АФГ обязывает Федеральное ведомство помогать в решении проблем всеобщего образования, поскольку это сопряжено с выбором профессии.

Чтобы Федеральное ведомство могло дать более квалифицированные и надежные советы улучшить сбор данных о состоянии и структурных сдвигах рынка труда. Предприниматели, министры и т.д. в обязательном порядке должны 8-го числа каждого месяца извещать Федеральное ведомство о намеченных изменениях в составе производственного персонала заблаговременно за 12 месяцев до начала осуществления мероприятий. В тех случаях увольнения рабочих или служащих, когда компания не информировала об этом Федеральное ведомство, АФГ дает право требовать от компании возмещения 6-ти месячных издержек переквалификации уволенных.

Согласно АФГ гражданам Западной Германии предоставляя, персональная и институциональная финансовая поддержка при профессиональном образовании, повышении квалификации и переквалификации.

Посщряются учащиеся (как молодежь, так и взрослые до и старше 30 лет), которые проходят обучение на предприятиях или в учебных мастерских. Согласно АФГ обучающиеся должны получать ежемесячно:

	от предприятия (марок)	от Федерального ведомства(марок)
1 году обучения	80	120
2 году обучения	120	80
3 году обучения	160	40

При повышении квалификации, если оно не продолжается более двух лет, трудящиеся должны получить при полном дне занятости 120% от пособия по безработице. Федеральное ведомство также оплачивает издержки на учебные пособия, транспорт, рабочей одежды, оплачивает взносы социального обеспечения.

Если повышение квалификации происходит по совместительству с работой, и на учебу уходит не менее 1/3 рабочей недели, то за это время рабочий и служащий получает пособие, а также все другие льготы, как при повышении квалификации с отрывом от производства.

Эту помощь рабочие и служащие получают безвозмездно, а так называемые самостоятельные, получают в кредит.

В этом случае, когда после повышения квалификации рабочий не может найти работу в течение 6-ти месяцев, ему гарантируется пособие на прожиток 78 дней. Если мероприятие по повышению квалификации длилось не менее одного года, тогда рабочий получает пособие 156 дней и оно тогда на 15 процентов меньше, чем при учебе. Конечно, все это предоставляется не каждому, а только тем, которые по заключению комиссии Федерального ведомства труда имеют необходимые физические и умственные данные, а также исходя из сложившегося положения на рынке труда.

Безработным предоставляется возможность переквалификации.

Выдаются такие же пособия как при повышении квалификации, а самостоятельным, например, крестьянам, которые хотят стать индустриальными рабочими, выдаются ссуды, при условии, что переквалификация продлится более двух лет. Если после обучения рабочий сразу не может дать полную норму выработки, то Федеральное ведомство предоставляет работодателю субсидии "приработки", но не более одного года.

В соответствии с АФГ, материально поощряются и учреждения, которые служат профессиональному образованию, переквалификации или повышению квалификации, за исключением профессионально-технических школ и учебных мастерских, которые преобладающим образом функционируют в интересах одного предприятия или компании. Если этого требует обстановка, Федеральное ведомство создает свои учебные центры.

Федеральное ведомство помогает безработным устроиться на работу, выдавая добавки на издержки по устройству на переезд, подъемные и на производственные принадлежности. Если место работы находится далеко от места жительства и рабочему необходимо некоторое время жить отдельно от семьи, то на это выдается соответствующая компенсация. Выплачивается также пособие на преодоление трудностей (не более двух месяцев). Федеральное ведомство может, если этого требуют серьезные затруднения на рынке рабочей силы, выплачивать работодателям в течение двух лет дотации или выдавать ссуды за каждого устроенного на работу в размере 60 процентов от тарифной ставки. Ему разрешено поощрять.

Федеральное ведомство выплачивает, при соответствующих условиях, пособия за неполный рабочий день.

Чтобы работы на строительстве не прекращались весь год, с 1 ноября по 31 марта выдается компенсация за время перебива работы из-за плохой погоды.

АФГ предусматривает весьма серьезную перемену в использовании средств Федерального ведомства труда.

Если в предшествующем АФГ в законе ограничивалось использование средств ведомства за создание новых рабочих мест, то согласно АФГ ведомство может поддержать в форме дотаций или ссуд мероприятия, которые ведут к расширению

занятости. В этой области АФГ (см. § 91) выдвигает следующие цели:

1. Создание условий для продолжительной занятости безработных, чтобы выравнивать последствия структурных сдвигов или технического развития.
2. Подготовка и проведение мероприятий, совершенствующих структуру предприятия, отрасли народного хозяйства.
3. Создание возможностей получить работу пожилым безработным. Для этого ведомство выплачивает, т.е. предоставляет финансовую поддержку как государственным, так и частным предприятиям и учреждениям.

Федеральное ведомство выплачивает так же пособия безработицы. Как видно, АФГ дает государству в лице Федерального ведомства труда относительно широкие права и обязанности по регулированию совокупной рабочей силы как конъюнктурно, так и в социально-экономическом аспекте. Поддержка и поощрение мобильности — это коренная задача АФГ. Осуществление этой задачи зависит от многих факторов. Отмечается необходимость содействия монополистического капитала преобразованию отраслевой и профессионально квалификационной структуры рабочей силы ФРГ. Важны также размеры финансовых ресурсов Федерального ведомства труда. Источником средств ведомства является главным образом взносы предпринимателей и трудящихся, причем, каждая из сторон должна внести половину данной суммы.

В случае превышения расходов Федерального ведомства над поступлениями, оно может использовать резервный фонд; но если этого недостаточно, тогда Федеральное правительство представляет долгосрочные соуды.

Хотя Закон о развитии труда выдвигает принципиально новые задачи государству, однако, это только шаг в сторону капиталистического долгосрочного программирования в сфере воспроизводства рабочей силы; так как предусматривается только собиране данных и составление прогнозов. Составление программ по развитию и размещению рабочей силы в национальном масштабе это в ФРГ вопрос будущего.

АФГ обязывает Федеральное ведомство труда к весьма ши-

рокому поощрению и поддержке профессионального образования, переквалификации, но учебные планы, содержание процесса подготовки, изменения в них в соответствии с требованиями научно-технической революции, оставлено в компетенции палат промышленности и торговли и ремесла - в компетенции коллективных органов частного капитала, которые в своих действиях руководствуются интересами прибыли. Государственным органом оставлено только право рекомендации, а не право директивы. Никакие существенные изменения не внес и другой законодательный акт - Закон о профессиональном образовании, который вступил в силу 1 сентября 1969 года. Он тоже не предусматривает создание органа публичного контроля, который бы был независим от монополий.

В этом законе, вопреки требованиям общественности, не намечено развертывание широкого профессионального образования, подготовка высококвалифицированными преподавателями и производственными мастерами молодежи и взрослых к основным профессиям, на базе которых возможна весьма разносторонняя специализация и профессиональная мобильность^{8, с. 6/}.

Таким образом, суммируя вышеуказанное, следует, что в ФРГ государство в регулировании рынка труда использует косвенные, индикативные методы. Переход к такому регулированию произошел в конце 60-х в начале 70-х годов. Пренебрежение буржуазного государства к регулированию занятости в значительной мере было вызвано тем, что до 60-х годов в ФРГ был благоприятный для экономического развития баланс рабочей силы. Затруднения в сфере воспроизводства квалифицированной рабочей силы, возникшие в 60-е годы, вынудили западно-германское государство взять на себя ряд новых, прежде не свойственных ему функций, особенно с законодательными актами 1969 года. И находит выражение факт, что в условиях научно-технической революции монополии не способны в одностороннем порядке реализовать ее потенциалы, если с самого начала они не организуют с помощью государства решающие процессы общественного воспроизводства: воспроизводство средств производства на новой технической основе, и воспроизводство квалифицированной рабочей силы.

Попытка изменить противоречивую обстановку в области

регулирования занятости правительством ФРГ предпринимается в двух направлениях. С помощью бюджетных ассигнований на развитие всей сферы общего и профессионального образования, науки и исследований и созданием специфических условий и возможностей эксплуатации монополиями ФРГ большой массы низкоквалифицированной рабочей силы.

Так, во втором финансовом плане правительства, предусмотрено на цели образования и науку до 1976 года затратить соответственно в 1972 г. - 6,02 млрд. марок, в 1973 г. - 6,65, в 1974 г. - 7,5, в 1975 г. - 8,3, в 1976 г. - 9,3 млрд. марок/9, s. 126/. В долгосрочном прогнозе предполагается, что государственные ассигнования на все области образования к 1985 году достигнут 8 процентов валового общественного продукта/9, s. 157/. Что касается предпринимателей, то они рассматривают затраты на профессиональное обучение из своих фондов, как излишние расходы. В 1969 году в структуре расходов предпринимателей на рабочую силу, затраты на профессиональное образование составили всего 0,96 процента/10, с. 35/ "Важно отметить, - пишет известный американский экономист Дж. Гэлбрейт, - что новые требования к образованию находят-ся в противоречии с социальными установками предпринимателей"/II, с. 289/. В этом яркое проявление реакционности монополистических кругов по отношению к рабочему классу, страх перед ростом социального самосознания и политической активности грядущихся.

Вместо того, чтобы активно содействовать качественному росту местной рабочей силы и на этой основе использовать достижения научно-технической революции (тем самым повышая конкурентоспособность своей продукции), западногерманские монополии стремятся сократить издержки производства путем привлечения большой массы низкоквалифицированной иностранной рабочей силы.

Объясняя причины, побудившие монополии ФРГ и других развитых капиталистических стран стимулировать приток рабочих из-за границы, журнал "Шпигель" пишет: "Иностранные рабочие ничего не стоят приютившей их стране, ибо среди них нет грудных младенцев, школьников, учеников - подмастерьев, больных: она обязаны вносить вклад в содержание стариков,

больных и инвалидов этой страны" /12/.

"Представим, - пишет итальянский экономист - коммунист Паоло Чинани в книге "Эмиграция и империализм", - что ФРГ не смогла бы использовать труд миллионов иностранцев, а была вынуждена ждать, пока этот миллион, так сказать, "созреет" внутри страны. Данный процесс был бы равносителен тому, как если бы боннское государство на протяжении пятнадцати-двадцати лет кормило, одевало, обеспечивало жилищем, больницами, школами целый город с миллионным населением. Однако речь идет не об одном миллионе иностранных рабочих" /13/.

Сокращение количества занятых граждан ФРГ, в первую очередь связана с возрастной структурой населения ФРГ, а также с ухудшением конъюнктуры рынка труда в результате экономической депрессии, когда в 1975 году численность безработных достигла 1,2 млн. человек, что на 800 тысяч больше, чем в начале 1974 года.

Анализ занятости иностранных рабочих по отраслям показывает, что больше всего они заняты на подсобной малоквалифицированной работе.

В социальном плане иностранные рабочие представляют самую лучшую для монополий рабочую силу. 61 процент иммигрантов мужчин моложе - 40 лет, 58 процентов и 70 процентов женщин моложе 35 лет /14, с. 144/. Они выносливы, редко болеют, не выдвигают по мнению предпринимателей, "необоснованных" требований.

От эксплуатации иностранных рабочих выигрывает не только монополия, но и буржуазное государство. Экономится средства на социальное обеспечение, за счет заниженных расходов на заработную плату делаются попытки одержать волну инфляции. Выигрывает и государственный бюджет.

Несомненно социальные последствия для стран-экспортеров рабочей силы: "В то время, как бедняки переселяются в промышленные метрополи, которые становятся еще богаче благодаря их труду, слабо развитые районы остаются в высшей степени отсталыми" /15/.

Проблема рабочих-иммигрантов не нова. Исследуя причины, порождающие иммиграцию рабочей силы в межгосударственном

плане в эпоху капитализма и империализма, В.И. Ленин писал: "капитализм создал особый вид переселения народов. Быстро развивавшиеся в промышленном отношении страны, вводя большие машины, вытесняя отсталые страны мирового рынка, поднимают заработную плату выше среднего и привлекают наемных рабочих из отсталых стран"/16, с.89/.

Именно в интересах этого "класса промышленников" правительство ФРГ в своих планах предусматривает увеличение иммиграции иностранных рабочих в масштабах, превышающих потребности страны в дополнительной рабочей силе, тем самым "смягчая социальное напряжение в стране"/17, с.27/. В широких масштабах привлекая иностранных рабочих для замещения во всех видах работ местных рабочих и лишая иммигрантов всех основных прав, предприниматели обесценивают в известной степени и местную рабочую силу. Это всецело соответствует идеологическим установкам буржуазии. Вследствие создания как бы двух отдельных рынков труда - одного для местного населения, другого - для иностранцев, порождается недоверие к рабочим других национальностей, отсутствует чувство подлинной рабочей солидарности. Но монополии пытаются разобщить трудящихся не только для того, чтобы помешать их единству в борьбе, они стремятся к тому, чтобы в максимальной степени приспособить их к механизму эксплуатации и в этом им помогает государство. Иностранцы рабочие в ФРГ "удобны" для снятия пиковых напряжений конъюнктурных колебаний экономики. Так, в период экономического спада 1967 года из ФРГ было выслано до 400 тысяч иностранных рабочих и это помогло создать видимость относительного благополучия. Прекращается также прием на работу иностранных рабочих во время энергетического кризиса зимой 1973/1974 годов, а в октябре 1974 г. уже насчитывалось 88,3 тыс. безработных иностранных рабочих/18/. Таким образом, часть мероприятий в области регулирования занятости направлена не на преодоление социально-экономических проблем по существу, а перекладывается на плечи рабочих иммигрантов, прикрывая социальное зло безработицы, порожденное самой системой эксплуатации.

Однако в современных условиях развития политика в области занятости значительно шире, чем просто регулирование

рынка труда посредством отношения безработицы - заработная плата - спрос. Государственное регулирование занятости, это попытка воздействовать на соотношение классовых сил, широкое стремление замаскировать отношения эксплуатации, стремление создать впечатление гармонического развития общества и "возможностей к благополучию для всех". В конечном счете это попытка направить духовное развитие трудящихся по узкой тропе профессиональной подготовки, препятствуя развитию интеллекта не прямолинейно, а развивая ложную культуру потребления и систему отчуждения и разобщения людей. Стремление привлечь к государственным мероприятиям в области регулирования занятости профсоюзы и другие организации только подтверждает, что монополистический капитал при помощи государства пытается и в этой области достигнуть той же цели - интеграции рабочего класса и его организации в существующую систему эксплуатации. Переход к государственному регулированию занятости при капитализме означает, что происходит переход к новым коллективным формам занятости и эксплуатации. На рынке труда рабочий уже не выступает один со своим умением и мастерством. Коллективно подготовленные определенные группы трудящихся привлекаются капиталом к трудовой деятельности.

Переход к новым методам и технологиям производства означает для этих групп декалфикацию и они просто выбрасываются на улицу, пополняя ряды "структурно безработных". Здесь государство проводит свои мероприятия перекалфикации и, если этого требует монополистическое производство, эти группы опять попадают в круговорот эксплуатации.

Таким образом, во-первых, в современных условиях эксплуатации, капитал фактически полностью освобожден от затрат на подготовку рабочей силы. Во-вторых, регулируя занятость, государство должно обеспечить "социальную стабилизацию системы" и подготовить для монополии рабочую силу необходимого качества и количества. В-третьих, осуществляя подготовку рабочей силы, государство использует бюджетные средства, которые мобилизованы с помощью налогового обложения.

Следовательно, как и самообеспечение в области страхо-

вания и пенсионного обеспечения, так и создание новой необходимой стоимости товара - рабочая сила в семьях рабочих, фактически осуществляется за счет семей грудящих, оставляя государству перераспределительную и регулирующую функцию. Буржуазное государство в области регулирования занятости выступает как элемент регулирования классовых отношений с целью необходимого сохранения в руках буржуазии политической власти, для осуществления процесса извлечения прибылей и обогащения.

Ссылки на литературу

1. Кольчугина М.Б. ФРГ: образование и экономика. М., "Наука", 1973.
2. Deutscher Bundestag. Drucksache 6/3432. Bonn, 1972.
3. "Wirtschaftsdienst", Hamburg, 1967, N 11.
4. Grundlage einer Zukunftsweisenden Arbeitsmarkt und Beschäftigungspolitik. Bonn, 1969.
5. Deutscher Bundestag. Drucksache 6/925. Bonn, 1970.
6. Deutscher Bundestag. Drucksache 7/225. Bonn, 1973.
7. Arbeitsförderungsgesetz (AFG). Bonn, 1969.
8. "DWI - Berichte", 1970, N 7.
9. Finanzbericht, 1973, S.126.
10. "МЭ и МО", 1973, № 2.
11. Галбрэйт Дж. Новое индустриальное общество. М., "Прогресс", 1969.
12. Der Spiegel, 1973, N 2.
13. "Правда", 1972, 17 октября.
14. SJf BRD, 1973.
15. "Frankfurter Rundschau", Frankfurt (Main), 1972, 19. April.
16. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т.24.
17. Wahlprogramm der SPD. Dortmund, 1972.
18. "Handelsblatt", 1974, N 215.

Г.А. СТОРОЖЕНКО

КОММУНИСТЫ И СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ

(Политика марксистско-ленинских партий
в кривом зеркале социал-реформизма)

Антикоммунизм, стремясь подорвать влияние коммунистических партий в мире, весьма расчетливо использует в борьбе против них различные псевдосоциалистические течения. Особая ставка при этом делается на социал-реформизм, поскольку правые лидеры современной социал-демократии давно уже зарекомендовали себя в качестве надежного рупора антикоммунизма.

Разумеется, рассматривая этот вопрос, необходимо учитывать, что современное социал-демократическое движение не однородно.

Среди современных социалистических (социал-демократических) партий идет борьба двух течений - левого и правого. В мире имеется немало левых социалистических партий, проводящих весьма прогрессивную политику. Эти левые (в лучшем смысле слова) социалистические партии по своей активной борьбе за права трудящихся очень близко примыкают к коммунистам и действительно с ними сотрудничают (как это имело место, например, в Чили в годы правительства Народного единства С.Альенде), в ряде случаев даже сливаются с компартиями (как поступила Социалистическая партия пролетарского единства в Италии). В данной статье речь идет не о социалистах такого типа.

До сих пор в рабочем движении, в особенности в индустриально развитых капиталистических странах, довольно крупную политическую силу, виновную в продолжающемся расколе рабочего класса, представляют правые социал-демократические партии (лейбористская партия Великобритании, социал-демократическая партия Германии - в ФРГ, Австрийская социалистическая партия и им подобные). В общей сложности в мире насчитывается примерно 50 таких партий, объединенных в Социалистическом интернационале (СИ) /4/. Именно о правых социалистических (социал-демократических) партиях, входящих в СИ, об антикоммуни-

стических позициях их лидеров и идет речь в данной работе.

Говоря о партиях СИ, конечно, нельзя не замечать того, что и внутри этих партий, особенно в 60-е и 70-е годы, усилилась борьба между левыми и правыми тенденциями, наблюдается определенная идейно-политическая эволюция, растет противоречие между обуржуазившейся политической верхушкой и рядовыми, трудящимися социалистами. Рядовые члены этих партий, в особенности из числа рабочих и других групп трудящихся (левые лейбористы в Великобритании, рядовые социалисты в Италии, в том числе и католики, и т. д.) в большинстве своем являются сторонниками мира, социального прогресса и социализма, они, наперекор запретам их правых лидеров, охотно объединяются с коммунистами в совместной антимонополистической борьбе. В ряде случаев даже руководители отдельных социалистических партий или их местных организаций и комитетов все яснее начинают понимать необходимость объединения всех сил рабочего класса, в том числе и унитарных действий совместно с коммунистами, в целях отпора государственно-монополистическому капитализму, его усиливающемуся наступлению на права трудящихся, растущим антикоммунистическим тенденциям.

Но нельзя также не видеть, что пока что не рядовые массы правосоциалистических партий, а их политические боссы, захватившие в свои руки на долгие годы руководство этими партиями, определяют в конечном итоге основную линию политического поведения этих партий, их социал-реформистскую сущность, проводят в угоду государственно-монополистическому капитализму антикоммунистическую политику.

Ленинская оценка сущности социал-реформизма как предательства интересов рабочего класса в угоду капитализму, как влияния буржуазной идеологии на рабочее движение не утратила актуального значения и на современном этапе. Как известно, монополистическая буржуазия, пытаясь задержать развитие революционного рабочего движения и расколоть его, применяет тактику мелких реформ, незначительных уступок. В этом отношении буржуазия опирается на социал-реформизм, который помогает ей притупить сознание масс. Буржуазия использует, по ленинской мысли, "...реформизм против социалистической революции..."

11, с. 305 / В.И. Ленин писал: "Реформисты стараются подач-

нами разделить и обмануть рабочих, отвлечь их от классово-вой борьбы" /2, с. 2/. "Реформизм есть буржуазный обман рабочих..." /2, с. 1/. В.И. Ленин подчеркивал, что буржуазия использует реформы для закабаления рабочих, для их раскола. Поэтому реформизм "...превращается на деле в орудие развращения и обес-силевания рабочих" /2, с. 1/. В.И. Ленин указывал, что "...реформизм означает на деле отказ от марксизма и подмену его буржуазной "социальной политикой" /2, с. 4/.

Эти ленинские оценки полностью подтверждаются основными идеологическими и политическими установками современной правой социал-демократии. В своих официальных документах партии СИ открыто отказались от марксизма, заменив его социал-реформистскими концепциями "демократического социализма" и "классового партнерства" (или "социального партнерства"), отказались от идеи классовой борьбы. Ю. Браунваль, один из теоретиков СИ, писал, что якобы марксизм потерял свое значение как теория классовой борьбы, и поэтому в СИ господствующей идеологией стал реформизм /13, в. XVIII, 1968, № 9, р.100/. Б. Крейский (Австрия) пытался утверждать: "Там, где существует современное индустриальное государство, социальное развитие не может происходить посредством революции... общество может быть изменено только посредством непрерывной серии реформ" (цит. по раб. IO, с. 52/).

Официальная политика правой верхушки социал-демократии заключается в подчинении интересов трудящихся интересам монополистов, в соглашательстве с капиталом. Основные идейно-политические установки лидеров правой социал-демократии по существу являются антикоммунистическими.

Весьма наглядно это проявилось, например, в позициях правого руководства СИ по отношению к демократическим преобразованиям в Португалии и к Португальской компартии (ПКП). Португальские коммунисты, действуя в союзе с другими левыми силами, проявили себя как наиболее решительные и последовательные борцы за новую Португалию. На первом этапе демократических преобразований вместе с ПКП в левую правительственную коалицию вошли социалистическая партия Португалии (СПП), народно-демократическая партия и ряд других партий. Но с первых же шагов демократического развития страны реакция пытается рассорить между

собой партнеров по правительственной коалиции, внести в нее раскол и сорвать прогрессивный путь страны. Свой удар антикоммунисты направляют прежде всего против революционного авангарда португальских трудящихся - против ПКП, стремясь пробудить в стране недоверие к коммунистам и разжечь антикоммунистические настроения.

Существенную помощь в этом деле силам реакции оказывают партии СИ. Не скрывая своих антикоммунистических позиций, руководители социал-демократических партий стран "Общего рынка" - наиболее влиятельных и крупных партий СИ - обратились в 1975 году, накануне первых в истории этой страны свободных выборов в учредительное собрание с письмом к главе тогдашнего правительства Португалии, пытаясь утверждать, что "коммунисты представляют собой серьезную опасность для дела социализма". По сути дела антикоммунистическую направленность имел организованный правыми социал-демократическими партиями Швеции, Нидерландов и ФРГ сбор средств в помощь португальским социалистам, которых антикоммунисты стремились толкнуть на разрыв союза с коммунистами. Мировая антикоммунистическая пресса изображает СПП в качестве единственного гаранта демократического развития Португалии. При этом нельзя не видеть двуличных и по существу антикоммунистических позиций самих лидеров СПП. Они неоднократно заверяли, что будут сохранять верность левой правительственной коалиции, что социалисты не являются антикоммунистами. Однако тревожные события в стране показали, что именно лидеры СПП, блокируясь с силами реакции, дали толчок антикоммунистической истерии, развернули кампанию клеветы против ПКП, пытаются развалить правительственную коалицию, приостановить прогрессивное развитие Португалии /см. 5/.

Позиция лидеров СИ по отношению к коммунистическому движению, его идеологии и политике нашла отражение в многолетней дискуссии и конкретной практике социал-демократических партий по вопросу о контактах с коммунистическими партиями. Этот вопрос неоднократно обсуждается на различных заседаниях СИ, вызывая дебаты между сторонниками разных точек зрения. Причем за последнее время значительно усилились прогрессивные тенденции в этом отношении в рядах СИ.

Как известно, в СИ долгие годы, с времен политики "хо-

лодной войны", безраздельно господствовала точка зрения, осуждавшая и отвергавшая любые формы контактов и сотрудничества социалистов с коммунистами. Особенно ярко антикоммунистические и антисоветские тенденции СИ проявились в период венгерских событий 1956 года и чехословацких событий 1968 года. Под влиянием этих тенденций в одной из резолюций XI конгресса СИ утверждалось, будто компартии стремятся к единству действий с социал-демократией только для того, чтобы утвердить гегемонию коммунистов и однопартийное правление, использовать демократические силы в своих интересах, а затем ликвидировать эти силы как самостоятельные организации /см. 13, v. XIX, 1969, № 14, p. 148 /. На этом "основании" лидеры СИ постоянно отвергают целесообразность контактов с компартиями.

Однако, не взирая на запреты лидеров СИ, в рядах правых социалистических партий все шире проявляется стремление откаться от груза антикоммунистических взглядов, объединиться с коммунистами в борьбе за интересы трудящихся и добиться ликвидации раскола рабочего класса, что левыми силами считается важнейшей предпосылкой всего социального прогресса. Чтобы не утратить своего влияния среди трудящихся, лидеры СИ вынуждены считаться с такими прогрессивными настроениями. Именно поэтому заседание бюро СИ в Амстердаме (апрель 1972 г.) вынуждено было заявить, что партии, входящие в состав СИ, свободны принимать решения об установлении контактов с компартиями /см. 7/.

В этой установке руководства СИ нашел отражение фактически накопленный опыт сотрудничества социалистов с коммунистами во Франции, в Финляндии, Японии и т.д. Руководители французских и финских социалистов отметили на XII конгрессе СИ (1972 г.) важное значение сближения с коммунистами для деятельности самих социал-демократических партий.

Из этого все же не следует делать выводов, что якобы СИ уже преодолевает антикоммунистические настроения. В действительности же эта прогрессивная точка зрения пока что встречает сильную оппозицию руководства СИ и многих правых социал-демократических партий. На том же XII конгрессе СИ руководители австрийской социал-демократии призывали к активизации антикоммунизма, клеветали на положение дел в социалистических

странах /см. 7/. На сессии совета СИ в Хельсинки (май 1971 г.) представитель английских лейбористов отверг саму возможность единства действий социал-демократов с коммунистами /см. 6/.

Среди лидеров СИ господствует установка на усиление идеологической борьбы против принципов, отстаиваемых коммунистами, и против единства действий двух течений в рабочем движении. Имеют еще значительное влияние мотивы в духе "холодной войны" и "психологической войны" против коммунистического движения и мирового социализма, беретоя под сомнение искренность политики мирного сосуществования, проводимой марксистско-ленинскими партиями социалистических стран, а в качестве обязательного условия мирного сосуществования двух мировых систем выдвигается требование об изменении характера общественно-политического строя в европейских странах народной демократии /см. 7/.

Некоторые социалистические лидеры, проводя политику сближения с коммунистами своих стран или с социалистическими странами, не до конца еще отказались от антикоммунистических расчетов. Руководитель французских социалистов Ф. Миттеран откровенно заявил, что руководство его партии рассчитывает существенно расширить свое влияние за счет коммунистов. Один из руководителей итальянских социалистов Дж. Тамбуррано требует, чтобы сближение с коммунистами сопровождалось "идеологической ревизией" в Итальянской коммунистической партии, коренным пересмотром основных норм ее внутривластной жизни, подрывом "коммунистической линии" /см. 10, с. 57/.

Известно, какой вклад внесло социал-демократическое правительство ФРГ в нормализацию отношений между Западной Германией и социалистическими странами. Но вместе с тем также известно какую антикоммунистическую кампанию внутри ФРГ проводит руководство СДПГ. Оно не откликнулось ни на одно предложение ГКП о совместных выступлениях против монополистического капитала и нефашистских тенденций. Руководство СДПГ ведет открытую борьбу против коммунистов, вплоть до давления на ГКП с помощью государственной власти. В 1970 году руководящие органы СДПГ приняли решение о запрещении членам их партии принимать какое-либо участие в совместных действиях с коммунистами и поддерживать мероприятия, организованные

ГКП. В 1972 году на совместном совещании премьер-министров земель ФРГ при ведущем участии социал-демократов было принято решение о запрете принимать членов ГКП на работу в государственные учреждения. И это решение весьма активно выполняется. Коммунисты, находящиеся на государственной службе (учителя, ученые, работники коммунально-бытовых и других служб муниципалитетов и т.д.), увольняются, пополняют армию безработных. Опираясь на это решение, частные предприниматели также начали расправу с коммунистами и другими активистами, увольняя с заводов, фабрик, шахт тех рабочих и служащих, которые возглавляют борьбу трудящихся против капитала. Следовательно, в борьбе капиталистов против рабочих СДПГ стоит на стороне капиталистов. Руководители СДПГ заявили на съезде этой партии в Дортмунде (1972 г.), что социал-демократия позаботится, чтобы коммунизм в ФРГ не имел широкой базы. Эти антикоммунистические действия они называют защитой "демократического социализма" и гуманности /см. 8/.

Антикоммунистические позиции заняла правая социал-демократия в связи с чехословацкими событиями 1968 года. Антисоциалистические элементы, пытавшиеся реставрировать в Чехословакии капитализм, рекламировались правосоциалистическими идеологами в качестве героев, а сама оущность событий 1968 года преподносилась как полностью соответствующая принципам социал-демократии. В особенности радовали их предпринимаемые силами реакции и ревизионизма конкретные шаги по отстранению рабочего класса и его партии от руководства страной. Лидеры СИ приветствовали мероприятия по восстановлению социал-демократической партии, которая в истории Чехословакии сыграла реакционную роль. Руководители партий СИ пытались через свою агентуру активно воздействовать на ход событий в Чехословакии, подорвать доверие к политике КПЧ, идейно повлиять на широкие массы. Помощь стран социализма и братских марксистско-ленинских партий КПЧ и всему чехословацкому народу, способствовавшая преодолению кризиса, была клеветнически расценена в специальной резолюции сессии совета СИ в Копенгагене (август 1968 г.) как "серьезная угроза всеобщему миру" /Из, в. XVIII, 1968, № 16-17, р. 189/.

Фальсификация политики марксистско-ленинских партий,

попытки дискредитации реально существующего социализма стали обычными в антикоммунистическом арсенале лидеров СИ. При помощи таких средств они пытаются отвлечь внимание трудящихся от глубокого кризиса всей идеологии и политики правой социал-демократии. На протяжении многих лет они пытаются утверждать, что единственно верным путем к социализму является предложенный ими "третий путь" - путь "демократического социализма". Этот "третий путь" означает прислужничество перед монополистическим капиталом, отказ даже от традиционных требований социал-демократии - от требований обобществления частной собственности, от идеи классовой борьбы и т.д. Все эти черты "третьего пути" нашли воплощение в новых программах наиболее влиятельных партий СИ, принятых в 50-е и 60-е годы. Такими типичными программами являются "Заявление о принципах и целях" партии труда Нидерландов /см. I2, p. 279-286/, Годесбергская программа СДПГ /см. I4/ и другие.

Но не взирая на все эти широковещательные заявления лидеров социал-реформизма концепция "демократического социализма" оказалась неосуществимой. Г.А. Карсоон (Швеция) писал: "Дебаты в Швеции о смысле социализма за последние десятилетия были довольно бесплодными... Это факт, что после более чем тридцатилетнего социал-демократического правления мы не знаем, имеем ли мы систему, которую можно назвать социализмом" /цит. по раб. 9, с. 18/. Не менее откровенно писал и Ги Молле (Франция), что "ни в одной из стран, где социал-демократы находятся (иногда в течение многих лет) у власти, им не удалось преобразовать экономический строй" /цит. по раб. 10, с. 60/. Но, как известно, к таким коренным преобразованиям они и не стремятся.

В связи с этим Л.И. Брежнев писал: "Лидеры социал-демократии не раз занимали и теперь занимают правительственные посты в ряде стран, но они не помышляют о переходе власти в руки рабочего класса, а дело социализма там не продвигается ни на шаг. Не удивительно, что правые лидеры социал-демократии пытаются дискредитировать реальный социализм, построенный или строящийся народами большой группы стран под руководством коммунистов" /3, с. 80/.

В официальных документах СИ и многих правых социалисти-

ческих партий коммунистический мир, в противовес капиталистическому, постоянно рисуется в самых мрачных тонах. Фальсификаторски утверждается, что в странах социализма наблюдается "грубое подавление свободы" /ИЗ, v. XII, 1962, № 24-25, p. 354/. Они клеветают на социалистическую революцию в нашей стране, пытаются свалить свою вину в расколе рабочего движения на марксистско-ленинские партии. В официальной программе СИ делается попытка клеветнически утвердить, что силы мирового коммунизма "угрожают движению к свободе и социальной справедливости. После большевистской революции в России коммунизм расколол международное рабочее движение и отдалил осуществление социализма во многих странах" /ИЗ, v. I, 1951, № 29-30, p. 14/.

Правые социалисты, повторяя известные каноны антикоммунизма, выступают против руководящей роли коммунистов в социалистическом обществе. Выступая против "монополии власти" у коммунистов в социалистических странах, социал-реформисты утверждают, что руководство обществом со стороны марксистско-ленинской партии якобы не совместимо с принципами демократии /см. 9, с. 43/. Лидеры правой социал-демократии повторяют выдумки буржуазных идеологов о "тоталитаризме" общественно-го строя социалистических стран, о его недемократичности, о наличии в этих странах "эксплуатации рабочих". В программе Французской социалистической партии утверждается: "Советская система ликвидировала капиталистов, но не основной порок их экономики: эксплуатацию рабочих" /цит. по раб. 9, с. 40/. Кто же в СССР "эксплуатирует рабочих" - в условиях, когда все средства производства находятся в руках самих рабочих и других групп трудящихся? На этот вопрос в программе социалистов, разумеется, ответа не найти. Одни из лидеров этой партии Ги Молле и Вейль - Рендаль писали, не утруждая себя никакими доказательствами, что советский строй якобы является "карикатурой на социализм", в нем отсутствует равенство и свобода /см. 9, с. 39/. Э. Мерц (Австрия) пишет, ссылаясь на давно обанкротившиеся выдумки Троцкого, о "монополии" в СССР "власти бюрократов и технократов" /цит. по раб. 9, с. 40/. Нельзя не обратить внимание здесь на рабское копирование социал-реформистами теорий буржуазных идеологов о "власти элиты", "диктатуре партии" и т.п.

Фальсифицируя политику КПСС, лидеры правой социал-демократии пишут, что успехи экономического развития СССР будто достигнуты "за счет развития военного производства", "ликвидации основных свобод", "установления тоталитарного режима" /ИЗ, у. XII, 1962, № 24-25, р. 358/. Известный идеолог правой социал-демократии Г. Барч (ФРГ), искажая сущность экономической политики КПСС на современном этапе, пишет о "русском или советском капитализме", который "развивается в социалистической оболочке" /цит. по раб. 9, с. 40/. Так социал-реформистские фальсификаторы, выдавая свою мечту о реставрации капитализма в социалистических странах за действительность, пытаются очернить политику марксистско-ленинских партий.

Ярким свидетельством антикоммунистических тенденций, господствующих в СИ, являются попытки его лидеров гальванизировать политические призраки, которые на языке документов СИ именуется "партиями в изгнании". Речь идет о еще здравствующих руководителях и вообще небольших группах членов эмигрантских социал-демократических партий, сбежавших или изгнанных народами после Октябрьской революции и разгрома фашизма из некоторых республик Советского Союза и после разгрома фашизма из ряда стран народной демократии. К ним относятся бывшие партии украинских, эстонских, литовских, латвийских, болгарских, чехословацких и других социал-демократов и социалистов /см. подробнее 4, с. 49; 7/. Лидеры СИ всячески опекают эти "мертвые души" и надеются на их "легализацию", реставрацию в социалистических странах (выше уже указывалось на такую активную попытку в отношении Чехословацкой социал-демократической партии). Один из руководителей СДПГ Г. Венер, с похвалой отозвавшись о роли эмигрантских партий, заявил на XI конгрессе СИ, что жизнеспособность социал-демократии в западных странах является предпосылкой ее жизнеспособности в социалистических государствах /см. II, с. 82/. Это свидетельствует, что лидеры СИ еще не отбросили антикоммунистические расчеты на идеологическую и политическую "эрозию" социализма, на отстранение компартий от руководства социалистическими странами и приход ко власти в них социал-реформистов.

Эмигрантские партии оказывают значительное влияние на

упрочение антикоммунистических тенденций лидеров СИ, активно участвуют в работе его органов. Это относится, в частности, и к бежавшей за границу после разгрома фашизма верхушке бывшей по сути дела контрреволюционной так называемой "Социал-демократической рабочей партии Латвии" (СДРПЛ) и к ее лидеру Бруно Калниню. С момента своего создания в 1918 году, за все годы господства буржуазии и гитлеровской оккупации в Латвии СДРПЛ настолько себя опозорила сотрудничеством с буржуазным режимом и оккупационными властями, что ее верхушке, боявшейся народного возмездия, пришлось выехать за границу в момент отступления фашистских захватчиков. С тех пор она подвизается за рубежом на поприще клеветы против Советского Союза, "специализируется" на попытках искажения жизни Советской Латвии, национальной политики КПСС.

Автор данной работы не стремится анализировать проблемы политического поведения латышской политической эмиграции. Эти вопросы широко освещаются в специальных работах историков, социологов, философов Латвийской ССР. На уровне обстоятельного фактологического и гносеологического анализа современная эмиграция, в том числе и СДРПЛ, изучается в работах П. Озолиня, Ф. Раевской и других ученых Латвийской ССР (см., напр., "Вопросы критики буржуазной политики и идеологии". Учен. записки ЛГУ им. П. Стучки, т. 200, Рига, 1974). Здесь автор стремится лишь подчеркнуть активное участие эмигрировавших лидеров СДРПЛ в формировании антикоммунистических позиций СИ.

Это проявилось, например, в активной роли Б. Калниня в так называемой "рабочей группе" СИ, созданной решением бюро СИ в 1967 году. "Рабочая группа" подготовила доклад по вопросу "О положении в коммунистических странах и партиях". Данный вопрос был обсужден XI конгрессом СИ, в результате чего были откровенно сформулированы антикоммунистические взгляды правых лидеров СИ. Доклад "рабочей группы", подготовленный при участии Б. Калниня, был выдержан в исключи-

тельно озлобленном духе. В докладе содержались рекомендации по "либерализации" и "демократизации" жизни социалистических стран, подчеркивалась "несовместимость" коммунизма с демократией. Подчеркивались якобы имеющиеся в социалистических странах выступления против руководящей роли коммунистической партии, которые продиктованы "заботой" о демократии.

В принятой конгрессом резолюции по этому докладу подтверждалась антикоммунистическая позиция руководства СИ, подтверждались ранее отраженные антикоммунистические установки СИ в его декларациях 1951 и 1962 годов /см. 13, v. XIX, 1969, № 14, p. 147-148/. Следовательно, антикоммунизм - это основная и неизменная линия СИ на всем протяжении его существования, начиная с момента создания в 1951 году и по наши дни. И в этом направлении в позициях лидеров СИ существенных изменений не произошло. Всячески сопротивляясь прогрессивным тенденциям среди некоторой части членов СИ, направленным на сближение с марксистско-ленинскими партиями, правые лидеры мирового объединения социал-демократов своей одной из главных целей считают, как и прежде, антикоммунизм. Л.И. Брежнев подчеркивал: "Руководство значительной части социал-демократических партий, прежде всего тех, кто занимает ведущее положение в социалитическом интернационале, продолжают считать борьбу против коммунизма, против социалистических стран главной задачей. Нам понятно, что своим антикоммунизмом одни из них хотят прикрыть провал своего реформистского курса, а другие - свой полный отказ от социалистических целей и капитуляцию перед государственно - монополистическим капитализмом" /3, с. 80/.

В этом заключаются социальные и гносеологические корни антикоммунизма правой социал-демократии.

Ссылки на литературу

1. Ленин В.И. Реформизм в русской социал-демократии. - Полн. собр. соч., изд. 5-е. Т.20.
2. Ленин, В.И. Марксизм и реформизм. - Полн.собр.соч., Т.24.
3. Международное Совецание коммунистических и рабочих партий. М., Политиздат, 1970.
4. Герасимов Г.И., Сибилев Н.Г. Социалистический интернационал - противник единства рабочего класса. - "Вопросы истории КПСС", 1969, в 12.
5. Ермаков В. Антипортугальская кампания. - "Правда", 1975, 20 апреля; Решимость Португалии. - "Правда", 1975, 28 апреля и др.
6. Еилин Д. Социнтерн перед лицом международных проблем. - "Правда", 1971, 18 августа.
7. Еилин Д. Новое и старое в политике Социнтерна. - "Правда", 1972, 22 августа.
8. Петров И. СДПГ без иллюзий. - "Правда", 1972, 5 ноября.
9. Попов С.И. Как правые социалисты воюют против социализма. М., Политиздат, 1971.
10. Салычев С.С. Социал-демократия: идейно-политическая эволюция и проблемы борьбы за единство рабочего класса. М., "Знание", 1974.
11. Шахт К. Социал-демократия на пороге 70-х годов. - "Проблемы мира и социализма", 1971, в 1.
12. Yearbook of the International Socialist Labour Movement. London, 1960.
13. Socialist International Information, v.1, 1951, Nr 29-30; v.XII, 1962, Nr 24-25; v.XVIII, 1968, Nr 9; Nr 16-17; v.XIX, 1969, Nr 14.
14. Eichler W. Zur Einführung in den demokratischen Sozialismus. Bonn-Bad Godesberg, 1972.

Г. А. СТОРОЖЕНКО

ПРОТИВ ФАЛЬСИФИКАЦИИ
БУРЖУАЗНЫМИ ИДЕОЛОГАМИ И РЕВИЗИОНИСТАМИ
ПОЛИТИКИ МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКИХ ПАРТИЙ

В условиях современной эпохи наблюдается значительное возрастание роли политического фактора, значения политики в социальном прогрессе общества. По мере развития мирового революционного процесса, роста классовой борьбы трудящихся, расширения массовых демократических движений, упрочения мировой системы социализма и разрядки международной напряженности заметно повышается политическая активность рабочего класса и всех трудящихся, более сложной и разносторонней становится сфера политики.

В условиях строительства социализма и коммунизма в политику вовлекаются все более широкие слои трудящихся - сознательные творцы нового общества, усложняется и непрерывно совершенствуется политическая организация социалистического общества, ведущая роль в которой исторически неизбежно принадлежит марксистско-ленинской партии. Руководящая и все возрастающая роль партии, возрастание значения ее политики - одна из основных закономерностей строительства социализма и коммунизма.

Вопрос о возрастании роли марксистско-ленинской партии и значения ее политики в условиях строительства социализма и коммунизма является одним из основных положений теории научного коммунизма. В современных условиях вокруг этого вопроса ведется острая борьба между марксистами-ленинцами, с одной стороны, и представителями антикоммунизма и ревизионизма, - с другой. Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев отметил, что вопрос о руководящей роли партии "это - один из коренных вопросов революционного движения, строительства нового общества. Сегодня он стал узловым пунктом борьбы между марксистами-ленинцами и представителями различных форм ревизионизма" /4, с. 102/.

В арсенале средств буржуазных идеологов и ревизионистов значительное место занимает клевета на социалистические страны, на роль и место коммунистических партий в этих странах, Антикоммунисты и ревизионисты пытаются доказать, что компартия якобы не может быть политическим авангардом общества и свое ведущее место она должна уступить более "представительным" организациям или системе "политического плюрализма", допускающего антисоциалистическую фракционность, открытую враждебность.

Одними из основных черт антикоммунизма - этого концентрированного воплощения идеологии, политики, стратегии и тактики современного империализма - являются антисоветизм, попытки подорвать влияние и фальсифицировать политику марксистско-ленинских партий в социалистических странах, деформировать и повернуть вспять развитие этих стран. Не скрывая своих надежд на "эрозию социализма", они свой удар прежде всего пытаются направить против коммунистических партий социалистических стран с целью их подрыва изнутри, пытаются заставить их отойти от твердой марксистско-ленинской политической линии и стать на путь перерождения. Так, проф. Р. Беркс в антикоммунистическом журнале "Проблемы коммунизма" (США) открыто изложил план буржуазных идеологов, направленный на превращение КПСС в реформистскую партию "нового типа" путем внедрения в нее элементов оппозиционности и "плюрализма" /10, с. 65/.

Понимая решающую роль политики марксистско-ленинских партий в упрочении и развитии социализма, буржуазные идеологи в современных условиях фальсификаторски отрицают свойственные политике этих партий возможности активно воздействовать на развитие общества. "Выскиваются" в ней черты произвола, много насилия над личностью. Например, М. Харрингтон (США) пытается, искажая действительность стран социализма, изобразить политику коммунистических партий в качестве "социальной эксплуатации" /см. 12, с. 136-137/.

Эта откровенная клевета современных буржуазных политологов на роль КПСС и ее политики в жизни социалистического общества является попыткой возродить вымыслы пасквильянтов и

антисоветчиков прошлых десятилетий, давно опровергнутые историей. Вымыслы политологов сильно напоминают бездоказательные утверждения К.Каутского, который клеветнически заявлял, что "коммунисты - это класс господ, по своему усмотрению командующий всем остальным населением" СССР /см.19, с.73/. Подобные заявления потребовались современным фальсификаторам для того, чтобы попытаться методами идеологической диверсии подорвать авторитет марксистско-ленинских партий внутри социалистических стран и их престиж на международной арене.

В качестве одних из основных принципов, характеризующих важнейшие особенности политики КПСС, являются объективно обусловленные принципы научности, классовости, партийности и другие. Научность и классовость политики партии характеризуют тот факт, что КПСС, разрабатывая и проводя в жизнь свою политику, постоянно исходит из объективных закономерностей общественного развития и марксистско-ленинской теории, освещающей ярким светом перспективы социального прогресса, всесторонне учитывает интересы и цели широких масс трудящихся, опирается на их социальную активность и исторический опыт. Пока социалистическое общество имеет определенную классовую структуру, пока ему противостоит враждебный капиталистический мир, классовый, партийный подход к политике, к политическому руководству обществом со стороны партии в интересах трудящихся будет сохранять свою силу и значение.

Пытаясь опровергнуть объективный, научный и классовый характер политики в условиях социализма, политологи-фальсификаторы утверждают, что политика КПСС и социалистического государства именно в силу ее партийности ("узкопартийной предвзятости") не может дать достоверной, объективной оценки общественных явлений (мол, без "плюралистического" подхода здесь не обойтись). Иной якобы характер имеет политика в капиталистическом ("свободном") мире, где она не связана принципами классовости, партийности, а является надклассовой, служит интересам "всего" общества, а не отдельных партий, групп, классов. Выше приводились образцы высказываний апологетов надклассовой политики.

Исходя именно из таких антикоммунистических позиций, политологи пытаются исказить особенности политики марксистско-

ленинских партий на тех или иных этапах социалистического строительства, показать, что выбор направления политики среди множества возможных альтернатив зависит якобы в конечном итоге от "воли" ведущих ("элитных") групп общества,

В таком духе буржуазные идеологи клеветают на экономическую политику КПСС, нашедшую на современном этапе яркое воплощение в экономической реформе, в особом внимании к социалистическим методам интенсификации. "Советологи" пишут о "кризисе" социалистической экономики, о ее возврате к капиталистическим методам хозяйствования, умахивают в реформе развитие тенденций "свободного предпринимательства".

Фальсифицируя методы выработки и реализации политики КПСС, партийного руководства социалистическим обществом, К.Марко (Австрия) пишет, что якобы молодые советские ученые разошлись со "старыми" "ортодоксами" марксизма во взглядах на строительство коммунизма и считают, что он должен строиться не методом насилия, а путем выявления новых тенденций общественного развития и т.д. /см. 18, с. 45/. Д.Хазард (США) берет под сомнение, могут ли руководящие органы компартии вообще определять основные направления политики развития социалистического общества. Не зная и не понимая социалистической действительности, он под руководящими органами партии понимает "одну группу людей", не отражающую интересов всего общества. Исходя из этой ложной установки, он и возражает против того, что "одна группа людей" может определять политику. Он фальсификаторски заявляет, что опасность заключается в представлении "верховных служителей" марксизма "о том, что один человек или одна группа людей может быть непогрешимой в своем определении политики" /цит. по раб. 6, с. 32/.

Буржуазные идеологи В.Бубинский, А.Мейер (США), Б.Мейсонер (ФРГ) и другие сознательно искажают принципы политики марксистско-ленинских партий социалистических стран, неправильно отождествляют политическое руководство обществом со стороны этих партий с политическим господством, приписывают партийно-политическому руководству черты "жестокостей политического насилия", пытаются перенести на социалистические страны черты, свойственные произволу и насилию, царящим в эксплуататорском обществе. Буржуазные идеологи считают, что поли-

тическое насилие свойственно якобы любой общественной системе /см. 15, с.4 и др./.

Активные попытки фальсификации сущности и принципов политики марксистско-ленинских партий, ее места и роли в жизни социалистического общества предпринимают правые и "левые" ревизионисты.

Правые ревизионисты, смыкаясь с буржуазными политологами и социал-реформистами, усиленно атакуют научные основы политики партии, призывают коммунистические партии отказаться от базирования их политики на марксистско-ленинской научной основе. Р.Гароди выступает против "механической" связи между философией и политической деятельностью, существующей, по его мнению, в жизни марксистско-ленинских партий, требует заменить ее "диалектической" связью, отбросить концепцию единства политики и идеологии /см. 9, с. 95/. Эти рассуждения о замене "механических" связей между политикой и идеологией на "диалектические" связи используются правыми ревизионистами для того, чтобы подорвать научную обоснованность партийной политики, заставить марксистско-ленинские партии отказаться от ленинской идеи единства между политикой и идеологией.

Чехословацкие ревизионисты на практике пытались оторвать философию от политики, как об этом пишут философы-марксисты В.Раб и М.Шпачек (ЧССР), стремились изолировать рабочий класс от философии и активного участия в разработке и реализации политики. Ревизионисты требовали, чтобы КПЧ заняла нейтральные позиции по отношению к философии и предоставила свободную возможность стихийно развиваться любым философским течениям и направлениям, в том числе и наиболее реакционным из них. Сильное воздействие на развитие этой концепции среди чехословацких правых ревизионистов оказала книга Р.Гароди "Большой поворот социализма", и в особенности его утверждение о том, что компартии якобы не должны иметь "официальной философии" /см. II, с.249/.

Правые ревизионисты, солидаризуясь по сути дела с антикоммунистами, также выступают против классовой природы политики. Они пытаются доказать, что классовый подход к оценке общественной жизни в наше время является свидетельством якобы проявления субъективизма и навязывания волевых решений в по-

литике. Чехословацкие ревизионисты К.Косик и И.Свитака выдвигали в неоднократных публикациях положение о том, что марксизм — это не идеология, а наука, и, прикрываясь лозунгом свободы научного творчества, ратовали за свободу марксизма "от классового субъективизма" и изображали политику марксистско-ленинских партий как "недостойное политиканство"/см. II, с. 249/.

Политика партии играет роль направляющего фактора на всех этапах управления социалистического общества и прежде всего на этапе выработки и принятия управленческих решений. На этом этапе первенствующую роль имеют партийно-политические решения, которые воплощаются в директивах и других документах партийных съездов, пленумов ЦК и партийных органов. В партийно-политическом решении отражаются основные направления политики партии по тому или иному вопросу. Политические решения, играя направляющую роль в социальном управлении, должны быть научно обоснованными, исходить из конкретного изучения реальной действительности. Ревизионисты отрицают объективную обоснованность политических решений и считают, что политическое решение появляется в результате произвольных, ничем не обоснованных действий "сильнейших политических групп". Э.Фишер вообще отрицал историческую необходимость для социалистических стран определенных политических решений, выявления и использования при выработке таких решений объективных закономерностей строительства социализма. Искажая политику КПСС на этапе строительства социализма, Фишер пытался доказать, что осуществление в СССР в период первых пятилеток на основе политики партии выдающиеся преобразования вообще "не были исторически необходимыми", да и вся политика КПСС этого периода якобы "это лишь выбор сильнейшими политическими группами в СССР из возможных альтернатив"/цит. по раб. 5, с. 85/. Э.Фишер считал, что любые политические решения субъективны, а посему якобы неэффективны с точки зрения "позитивного гуманизма", который он трактовал по-анархистски как освобождение "человека от любого насилия".

По свидетельству философа-марксиста М.Нарта (ЧССР), чехословацкий ревизионист Ф.Шамалик пытался в книге "Человек и институты" применить плюралистическую теорию к средней ступени политического управления обществом — на уровне отдельных орга-

низаций и общественных институтов. Его основной тезис заключался в следующем: личность угнетается любыми социалистическими организациями и институтами, а поэтому, предлагал Ф.Шамалик, необходимо организовать массовые антиинституционные движения. Эти взгляды "могли привести только к вытеснению реального и профессионального решения различных проблем в нашем обществе, - пишет М.Нарта, - и замене их политическим шарлатанством" / 8, с.256-257/.

Чехословацкий марксист М.Нарта дал принципиально точную оценку ревизионистских попыток принизить и оклеветать сущность и значение партийно-политического решения. Действительно, пытаясь обосновать необходимость анархистских движений против квалифицированного политического руководства обществом и профессионально разрабатываемых политических решений, ревизионисты не прочь столкнуть социалистическое общество на путь анархии и политического шарлатанства. При помощи подобных антисоциалистических установок в их мечтах представляются как реальность отстранение рабочего класса и его партии от руководства социалистическим обществом.

Искажение политики марксистско-ленинских партий, прямая клевета на нее - это повседневный метод ревизионистов. Не один раз Р.Гароди, И.Смирковский, Ф.Марек, Э.Фишер и другие ревизионисты заявляли, что политика индустриализации в СССР означала насилие над личностью, что на современном этапе экономика стран социализма сильно пошатнулась. Группа венских ревизионистов в своих изданиях (при участии Э.Фишера) клеветала на политику и генеральную линию СЕПГ /см. 17, с.132/. Некоторые деятели ревизионизма, повторяя вымыслы антикоммунистов, начали кампанию клеветы на историческую деятельность Коминтерна, являя, что якобы он был инструментом внешней политики КПСС, клеветают на политику мирного сосуществования, проводимую социалистическими странами /см. 14, с. 59/.

Правые ревизионисты не скрывают своих надежд на "перерождение" социализма и ослабление при этом роли компартий и их политики в социалистических странах. Они активно пытаются подчас навязать эту точку зрения трудящимся. Недавно в Венгрии были разоблачены ревизионисты - бывшие общественеды А.Хагедюш, Я.Кив, М.Вайда. Эти ревизионисты пропагандировали идею о том

что якобы в социалистических странах Европы развиваются тенденции "эволюции" социализма и падения влияния компартий в массах. Особой целью своих "научных изысканий" они ставили, как указывалось в опубликованном в связи с этим документе ЦК ВСРП, компрометацию развития социалистических стран и дезавуирование политики ВСРП. Блгодне закономерно, что эти ре-негаты получили решительный отпор со стороны венгерской об-щественности и были исключены из рядов ВСРП /см. 7, с.80-81/..

Современные ревизионисты понимают в искаженном виде про-цесс расширения и углубления социалистической демократии как якобы полное обособление органов государственного управления от партийного руководства, от политико-направляющего влияния марксистско-ленинской партии. Требуя отстранения рабочего класса и его партии от руководства социалистическим обществом, ревизионисты противопоставляют центральные партийные органы высшим органам государства и считают, что формирование госу-дарственной политики должно проходить независимо от политики партии и безотносительно к ее политическим решениям /см. 16, с.25/. Но это уже давно известная концепция. Именно такая точка зрения активно проводилась ревизионистами в Чехослова-кии в 1968 году и нанесла огромный вред социалистическому строительству в этой стране.

Находясь на идеологическом поводе у антикоммунистов, ре-визионисты приняли на свое вооружение буржуазную теорию интел-лектуальной "элиты". Сущность этой теории, связанной с концеп-цией "технотронной эры" и "революции менеджеров" Э.Бжезинско-го заключается в следующем: в условиях научно-технической ре-волюции обществом может управлять и фактически управляет толь-ко научно-техническая интеллигенция - интеллектуальная "элита" любого общества. Исходя из этой ненаучной теории, ревизионис-ты пытаются обосновать необходимость отстранения рабочего клас-са и его коммунистической партии от руководства социалисти-ческим обществом, умалить преобразующую роль политики партии. Именно при помощи теории "элиты" ревизионисты обосновали це-лесообразность тех антисоциалистических процессов, которые совершались в Чехословакии под нажимом ревизионистских и от-крыто реставраторских сил в 1968 году и поставили страну на грань катастрофы. В разгар чехословацких событий 1968 года

одня из теоретиков ревизионизма И.Свитак неоднократно публично заявлял, что в современных условиях бурного технического прогресса и повышения роли науки у руководства социалистическим обществом должна находиться не массовая рабочая партия, а узкая группа интеллектуалов. Эта интеллектуальная "элита" и должна, по его мысли, определять и направлять политику общественного развития /см. 16, с. 21/.

Так под видом заботы об общественном прогрессе ревизионисты стремятся внедрить в практику политического руководства социалистическим обществом идеи, чуждые социализму и направленные на его подрыв.

На позициях фальсификации ленинского учения о партии находится также "левый" ревизионизм.¹ "Левый" или "ультралевацкий" ревизионизм "пытается подменить научно обоснованную марксистскую линию революционного движения политическим авантюризмом, реакционно-утопическим и военно-казарменным "социализмом", игнорирует реальные условия классовой борьбы" / 9, с. 8/.

Такие политические установки и осуществление на практике "политического насилия" не имеют ничего общего с марксистско-ленинским учением о месте и значении политики коммунистической партии в условиях строительства социализма и коммунизма. Рассматривая этот вопрос, марксизм-ленинизм не считает политику основополагающим и определяющим фактором в развитии общества. Характер общественного строя, развитие всех социальных систем, классов, классовых отношений и других общественных отношений определяется базисом общества - характером экономики, развитием производительных сил и производственных отношений.

Историческую неизбежность победы коммунистической формации над капиталистической научный коммунизм связывает с более высоким способом производства, чем капиталистический. В.И. Ленин писал, что "... в последнем счете самым глубоким источником силы для победы над буржуазией и единственным залогом прочности и неотъемлемости этих побед может быть только новый,

---

¹ Вопросы о социальных и гносеологических корнях правого и "левого" ревизионизма, о его сущности и основных течениях является предметом специальных исследований и в данной работе не рассматривается.

более высокий способ общественного производства, замена капиталистического и мелкобуржуазного производства крупным социалистическим производством" /2, с. 18/.

Вместе с тем марксизм не считает, что политика будто бы является пассивным отражением экономики и не имеет никаких возможностей воздействовать на экономику, на весь социальный прогресс. В действительности же политика активно влияет на развитие общества, в том числе и на развитие экономики.

В качестве теоретической основы для раскрытия социальной роли политики партии служит ленинское положение о соотношении политики и экономики. Характер этого соотношения отражен в формулах В.И.Ленина: "Политика есть концентрированное выражение экономики..." и "Политика не может не иметь первенства над экономикой" /3, с. 276/.

Обе формулы взаимосвязаны, вторая из них не отрицает первую, а лишь дополняет ее, не отрицает определяющей роли, примата экономики по отношению к политике. Политические отношения между людьми определяются их экономическими отношениями. Политические идеи и институты являются надстройкой над экономическим базисом. Отношения между классами и социальными группами, политика этих классов и социальных групп зависят от их экономического положения.

Однако это не означает, что политика находится в пассивной зависимости от экономики. В.И.Ленин, разъясняя вторую формулу, писал, что "... без правильного политического подхода к делу данный класс не удержит своего господства, а следовательно, не может решить и своей производственной задачи" /3, с. 279/. Ленин видел в политике мощное орудие, средство решения экономических и других социальных задач. Политическая деятельность, политика, базирующиеся на экономике, обладают значительной степенью самостоятельности и широкими возможностями воздействия на развитие экономики, всего общества. Именно в этом смысле политика имеет первенство над экономикой.

В связи с этим Г.Е.Глеверман справедливо пишет, что экономические интересы класса могут быть полностью реализованы лишь при том условии, если он сумеет взять в свои руки и удержать политическую власть. Государственная, политическая власть трудящихся выступает в результате победы социалистической ре-

волюции в роли организатора строительства социалистической экономики. В этих условиях политика приобретает решающее значение: от правильности политики партии рабочего класса и его государства, разумеется, при наличии созревших объективных условий, в значительной мере зависят судьбы построения социализма /13, с. 5 и 6/, в том числе и судьбы построения и дальнейшего развития его материально-технической базы, создания его передовой многоотраслевой экономики. Эти факторы и обуславливают неуклонное возрастание роли политики КПСС в развитии социалистического общества.

Марксизм постоянно борется с ненаучными, идеалистически-ми извращениями вопроса о роли политики в обществе. Известно, насколько решительно выступал Ф.Энгельс против идеалистических установок Е.Дюринга - одного из сторонников теории "политического насилия". Фундаментом общества Дюринг считал политические отношения, а экономику он относил к явлению "второго порядка". Основу развития общества он видел не в экономике, а в "непосредственном политическом насилии". Сущность этой идеалистической теории Е.Дюринг излагал следующим образом: "форма политических отношений есть исторически фундаментальное, хозяйственные же зависимости представляют собой только следствие или частный случай, а потому всегда являются фактами второго порядка... первичное все-таки следует искать в непосредственном политическом насилии, а не в косвенной экономической силе" /цит. по раб. 1, с. 162/.

Антикоммунисты и ревизионисты, пытаясь отрицать руководящую роль коммунистической партии и преобразующее значение ее политики в жизни социалистического общества, не ослабляют атак против марксистско-ленинского учения о партии рабочего класса. В этих условиях усиление всей идеологической работы братских партий, их совместная борьба против врагов научно-го коммунизма является весьма актуальной задачей.

Следует подчеркнуть, что важное международное значение в этом отношении имеет принципиальная позиция КПСС, ее непримиримая борьба за чистоту марксистско-ленинского учения о партии, содействующая верной ориентации коммунистов и миллионов трудящихся (см. 4, с. 102). Международное коммунистическое движение уделяет значительное внимание дальнейшей разработке вопроса о роли партии и значении ее политики в стро-

ительстве нового общества, борьбе против любых попыток буржуазных политологов и ревизионистов исказить политику братских партий социалистических стран. История неопровержимо свидетельствует, что все подобные попытки недругов коммунистической теории неизбежно терпят крах.

Ссылки на литературу

1. Энгельс Ф. Анти-Дюринг. - Марко К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е, Т. 20.
2. Ленин В.И. Великий почин. Полн. собр. соч. Изд. 5-е, Т. 39.
3. Ленин В.И. Еще раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках гг. Троцкого и Бухарина. Полн. собр. соч., т. 42.
4. Материалы XXIV съезда КПСС. М., Политиздат, 1971.
5. Василевокио Е. Извращение Эрнстом Фишером марксистско-ленинского понимания сущности человека. - "Научный коммунизм", 1973, № 4.
6. Молибашко В.А. Против буржуазной фальсификации роли КПСС в коммунистическом строительстве. М., "Мысль", 1972.
7. Надь Л. О свободе и ответственности научного творчества. - "Проблемы мира и социализма", 1973, № 9.
8. Нарта М. Антропологический плюрализм в политической теории. - РИ "Общественные науки за рубежом". Серия "Проблемы научного коммунизма", 1972, № I.
9. Научный коммунизм и фальсификация его ренегатами. М., Политиздат, 1972.
10. Осипов В. Какие проблемы занимают " - "Проблемы мира и социализма", 1973, № I.
11. Раб В., Шпачек М. Философия, рабочий класс, политика. - РИ "Общественные науки за рубежом". Серия "Проблемы научного коммунизма", 1972, № I.
12. Сентебов Л.О. Антикоммунист в одежде социалиста. - "Научный коммунизм", 1973, № 2.
13. Глезерман Г.Е. Ленинский принцип соотношения политики и экономики и проблемы управления обществом. - В кн.: Теоретические проблемы социального управления. Вып. П. М., "Знание", 1968.

14. Соболев А.И. Против искажения исторических фактов в работах П. де Гроота. - "Вопросы истории КПСС", 1973, № 10.
15. Соболев В.А. Развитие КПСС ленинского учения о политическом руководстве марксистско-ленинской партии. - "Научный коммунизм", 1974, № 5.
16. Топорнин Б.Н. Ленинские идеи о руководстве коммунистической партии социалистическим государством и современность. - "Вопросы истории КПСС", 1971, № 1.
17. Фогелер Я.Г. Борьба австрийских и немецких коммунистов против идеологии правого ревизиониста Эрнста Фишера. - "Философские науки", 1970, № 3.
18. Хватков Г.Н. Идеологические мифы антикоммунизма: эволюция и новые тенденции. М., "Знание", 1974.
19. Каутский К. Большевики в тупике. Берлин, 1930.

О НЕКОТОРЫХ МЕТОДАХ ПРОПАГАНДЫ
АНТИКОММУНИЗМА В ПЕЧАТИ ЛАТЫШСКИХ
БУРЖУАЗНЫХ ЭМИГРАНТОВ

В новых условиях существенного оздоровления международного климата, перед буржуазной пропагандой, активизирующей свои нападки на коммунистическую идеологию, встают новые проблемы, она вынуждена применять более тонкие методы дезинформации.

Но не все органы буржуазной пропаганды следуют "духу" времени. Часть из них продолжает использовать стиль и методы периода "холодной войны". Своим консерватизмом особо выделяется печать буржуазных эмигрантов из Прибалтики, в том числе и латышской буржуазной эмиграции.

Латышская эмиграция по своему происхождению и классовому составу не является однородной. Наибольшая часть её образовалась в результате второй мировой войны. Ядро её составляют представители имущих классов и буржуазной интеллигенции, одурманенные во время оккупации антисоветской пропагандой.

Антисоветские центры латышских буржуазных эмигрантов издают газеты и журналы, которые по своему содержанию и идейному направлению являются одними из самых махровых антикоммунистических изданий. Они создавались после второй мировой войны на средства разведывательных служб империалистических держав в странах, где проживало наибольшее количество эмигрантов, как, например, в США, Канаде, ФРГ, Австралии /1, 474, 1pp./.

Еще в 1967 году редактор газеты "Латвия" О. Калейс признал, что эмигрантская печать получает материальную поддержку правительств тех стран, где проживают эмигранты /2, 92, 1pp./

Анализ печати латышских буржуазных эмигрантов может вызвать определенный интерес по двум причинам: во-первых, несмотря на специфику этих изданий, их анализ дает возможность судить о методах и содержании буржуазной пропаганды вообще и

частично позволяет выявить тенденции усиления кризиса идеологии и политики антикоммунизма; во-вторых, такой анализ показывает тенденции уменьшения влияния эмигрантских реакционных изданий среди их читателей.

В данной статье краткое рассмотрение особенностей пропаганды антикоммунизма в печати латышских буржуазных эмигрантов и углубление ее кризиса дается на материале реакционных эмигрантских печатных изданий периода с 1970 по 1974 годы.

История подтвердила истину: ослабление сил буржуазии не уменьшает ее реакционности и агрессивности. Улучшение международного климата, успешное строительство коммунизма в нашей республике перечеркивают последние надежды на реставрацию буржуазного строя в Латвии. Среди эмигрантов растет интерес к жизни на Родине. Реакционная эмигрантская печать пытается помешать дальнейшему развитию этих положительных сдвигов. Поэтому эмигрантские буржуазные националисты еще яростнее ведут антикоммунистическую пропаганду, устраивают идеологические диверсии.

В целях распространения ярого антикоммунизма гловари латышской буржуазной эмиграции в своих печатных изданиях искажают советскую действительность, регулярно дезинформируют читателей, клеветают на социалистический строй. Они стараются навязать всей эмиграции взгляды периода "холодной войны". К этим газетам и журналам вполне можно отнести признание, с которым несколько лет тому назад выступила газета "Детройт Ньюс": "... чтобы вести современные войны, которые в один день могут из холодных превратиться в горячие, в арсенале ... должны быть не только пули, но и слова" /3, с.201/.

На них так же можно распространить характеристику, данную преподавателем факультета славяноведения Лондонского университета Н.Дэвисом, который, комментируя тенденциозную антисоветскую пропаганду британской буржуазной прессы, писал на страницах газеты "Таймс": "Неурожай в СССР объясняется существующей системой, а хорошие урожаи - благоприятной погодой" /4, с.57/.

Политика "большой лжи", как явное и неприкрытое надувательство исчерпала себя уже в конце 40-х годов. 50-е годы убедили

идеологов антикоммунизма, что в социалистических странах "приверженность народных масс буржуазным ценностям" существовала только в их собственном воображении. Но представители националистической буржуазии по сей день продолжают старый курс, часто прибегая к примитивному, злобному антикоммунизму, используя методы и приемы, характерные для самой реакционной империалистической пропаганды. Поэтому реакционная эмигрантская печать широко использует сенсации, замалчивание фактов и дезинформацию.

Сенсация является главным наркотиком в усыплении сознания читателей. Для создания сенсации используются рассказы "очевидцев", которые, сами, якобы, пережили "советские ужасы". В последнее время особенно излюбленной темой буржуазной печати стали описания "репрессий против инакомыслящих", "отсутствия демократии" при социализме и материалы о т.н. "диссидентах". В "освещении" этих тем особенно активно включились газетчики латышской буржуазной эмиграции. Они много писали по поводу некоторых лиц, которые были осуждены, как известно, не за "инакомыслие"; пытались заинтриговать читателей именами отщепенцев и т.д. Как признает профессор Колумбийского университета Дэвид Каттел "число несогласных в Советском Союзе столь мало ..., что их влияние почти не проявляется и они едва известны (если вообще известны) большинству населения". Поэтому он рекомендует всячески пропагандировать их имена, раздувать шумиху вокруг них. Таким образом, надеется Каттел, можно будет оказать определенное влияние на массы. Это и пытаются делать органы эмигрантской печати /5, с.63/.

Апогеем сенсации в эмигрантской печати должно было быть т.н. "письмо 17 латышских коммунистов", фальшивость которого доказана печатью Советской Латвии. При помощи таких фальсификаций фабрикутся сенсации, цель которых внушить читателям мысль, что дальнейшее существование латышской нации и ее культуры в Советской Латвии, якобы, находятся под угрозой, что в республике даже больше нет национальных блюд, что специально уничтожаются леса и т.п. /6/.

Но клеветники быстро были разоблачены. Против этой фаль-

сификации выступили даже сами читатели эмигрантских газет, особенно лево настроенные деятели латышских молодежных организаций на Западе /7, 8.-10.1pp./.

Крайне редко на страницах эмигрантских газет можно прочитать сообщения об успехах советского народа. Например, комментатор В. Корст, проживающий в США, в издании реакционной организации "Даугавас ванаги" в 1974 году писал о подготовке советских и американских космонавтов к совместному полету в космос и ничего не сказал о достижениях Советского Союза в завоевании космоса, а лишь упомянул, что на советском космическом корабле виднелось его название /8 /.

В апреле 1975 года в этой же газете была помещена корреспонденция какого-то туриста о впечатлениях после посещения города Елгавы в Советской Латвии. Автор, в юности живший в этом городе, увидел во время своего посещения не мало теневых сторон, но он ни слова не оказал о том, что летом 1944 года гитлеровцы и их приспешники - латышские буржуазные националисты, многие из которых ныне являются эмигрантами, полностью разрушили центральную часть города, уничтожили все промышленные предприятия, железнодорожный узел, учебные заведения и что в послевоенные годы Елгава построена заново, что в городе много новых жилых домов, предприятий, культурных и просветительных учреждений, созданы новые улицы и скверы и т.п. /12, 703.-704. 1pp./.

То, что невозможно замолчать, представляют в искаженном виде. Для этой цели служит дезинформация: искажение фактов и односторонний подход к освещению событий.

Поэтому, неудивительно, что в письмах Латвийскому комитету по культурным связям с соотечественниками за рубежом и его органу - редакции газеты "Дзинтекас балос" встречаются признания, что многие зарубежные латыши перестали верить информации эмигрантской печати. В августе 1972 года одна из эмигрантских газет констатировала, что на разных собраниях высказывались упреки, что в "нашей (эмигрантской - Л.И.) печати информация правдива только на одну пятую часть" /8 /.

Косвенно об умень-

шении влияния эмигрантской печати свидетельствует также протест эмигрантского поэта В. Краславиетиса, который указал, что журналист "вложил мне в рот слова, которых я никогда не говорил" / 8 /. Подобным образом протестовал и один из активистов организации латышской молодежи в Европе, подтверждая, что все его статьи напечатаны в искаженном виде / 8 /.

Для придания большей "достоверности" на страницах реакционных эмигрантских газет помещаются т.н. "письма из Советской Латвии", в которых основное внимание уделяется различного рода недостаткам. Для примера возьмем письмо, которое, якобы, прислал некий агроном и которое было опубликовано в газете реакционной организации "Даугавас ванаги" в мае 1974 года. Этот "специалист" сельского хозяйства "не видит" на селе никакого прогресса за годы советской власти и пишет, что "все поля и даже дороги на селе заросли сорняками" / 8 /. Цель подобных "писем" - убедить читателей, что система коллективного хозяйствования в Советской Латвии "непригодна", что она "не может дать благосостояния сельскому населению". Цель этой лжи переубедить тех эмигрантов, которые регулярно читают издания Советской Латвии и доверяют письмам своих родственников о заметном подъеме жизненного уровня на селе Советской Латвии.

Еще одним ярким примером дезинформации является "письмо", которое, якобы, было прислано из Риги в Копенгаген и которое в апреле 1975 года газетчик из ФРГ Альберт Эглитис комментировал в газете организации "Даугавас ванаги" / 9 /. В статье говорится, что в 1974 году в Риге чтобы утром купить хлеб, рис, сахар, масло, уже с ночи надо было занимать очередь; что не всегда можно купить молоко, что в магазинах нет будильников и т.п. / 8 /. Только глубокая классовая вражда может заставить журналиста написать такую ложь, которой большинство эмигрантов уже не верит.

С "письмами из Латвии" созвучны материалы, печатающиеся под рубриками "Латвийское радио сообщает"; "Газета "Циня" пишет". Эмигрантскому читателю может показаться, что эта информация более достоверна, ибо она берется из советских источников, но дело в том, что факты отбираются тенденциозно: перепечатываются лишь фельетоны и критические заметки. На такую тактику отбора фактов в свое время указывал еще В.И. Ленин, говоря, что миру известны наши достижения, что "замолчать, скрыть капиталисты ничего не могут, они больше всего лоят поэтому наши ... ошибки и нашу слабость" /10, с. 341/. А когда они вынуждены упомянуть отдельные наши успехи, тогда ловко используется прием, распространенный в буржуазной пропаганде: в конце изложения коротко дается вывод, перечеркивающий значение содержания корреспонденции.

Такой же дезинформацией занимается эмигрантские авторы, претендующие на определенную "научность". Для короткого анализа возьмем сборник "Архивс" ("Архив"), который издается в Австралии и редактируется историком экономики, бывшим преподавателем Латвийского университета Э. Дунсдорфом. Вот, например, 13-й номер этого издания, посвященный "неполитическим" вопросам - проблемам архитектуры и строительства. Внимание привлекает статья о городах Советской Латвии, автором которой является сам редактор. "Исследование" объемом в 12 страниц дополняется картой нашей республики, диаграммами и таблицей. Чтобы вызвать доверие к себе, автор цитирует "малую энциклопедию Латвийской ССР", учебники, изданные в нашей республике. На первый взгляд у читателя может создаться впечатление, что он знакомится с действительно научной статьей. Но проследим за мыслью автора. В буржуазной Латвии, по его расчетам, городами можно считать населенные пункты с количеством населения 1100 человек, а в Советской Латвии в 1968 году он считает городами те населенные пункты, в которых проживают, как минимум, 15000 человек. Получается, что количество городов в Советской Латвии по сравнению с довоенным временем, "сократилось" /11, 19.-20. стр. /. Из 56 городов Советской Латвии Дунсдорф исключает 29, которые у него "пре-

артались" только в незначительные центры колхозов и совхозов.

Целью автора данной статьи не был специальный анализ несостоятельности метода этого буржуазного ученого, но уже из этого примера видны неприглядные приемы буржуазного журналиста. Э.Дунсдорф хочет доказать, что советская власть не проявляет заинтересованности в развитии небольших городов республики. В то же время он ничего не говорит о том, что в 20-е - 30-е годы в Латвии статус города был дан 29 населенным пунктам, в которых в годы буржуазной власти так и не развилась промышленность и большая часть жителей занималась сельским хозяйством. Он также игнорирует тот факт, что в интересах более успешного развития народного хозяйства несколько городов были объединены /11, 20.1pp./:

Подобная дезинформация содержится также в статье из этого же сборника, автором ее является шведский архитектор Р.Легздиньш. Чтобы войти в доверие к читателям и доказать "правдивость" своих антикоммунистических выводов, он пользуется сведениями из советских источников, но отбирает их тенденциозно. Он пишет о современной архитектуре Советской Латвии, используя устаревшие сведения десяти и больше летней давности, хотя градостроительство в нашей республике за эти годы на много ушло вперед. Особенно антикоммунизм автора проявляется в грубой фальсификации фактов. Например, Рижский Политехнический институт, построенный в послевоенные годы, он называет "школой политруков", а, чтобы построить эту "школу", "взорвана" старая Ратуша Риги и снесен знаменитый архитектурный памятник XIX века Дом Черноголовых. В это могут поверить только эмигранты, не знающие, что Дом Черноголовых разрушен в 1941 году при нападении гитлеровцев /12, 542.1pp./, которым за эти годы ни разу не довелось посетить столицу Советской Латвии. Под флагом "научности" и "объективности" путем вольного обращения с фактами Э.Дунсдорф и Р.Легздиньш стараются скомпрометировать в глазах эмигрантов советскую действительность, чтобы вызвать у них антипатии к социалистической Латвии.

ность, чтобы вызвать у них антипатии к социалистической Латвии.

Современная буржуазная пропаганда особое внимание обращает на "эмоциональное потрясение" аудитории. Систематическое нагнетание атмосферы беспокойства, раздражения, враждебности по-кругу жизненно важных для читателя вопросов, может заставить его воспринимать новые факты и события неосмысленно. Так Майкл Чукас, видный американский специалист по вопросам пропаганды, в своей работе "Пропаганда становится зрелой" (Вашингтон, 1965) пишет: "Игра на порывах и эмоциях людей — это один из способов нейтрализации, присущей человеку способности разумно мыслить".

Печать латышских буржуазных эмигрантов тоже пытается постоянно играть на эмоциях читателей и таким образом вводить в заблуждение невежественных людей.

В этих целях особенно сильную шумиху они поднимают вокруг вопросов о национальных отношениях в Советском Союзе. В любом номере эмигрантских реакционных газет можно найти корреспонденции, самым грубым образом искажающие результаты осуществления ленинской национальной политики в нашей стране. Излюбленными стереотипами являются "руссификация всех народов" в СССР, "ассимиляция латышского народа", к чему, якобы, ведут "насилственно" проводимая политика "сближения наций", направление после окончания высших учебных заведений специалистов латышской национальности работать на Север СССР и в Сибирь. Всем, кто знает советскую действительность, видна несостоятельность этих измышлений.

Опираясь на буржуазно-националистические настроения части эмигрантов реакционная эмигрантская печать способствует созданию и сохранению искаженного представления о национальных отношениях в Советском Союзе. Дело доходит до того, что, например, летом 1974 года туристка из США задала вопрос гиду "Интуриста": "Можно ли в Риге на улице говорить по-латышски?" /13, 5.1pp./.

Чтобы убедительнее ввести в заблуждение читателя, эмигрантские реакционные журналисты нередко преподносят "факты" таким образом, будто они "симпатизируют" и "сочувствуют" жителям Совет-

ской Латвии. Они опять выдвигают идеалистический лозунг о т.н. "едином латышском народе", хотя ясно, что цели буржуазных эмигрантов и латышского народа прямо противоположны: латышский народ в Советской Латвии поставил своей целью построить коммунистическое общество, а латышские буржуазные эмигранты намерены приложить все силы для реставрации капитализма в Латвии.

В своей подрывной работе реакционные эмигрантские газетчики широко используют тезис о "бедственном" материальном положении интеллигенции в Советской Латвии и призывают эмигрантов посылать на родину посылки с одеждой и продуктами для работников культуры /14, 3. стр./.

Для усиления именно эмоционального воздействия на читателей буржуазные эмигранты в своих изданиях регулярно используют фотоснимки и кричащие заголовки. Еще в свое время большое значение фотоинформации в идеологической борьбе отмечал знаток буржуазного газетного дела немецкий профессор Эмиль Довифат. В своем труде "Газетная наука" (Zeitungalehre), который был издан еще при Гитлере и переведен с некоторыми поправками при Аденауере, он писал, что "фотоинформация подчинена тем же законам, что и текстовая информация. Как раз потому, что люди склонны доверять фотографии больше, чем слову, фальсифицированные фоторепортажи... являются сегодня опаснейшим оружием в борьбе неизменных политических страстей" /15, с. 219/.

В реакционной эмигрантской печати кричащие заголовки гласят о "колониализме", "отсутствии свободы", "протестах" и т.п. при социализме. Нередко публикуются снимки, на которых видны полуразрушенные дома, а подпись под ними утверждает, что так живут в Советской Латвии.

Реакционная эмигрантская печать использует для идеологических диверсий и важнейшие международные события. Особенно ярко это проявилось в отношении Общеввропейского совещания по вопросам безопасности и сотрудничества, о котором в эмигран-

тских печатных изданиях регулярно публиковались информация и комментарии, содержащие дезинформацию об этом важном политическом событии. Выступая против признания послевоенных границ в Европе, реакционные эмигранты повторяют лозунг, распространенный в годы "холодной войны" о т.н. "красной угрозе". В этом направлении печать латышских буржуазных эмигрантов шла в ногу с самой реакционной, реваншистской печатью /16, с.61/.

Ярый антикоммунист Шламм в свое время признал, что "коммунизм расцветает на ниве мира, хочет мира, торжествует в условиях мира" /17, с.185/. Идеологи реакционной эмиграции тоже понимают неотделимость социализма от борьбы за мир. Отсюда глубокая ненависть к пропаганде мира, защита милитаризма и разглагольствование о третьей мировой войне. Неоднократно в эмигрантской печати говорилось о том, что мир "является врагом", что "мирное сосуществование мешает освобождению родины", т.е. реставрации в Советской Латвии капитализма.

В статьях об Общеевропейском совещании по вопросам безопасности и сотрудничества усиленно пропагандировалась необходимость "свободного обмена людьми, идеями и информацией". Под этим они понимают ослабление влияния марксистско-ленинской идеологии в социалистических странах, вмешательство во внутренние дела Советского Союза, пропаганду капиталистического образа жизни среди населения социалистических стран.

Реакционные главари, видя большой интерес эмигрантов к культуре Советской Латвии, злобно выступают против демонстрации кинофильмов и чтения книг, присланных из Советской Латвии. В то же время реакционные газеты призывают посещать Советский Союз подготовленным людям, распространять там буржуазную идеологию и даже "собирать информации", что фактически означает - заниматься идеологической диверсией и шпионажем. Председатель одной эмигрантской организации антикоммунист У.Грава выступая в Чикаго (США) в марте 1974 года, критиковал правительства капиталистических стран за то, что те одобряют принцип сотрудничества и сосуществования, а в статье "Ушло время ожиданий" он писал, что "туристы не должны посещать Латвию только по каким-то гуманным причинам... Мы должны задавать вопросы..." /в/. В

последние годы печать реакционных эмигрантов была вынуждена частично изменить свою тактику.

Пойти на это их заставила не только изменившаяся обстановка в лагере международного антикоммунизма, но и изменения в положении эмигрантов, что в некоторой степени подействовало на формирование взглядов эмигрантов. К началу шестидесятых годов эмигранты уже прижились на новых местах поселения, более стабильным стало их материальное положение. Отдельные эмигранты, а потом и целые туристские группы, все чаще стали посещать Советскую Латвию. Вернувшись они о жизни при социализме рассказывают более правдиво, чем это делает односторонняя пропаганда печатных органов буржуазных эмигрантов.

Реакционные эмигрантские газеты пытаются "дать отпор" этим очевидцам. Поэтому в последнее время изыскиваются новые формы и методы воздействия на читателей для обработки их умов.

Иногда на страницах эмигрантских изданий помещаются отдельные положительные отзывы о Советской Латвии. Под рубрикой "Голоса читателей" помещаются отдельные дискуссионные письма по проблемам эмиграции, печатаются письма, критикующие ее реакционных деятелей. Это вызывается стремлением сохранить контингент читателей. Хотя эмигрантские политиканы усиленно разглагольствуют о "свободе" и "объективности" своей печати, в большинстве случаев письма "инакомыслящих" эмигрантов не публикуются, особенно, если речь идет о коренных проблемах идеологии и политики реакционных организаций.

Например, активист латышской эмигрантской организации в Федеративной Республике Германии Я. Лейва после своего первого посещения Советской Латвии в 1969 году выступил перед эмигрантами с правдивым рассказом о своих впечатлениях. Местная эмигрантская газета опубликовала пересказ выступления Лейвы, подготовленный газетчиком А. Эглитисом, в котором тот с антикоммунистических позиций комментировал факты, давая им заве-

домо ложное толкование. Впоследствии газета отказалась поместить письмо с протестом Лейвы, который после этого написал в редакцию газеты "Дзимтенес балсс": "Прочитав статью А. Эглитиса в 37-м номере газеты "Латвия", я пришел в негодование от такого извращенного пересказа моего выступления о посещении Риги" /18, 7. лpp./ . Другой пример: редакция газеты "Лайкс" получила письмо О. Мамиса с протестом против опубликования клеветнических измышлений о нем. Редакция это письмо не опубликовала и не дала опровержения /19, 7. лpp./ .

Ярый антикоммунизм латышских буржуазных эмигрантов заставляет многих латышей, живущих за рубежом, пересматривать свое отношение к печати буржуазной эмиграции. В результате уменьшилась сфера ее влияния. По сведениям самих эмигрантов, "самую влиятельную газету "Лайкс" читает ныне не больше одной десятой части эмигрантов. Газета организации "Даугавас ванаги" в сентябре 1973 года писала, что "уже теперь довольно многие не выписывают и не читают латышские газеты, особенно молодое поколение мало интересуется ими" /8/. В январе 1974 года читатель из штата Мичиган (США) писал о том, что и среди среднего поколения пропал интерес к эмигрантской печати /8/ .

Буржуазная эмигрантская печать испытывает и другие трудности. Референт по вопросам печати фонда организации "Даугавас ванаги" Аусала в ноябре 1974 года совсем откровенно заявила, что эмигрантские газеты "переживают кризис: не хватает газетчиков, средств и идеологических статей" /8/ .

Об уменьшении влияния печати латышских буржуазных эмигрантов свидетельствуют результаты опроса читателей, проведенного в конце 1972 года так называемым "Объединением свободных латышей мира". Одна из газет призналась, что анкеты "получили люди, известные в эмигрантской среде", то есть, анкеты были разосланы в первую очередь националистически настроенным эмигрантам /8/. Несмотря на это, результаты опроса показали, что авторитет антикоммунистической пропаганды падает, что эмигрантские буржуазные издания больше не считаются единственным источником информации, растет ин-

интерес к изданиям нашей республики: 75 % опрошенных высказались за получение книг и периодических изданий из Советской Латвии и только 7 % признали, что у них нет особого интереса к жизни в Советской Латвии.

Политическая деятельность и печатные издания латышских буржуазных эмигрантов не пользуются авторитетом не только среди большинства живущих на Западе латышей, но также и среди идеологов империализма. Редактор издающегося в США бюллетеня, О.Целле в статье "Вместо пропаганды научная информация", помещенной в газете "Лайкс", довольно убедительно, но с сожалением пишет о том, что руководители эмигрантов "истратили много усилий и много средств ..., сочиняя пропагандистские брошюры и разные публикации для информирования обществности (США, Англия и другие капиталистические страны - А.Я.). Но израсходованные тысячи долларов и время не дали опутимых результатов, ибо информационная ценность этих изданий очень низка, а материалы о судьбе Прибалтийских государств, их теперешнем положении и тенденциях развития правительства США и других стран получают от своих советников, специалистов по прибалтийским вопросам. Почти все они без исключения считают недостоверным источником пропагандистские брошюры, сочиненные нашими (т.е., эмигрантскими - А.Я.) политиками" / 8 /.

Уменьшению влияния печати латышских буржуазных эмигрантов частично способствует и тот факт, что в ней по сей день подвизаются лица, в годы второй мировой войны активно сотрудничавшие с гитлеровцами; некоторые из них работали редакторами и журналистами в оккупационных изданиях. Например, в реакционной эмигрантской печати довольно часто выступают такие антикоммунисты, как Хазнерс, Шилде, Кланс-Ковалевский и уже упомянутый Эглитис, или дается изложение их антисоветских докладов. Они выдают себя за "специалистов" по вопросам Советской Латвии, сочиняя самую гнусную ложь о жизни трудящихся республики / 8 /.

"Политический авторитет" этих злобных антикоммунистов особенно упал в среде молодежи. Среди молодежи капиталистических

стран все больше растет интерес к идеям социализма, все больше понимается неразрешимость противоречий капитализма. Эта всеобщая тенденция не миновала и молодое поколение латышских эмигрантов. Многие из них стремятся узнать поближе родину своих отцов и матерей, но узнать именно такой, какой она является сегодня. Но правду о Советской Латвии ни реакционная эмигрантская печать, ни литература им дать не могут.

Многие представители молодого поколения латышского происхождения признали, что они "не станут ярыми антикоммунистами, как их родители" /8/. Они выступают за установление дружеских контактов с Советской Латвией, хотят ознакомиться с ее экономикой, культурой, политической жизнью. Одна из эмигрантских организаций произвела опрос, который показал, что 76 % опрошенных молодых людей в возрасте до 20 лет выразили желание вести переписку с Латвийским комитетом по культурным связям с соотечественниками за рубежом /8 /.

О том, что у эмигрантской молодежи пропал интерес к антикоммунистической политике верхушки буржуазной эмиграции свидетельствует ряд фактов. Одна из предложенных резолюций на съезде латышской молодежной организации в США в 1973 году в Нью-Йорке призывала всех членов этой организации читать газету "Циня", и не содержала предложений, призывавших читать издания эмиграции" /8/. Даже активисты реакционных эмигрантских организаций вынуждены признать такое отрицательное отношение молодежи к эмигрантским печатным изданиям. Например, книгоиздатель из Чикаго (США) Калнайс, выступая с докладом в Сан-Франциско, констатировал, что книги, изданные в эмиграции на латышском языке, покупают только люди старшего поколения, а молодежь не берет их даже бесплатно. Активистка общества латышской печати в Англии А.Лиепинь в своем докладе в октябре 1974 года признала, что эмигрантская печать не пишет объективно о социалистических странах, "замалчивает события, невыгодные с политической точки зрения" и что моло-

дальше будет читать эти газеты только в таком случае, если политические вопросы в них будут оцениваться объективно /8/.

Спад интереса среди латышской молодежи к эмигрантским мероприятиям из-за антикоммунистической политики и идеологии их организаторов создал и другую неразрешимую проблему - нехватку кадров журналистов. Особенно это характерно для эмигрантских газет в Австралии и Европе. Многие деятели культуры в эмиграции признают, что газетам угрожает кризис не только из-за отсутствия читателей, но и из-за нехватки газетчиков. Так активист молодежной организации в США П. Граубе, в марте 1974 года выступая в городе Милуоки, сказал, что эмигрантские газеты в дальнейшем "не смогут издаваться из-за отсутствия людей, способных редактировать их" /8/. Профессор Я. Пеникис, выступая в Гранд-Рапиды (США), констатировал, что "беспокойство вызывает не только недостаточное число молодых читателей, еще более беспокоит недостаток молодых редакторов и журналистов" /8/. Бывший председатель общества печати В. Ирбе признает, что трудно найти людей, которые были бы готовы работать в латышской эмигрантской печати. Режиссер латышского и американского самодеятельного театра Л. Силиньш и скульптор А. Копманис не скрывают, что эмигрантские "театральные критики и искусствоведы" не компетентны в вопросах театра и искусства и что их обзоры нежелательно печатать на страницах газет.

О кризисном состоянии печати латышских буржуазных эмигрантов свидетельствует и тот факт, что отдельные газеты стали выходить реже и уменьшились в объеме. В 1973 году бюллетень Объединения латышской молодежи в Европе писал, что в последние годы в реакционной эмигрантской печати "царит усталость, или высказываясь более современно - резигнация - разочарованность. Это сказано не без основания - мы находимся сейчас в опасности - газеты стали выходить реже и стали более тонкими по своему объему" /8/. В качестве примера автор называет газеты, выходящие в ФРГ и Англии. Но реже - только один раз в неделю - стала выходить и газета, издающаяся в Канаде.

Анализ кризисного состояния печати латышской буржуазной эмиграции, а также признания самих эмигрантов позволяют констатировать, что из этого кризиса нет никакого выхода. Недавно редактор издававшегося в США журнала "Тилтс" писал: "Результаты показывают, что наши воскресные вспомогательные школы не способны дать даже будущих членов для приходов. А сколько на чужбине вообще молодых людей, умеющих написать письмо по-латышски, не говоря уже о каком-нибудь другом сочинении?" /8/.

Позитивные сдвиги на международной арене в пользу мира содействовали тому, что в последние годы в определенной части латышских буржуазных эмигрантов усилились тенденции отказа от ярого антикоммунизма и тенденция одобрения принципов мирного сосуществования двух противоположных общественных систем. Учитывая изменившуюся обстановку, отдельные эмигрантские редакторы стараются менять направление печатных изданий, чтобы поднять их влияние среди эмигрантов. Так журнал "Тилтс" помещает много публикаций о Советской Латвии, часть которых перепечатываются из советских изданий. "Тилтс" не единственный эмигрантский журнал, перепечатывающий материалы из изданий Советской Латвии.

Такой подход неоднократно вызывал критику и нападки со стороны реакционных главарей эмигрантских организаций и реакционных изданий. В апреле 1974 года газета организации "Даугавас валаги" осуждающе писала о "некоторых здешних журналистах, которые заполняют полосы своих изданий в основном советскими текстами" /8/.

Особенно обострились противоречия между верхушкой антисоветских центров и массой эмигрантов в 1974-1975 году по поводу юбилейного номера журнала "Луна Гайта" ("Новый путь"), в котором были напечатаны также статьи, критикующие ярый антикоммунизм эмигрантских главарей и одобряющие активные культурные связи с Советской Латвией. Правление латышской организации в Канаде на своем заседании осудило содержание этого номера в связи с тем, что оно "на 60-79 % склонялось в сторону социализма" /8/. Реакционный газетчик из ФРГ А.Эгли-

тис признал, что помещенные в номере статьи известных всем "лево настроенных друзей из ФРГ ... содействуют признанию учения коммунистов на нашей родине" /8/.

Несмотря на всяческие нападки на этот журнал, в последнее время число его абонентов не сократилось, большинство читателей одобряют такую направленность журнала /8/. Это, конечно, не значит, что путь эмигрантских журналистов, выступающих за культурные связи с Советской Латвией и пропагандирующих принцип мирного сосуществования, является легким и протекает без противоречий. Но увеличение противоречий среди эмигрантских газетчиков свидетельствует о все более усиливавшемся кризисе печати буржуазных эмигрантов.

Латышские эмигранты, отошедшие от ярого антикоммунизма, стремятся создать свои периодические издания, в которых бы пропагандировалась политика мирного сосуществования. Так в ФРГ с 1973 года издается небольшой бюллетень "Дуна балс" ("Новый голос"). Его издает общество по содействию латышской культуре, которое несколько лет тому назад создали эмигранты, лояльно настроенные к своей родине /20, 7.1pp./ . Издатели его стараются по возможности дать правдивую информацию о Советской Латвии. В 9-м номере бюллетеня издатели указывают, что цель его - дать "коррективы той латышской печати в эмиграции, которая методом отбора информации стремится замолчать любую мысль, если только она не соответствует устаревшим националистически-повинностицеским взглядам издателей ..." /21, 6.1pp./ .

За границей из года в год растет интерес к печати Советской Латвии. Многие латышские эмигранты выпиывают советские газеты и журналы, а также нашу художественную и научную литературу. Несмотря на атмосферу травли эмигрантов, читающих издания нашей республики; в 1975 году, проживавшие за границей латыши, выписывали 112 экземпляров газеты "Циня", органа Центрального Комитета КП Латвии, 55 - "Падомья jaunatne", газеты Центрального Комитета ЛКСМ Латвии, 239 - литературного и общественно-политического журнала "Каротс", 232 экземпляра + общественно-политического и литературно-

художественного иллюстрированного журнала "Звайгзне", 322 экземпляра + газеты "Литература ун максла" и ряд других газет и журналов Советской Латвии, всего около 30 названий. Большинство этих изданий передаются из рук в руки, читаются в домашних библиотеках многими эмигрантами.

В распоряжении автора имеются сведения о хороших отзывах латышских эмигрантов о печати Советской Латвии. Многие живущие за границей латыши отмечают всестороннюю информацию, которую можно получить из советских периодических изданий. Отдельные представители латышской эмигрантской молодежи оценили содержание газеты "Дзимтенес балос" выше, чем печатные издания реакционных эмигрантов / 8 /.

Из анализа некоторых тенденций антикоммунистической пропаганды в печати латышских буржуазных эмигрантов видно, что приемы и методы эмигрантских газетчиков в основном не отличаются от методов реакционных буржуазных журналистов. Поэтому эмигрантская печать все больше теряет влияние среди своих читателей. Она переживает глубокий кризис. Среди латышей, живущих за рубежом, уменьшается влияние печатных органов эмиграции, ведущих ярую антикоммунистическую пропаганду. Но это не значит, что не следует изучать антикоммунистическую идеологическую и политическую деятельность латышских буржуазных эмигрантов и бороться против них. Реакционная верхушка латышских буржуазных эмигрантов имеет еще довольно тесную связь с ведущими идеологическими центрами антикоммунизма, старается организовать подрывные действия против Советского Союза, а порой даже открыто призывает к реставрации капитализма в Прибалтике любимыми средствами.

Ссылки на литературу и примечания

- 1 Latvijas PSR Mazā enciklopēdija, 1. sēj., R., "Zinātne", 1967.
- 2 Čapranovs V., Jurciņš Ž., Mamajeva K. Melnā brūņnieka rēstēšī. R., "Liesma", 1968.
- 3 Лапицкий И. Короли лжи и сенсаций. М., "Мол. гвардия", 1969.
- 4 "Журналист", 1973, № II.
- 5 "Вестник Московского университета, Сер. XI. Журналистика",

1972, № 6.

- 6 "Cīņa", 1972, 24.febr.
- 7 Ievkalns R. LSDSP. Partija vai burtu kopa? R., 1973.
- 8 Приведенные цитаты, отражающие точку зрения латышских буржуазных эмигрантов, приводятся по изданиям реакционной эмиграции.
- 9 "Dzintenes Balss", 1971, 15.apr.
- 10 Ленин В.И. Всероссийская конференция РКП(б) 26-28 мая 1921 года. - Полн.собр.соч. Изд. 5-е.Т.43.
- 11 Latvijas PSR Mazā enciklopēdija, III sēj., R., "Zinātne", 1970.
- 12 Latvijas PSR Mazā enciklopēdija, II sēj., R., "Zinātne", 1968.
- 13 "Dzintenes Balss", 1975, 24.apr.
- 14 "Dzintenes Balss", 1975, 12.jūn.
- 15 Зарубежная печать. Сборник статей под редакцией Я.Н.Засурского. Издательство Московского университета, 1964.
- 16 Краминов Д. Европейская безопасность и маневры западной печати. - "Журналист", 1973, № 9.
- 17 Schlam W. Die Grenzen des Wunders. Zürich, 1959.
- 18 "Dzintenes Balss", 1969, 31.okt.
- 19 "Dzintenes Balss", 1974, 22.aug.
- 20 "Dzintenes Balss", 1973, 2.aug.
- 21 "Dzintenes Balss", 1975, 29.maijs.

Э. Н. МИРОНОВА

О НЕКОТОРЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ И МЕТОДАХ
СОВЕТОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ПОЛИТИ-
ЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

В условиях разрядки международной напряженности, на первый план выдвигаются проблемы идеологической борьбы. XXV съезд КПСС подчеркнул, что "... идейное противоборство двух систем становится более активным, империалистическая пропаганда более изощренной" /I, с. 74/.

Главным орудием идеологических диверсий против социализма попрежнему является антикоммунизм и его основное ядро - антисоветизм, в котором центральное место занимает "советология", так называемая "наука" о советском обществе. Ее классовая цель остается неизменной.

В то же время буржуазные идеологи вынуждены видоизменять свои концепции, приспособлять методы и приемы советологических "исследований" к особенностям современного этапа идеологической борьбы. Учитывая изменившееся соотношение классовых сил на мировой арене, возросшую популярность социализма, советологи уже не могут отрицать и замалчивать огромный международный престиж СССР, большие социально-экономические и научные успехи, достигнутые в нашей стране за годы советской власти. Эти вынужденные признания можно встретить в работах все большего числа советологов². Нельзя не принять во внимание и резкое обострение экономических, социально-политических противоречий современного империализма. Поэтому советологам все труднее становится спекулировать на экономических показателях капитализма, противопоставлять их масштабам и темпам развития советской экономики.

Все это обусловило тот факт, что основные усилия советологов все более концентрируются вокруг фальсификации социально-политических аспектов советского общества, пытаются дискредитировать политическую систему советского общества и, в особенности, руководящую роль КПСС.

Исходя из актуальности данной проблемы, в настоящей статье дается обобщенный критический анализ некоторых ведущих доктрин, концепций и методов современной буржуазной советологии. Автором проанализированы ряд работ видных американских, английских, французских, западногерманских советологов (Р. Арона, Э. Бжезинского, Б. Левинского, Т. Ригби, П. Холлендера, А. Улама и др.), изданных за последнее десятилетие, в которых затрагиваются и извращаются государственно-правовые, идеологические проблемы советского общества, политическая деятельность КПСС, ее задачи и роль в жизни советского общества.

В советской литературе принято условное деление буржуазной советологии на два основных течения или направления — реакционно-консервативное и буржуазно-либеральное, различия между которыми носят тактический характер, обусловленный главным образом расхождениями интересов тех или иных группировок буржуазии относительно взаимоотношений с СССР и другими странами социализма /3/.

В то же время при оценке взглядов буржуазных советологов следует учитывать конкретные методы и приемы, маскировку антикоммунистической направленности концепций, расхождения в выводах и противоречия в работах буржуазных ученых. Среди представителей реакционно-консервативного направления с известной степенью условности можно выделить два крыла. Первое, крайне правое реакционное крыло (Б. Вольф, Р. Дэниэлс) являются воинствующими антикоммунистами и в своих концепциях и выводах используют старые, традиционные догмы и методы антикоммунизма времен холодной войны.

Второе составляют представители умеренно-правого крыла (Э. Бжезинский, Л. Шапиро, А. Улам). Их антикоммунистические концепции характеризуются известным динамизмом, приспособляемостью к новым фактам и явлениям общественного развития. Они используют сдвиги в общественной структуре в эпоху научно-технической революции для открытой апологии капитализма и дискредитации социализма.

Представители буржуазно-либерального направления (Р. Арон, Т. Ригби, Ф. Стварт, Л. Черчуорд, П. Холлендер) применяют более осторожную тактику для отрицания системы социа-

лизма, претендуя на объективность, научность, беспристрастность анализа, не оспаривая некоторых недостатков капитализма. Однако их труды носят тенденциозный характер и направлены против социализма в целом и по существу.

Конечно, в свете общей классовой цели советологии эти различия между советологами не стоит переоценивать. Необходимо всегда иметь в виду свойственную буржуазным работам эклектичность, совмещение в одном и том же опусе консервативных и либеральных взглядов и концепций, проявление у одного и того же буржуазного автора неодинакового подхода к оценке различных аспектов советской жизни.

В период "холодной войны" в буржуазной историографии советского общества получила широкое распространение доктрина тоталитаризма, согласно которой в СССР якобы осуществлялся тотальный политический контроль над всем обществом при помощи репрессивных террористических методов. В ортодоксальной форме тоталитаризм предполагает диктатуру монолитной партии, отождествляемой с партийным аппаратом, над безликой инертной массой. В современных условиях неубедительность и устарелость доктрины тоталитаризма настолько очевидны, что ее из-за тактических соображений подвергают критике советологи всех направлений/4/, так как они заботятся об эффективности средств идеологического воздействия.

В противовес статическому, консервативному тоталитаризму появились так называемые динамические варианты тоталитаризма: "тоталитаризм без террора", "просвещенный, рационализированный тоталитаризм", "несовершенный тоталитаризм", которые приписываются развитому социалистическому обществу/5/. Некоторые буржуазные авторы рассматривают советское общество как "авторитарное" /6/.

В то же время следует отметить, что и сейчас некоторые наиболее реакционно настроенные буржуазные советологи по-прежнему защищают тоталитаризм в его ортодоксальной форме, не признавая никаких его модификаций.

Большинство буржуазных авторов сейчас относит СССР к развитому в технико-экономическом отношении типу современного индустриального общества. Подобная постановка вопроса повлекла за собой необходимость изобретения новых "ме-

делей" советского общества и методов его "исследования". За последние годы многие советологи переключились на сравнительный анализ буржуазных и социалистических систем, заостря внимание на выявлении сходных черт и различий между западным и советским обществом /7/.

В буржуазной советологии появились теории, пропагандирующие тенденции, прямо противоположные постулатам традиционной доктрины тоталитаризма, подвергавшие сомнению монолитность советского общества /8/. Сейчас основная масса советологов сосредоточила внимание на поисках политических и социальных конфликтов в советском обществе. В буржуазной советологии получил распространение теоретический метод анализа советской политической системы, в основе которого лежит "изучение" "групп интересов" и выяснение степени их влияния на формирование политики в СССР. Применение "теории групп" к советскому обществу нашло много приверженцев среди буржуазных ученых и широко практикуется в современной советологии /9/.

Критерии принадлежности к определенной группе интересов довольно расплывчаты и не удовлетворяют подчас и самих буржуазных ученых. В буржуазном понимании группы интересов должны быть независимым объединением на добровольных началах людей, обладающих материальными средствами, общностью политических взглядов и имеющих возможность оказывать "давление" на правительство. Такие группы квалифицируются как "ассоциативные группы интересов" /10/. В советском обществе буржуазные ученые выделяют прежде всего "институциональные" группы интересов, находящиеся "на службе" у правительства: военные, комсомол, профсоюзы. Некоторые советологи конституируют группы интересов по ряду занятий (occupational) - группы "интеллектуалов", "бюрократов", "хозяйственных менеджеров", а также вводят понятие групп мнения (opinion), объединяющих лиц различных занятий, но разделяющих общие политические взгляды.

Советологи упражняются в придумывании всевозможных социальных конфликтов, групповых комбинаций, перекарывая социально-классовую структуру и отношения между классами, слоями и группами советского общества на свой лад /11/.

Теория "группового конфликта", притянута к советскому обществу, не имеет научной основы, ибо является искусственным перенесением на советскую действительность противоречий, типичных для буржуазного общества. Буржуазные авторы ограничиваются лишь отвлеченными рассуждениями и не могут привести в защиту своих версий никаких реальных фактов из советской жизни.

Разногласия и противоречия в буржуазной советологии наиболее отчетливо обнаруживаются в попытках предсказать будущее советской политической системы. В 1966-1967 гг. журнал агентавта ЮСИА "Проблемы коммунизма" затеял обширную дискуссию об эволюции и будущем советской политической системы под девизом, выдвинутым З.Бжезинским "Трансформация или дегенерация?". В этой дискуссии принимали активное участие известные советологи: профессор А.Шлезингер из Пристонского университета, Г.Моргентау, профессор Чикагского университета, американский советолог из Иллинойского университета Г.Хауг, английский советолог Р.Конквест, - высказывавшие различные точки зрения по вопросу о будущем советской системы. В июне 1974 г. в журнале "Слэвик ревью" публиковались материалы дискуссии по теме "Перспективы изменений в Восточной Европе". Причем все буржуазные авторы в своих прогнозах исходят из ложной посылки, будто экономическое развитие СССР непременно должно вызывать коренные изменения в социально-политической системе социализма. В условиях разрядки эти тенденции получили особый резонанс. Многие советологи строят прогнозы относительно воздействия сотрудничества с Западом на внутренние "изменения" в политической системе социализма, связывая возможности и дальнейшее развитие мирного сосуществования с необходимостью компромиссов в области идеологии /12/. Споры и полемика между советологами лежат не в плоскости самой постановки вопроса, а идут по поводу того, насколько эти надуманные "изменения" затрагивают существо политического строя СССР. Сторонники теории конвергенции американские социологи Т.Парсонс, П.Сорокин "эволюционирование" советской политической системы в сторону "политического плюрализма" через активизацию "групп давления" /13/. Бжезинский, американский профессор Г.Морген-

тау, западногерманский советолог В. Леонгард не рассуждают столь категорично о политическом плюрализме. Однако они также твердят о необходимости "эволюционного перерождения" советской системы, чтобы якобы привести её в соответствие с потребностями индустриального общества/14/. Профессор социологии Гарвардского университета А. Инкелес, Д. Эзраэл подчеркивают возможности "адаптации" без изменения основных черт однопартийной советской системы/15/. Можно заметить, что в нынешних условиях советологи проявляют осмотрительность и сдержанность относительно прогнозирования будущего советского общества. Сами буржуазные авторы с неохотой констатируют, что, несмотря на многочисленные прогнозы о "крахе" советского строя, его "дезинтеграции", советское общество успешно развивается и его социально-экономические достижения, огромный престиж на международной арене неоспоримы /16/.

Буржуазные идеологи крайне озабочены постоянными неудачами советологии в прогнозировании, в трактовке динамики развития социализма. Однако советологи усматривают причины этих неудач исключительно в неправильном подходе, "профессиональном консерватизме" исследователей системы социализма/17/. В этой связи ряд буржуазных авторов рекомендуют переключиться на интегрированное использование моделей тоталитаризма, "индустриальных" теорий, "теории конфликта групп"/18/. В современной советологии значительные отклики и поддержку получил выдвинутый американским советологом Р. Такером тезис о необходимости использования так называемого "методологического плюрализма" при исследовании системы социализма, который, по мнению буржуазных идеологов, обеспечит более глубокий, всесторонний анализ динамики развития социалистической системы/19/. Суть этой буржуазной концепции заключается в том, что будучи развитым индустриальным обществом, советское общество характеризуется якобы наличием и элементов тоталитаризма, и демократии, и "группового конфликта", и тенденции к политическому плюрализму.

Тем не менее очевидно, что никакой "методологический плюрализм", рассчитанный на создание видимость научного анализа, не в состоянии спасти буржуазное моделирование со-

ветского общества от банкротства. Объяснение тому следует искать прежде всего в классовой природе буржуазной советологии. Не задаваясь целью научно раскрыть или осветить объективные тенденции развития советского общества, буржуазные идеологи сознательно извращают советскую действительность, представляют ее в конечном итоге так, как это выгодно и желательно правящим империалистическим кругам. Исходя из общей политической тенденциозности советоведения, можно утверждать лишь о дифференцированных средствах борьбы против СССР и других стран социализма советологов различных направлений и взглядов.

В буржуазной советологии широко используется ложный тезис о пресловутом несоответствии советской политической системы потребностям экономического развития страны в век научно-технической революции/20/ Советологи единым фронтом обрушиваются на Коммунистическую партию. Они прекрасно понимают, что именно Коммунистическая партия, вооруженная марксистско-ленинской идеологией, составляет цементирующую силу советского строя. Поэтому они даже откровенно заявляют, что только подрыв руководящей роли партии, "идеологическая эрозия" могут вызвать коллапс с точки зрения интересов империализма трансформации советской системы/21/.

Неудивительно, что советологи открыто выражают недовольство и разочарование по поводу того, что партия твердо следует своей политической линии, сохраняет верность марксизму-ленинизму. В своих откликах на XXIII и XXIV съезды КПСС буржуазные авторы сокрушаются, что на съездах не был взят курс на ослабление руководящей роли партии, не была продемонстрирована тенденция к "модернизации"/22/.

В современной советологии получили распространение модернизированные варианты теорий, призванных скомпрометировать руководящую роль Коммунистической партии. Например, в последнее время советологи начинают признавать необходимость руководящую роль партии в период свершения социалистической революции, для проведения индустриализации и коллективизации/23/ Но сейчас, когда советское общество достигло уровня экономического развития передовых стран Запада, как утверждают советологи, руководящая роль партии,

якобы, является лишь консервативной силой, тормозящей дальнейшее социально-экономическое развитие советского общества. Этот тезис обыгрывается и преподносится в качестве "неопровержимого" аргумента в работах многих советологов.

Искусственное разделение советского общества на динамический период (построения социализма) и статический период (развитого социализма) и противопоставление их друг другу безосновательны. Советское общество - постоянно развивающийся организм, характеризующийся усложнением социально-экономических и политических задач, что обуславливает неуклонное возрастание руководящей роли партии на всех этапах его исторического развития.

Некоторые буржуазные авторы готовы "примириться" с существованием коммунистической партии, но при условии ее "модернизации", а вернее - коренного изменения ее роли и функций. Согласно интерпретации В. Левинского, партия не должна брать на себя функции руководителя советского общества. Западногерманский советолог отводит партии роль интегратора общества, т.е. посредника между различными противоборствующими "группами интересов" /24/.

Возможности "демократизации" однопартийной системы связываются и с превращением "партии-организации" в "партий-институт" /25/. Институционализация партии означает, что партия "больше не оценивается по своим действиям или идеологическим целям, а приобретает законность исключительно из того, что она из себя представляет по своей структуре" /26/. И далее: "Институционализация однопартийной системы - процесс, когда партия передает основную функциональную нагрузку различным правительственным, автономным или квазиавтономным группам" /27/. Из этого совершенно ясно, что "институционализация" правящей партии означает полную ликвидацию ее руководящей роли в обществе.

Подобные "рекомендации" советологов направлены на коренную реорганизацию советской политической системы в буржуазно-демократический институт западного образца. Таким образом, курс на пропаганду идейно-политической трансформации советского общества путем ослабления и ликвидации руководя-

цей роли коммунистической партии является общей тенденцией советологии, независимо от ее направлений.

Методологической основой этих советологических концепций служат определенные идейно-теоретические воззрения и методы буржуазной науки, которые употребляются, варьируются и комбинируются советологами при "исследовании" какой-либо проблемы.

Принимая во внимание, что эти основные методы в целом получили достаточно полное освещение и критический анализ в советской литературе/28/ и что данная проблема является специальным объектом исследования, остановимся лишь на некоторых методах и приемах, наиболее характерных для современной советологии.

В первую очередь можно выделить старые, традиционные методы и приемы, которыми издавна оперировала буржуазная советология и которые тем не менее не сняты с ее арсенала на современном этапе.

Так, типичной чертой многих современных советологических "исследований" по-прежнему является преобладание субъективистски-волюнтаристского подхода при описании исторических событий и их трактовке, что выражается в отрицании возможности научного характера исторических исследований, в отказе от объективного изучения социально-экономических и политических процессов развития советского общества. Естественно, что эти авторы могут поддерживать свои постулаты о тоталитарном контроле, о диктатуре партии над массами лишь лживыми ссылками на "властолюбие" и разные "гегемонистские" устремления. Этот метод применяется советологами крайне правого крыла.

В работах советологов буржуазно-либерального направления субъективизм уже не выступает в такой всеобщей форме. Однако представители этого направления также прибегают к нему. Для примера возьмем процесс формирования состава КПСС. Он имеет две стороны, которые находятся в диалектическом единстве и не могут рассматриваться изолированно друг от друга. С одной стороны, он объективно обусловлен тем, что партия имеет в обществе социальную базу в лице рабочего класса, колхозного крестьянства и интеллигенции, за счет которых

она и пополняет свои ряды. С другой стороны, партия сознательно при помощи регулирующих мероприятий отбирает в свои ряды лучших, передовых представителей советского общества.

Буржуазные теоретики игнорируют объективную основу формирования состава КПСС и необоснованно абсолютизируют вторую сторону - политику партии по регулированию своих рядов как самостоятельный фактор. С таких ложных субъективистских позиций трактуют принципы формирования состава КПСС Б.Левцкий, Т.Ригби, Д.Хезард/29/.

Одновременно буржуазные идеологи задаются целью приписать нашей партии превалирование практических потребностей момента в ее деятельности в ущерб принципам марксизма-ленинизма/30/. Они утверждают, будто идеология марксизма-ленинизма лишь притягивается постфактум для оправдания политики партии, которая якобы постоянно меняется, исходя из практических, конъюнктурных соображений, а потом санкционируется той или иной теоретической формулой. Своим острием эта концепция прагматизма направлена на отрицание научного характера политики партии, ее ведущих тенденций, на подрыв единства марксистско-ленинской теории и практики как важнейшей закономерности политики Коммунистической партии.

Большие усилия советологов концентрируются на фальсификации марксизма-ленинизма как идейно-теоретической основы деятельности коммунистической партии. Попытки извратить ленинизм путем искусственного противопоставления Маркса Ленину предпринимались западными идеологами уже в конце 50-х, начале 60-х годов. В своих работах советские ученые доказали научную несостоятельность отрицания преемственности марксизма и ленинизма/31/. Однако некоторые буржуазные авторы в работах, опубликованных за последние годы, опять вытаскивают на свет различные псевдонаучные теории о мнимом противоречии между марксизмом и ленинизмом /32/. Таким образом они пытаются ленинское учение представить как чисте национальную доктрину и тем самым отвергнуть его объективный, закономерный характер.

Типичным приемом буржуазной науки являетсявольная интерпретация самого ленинского учения, искажение действительных явлений и фактов советской жизни и конструирование на этой

основе ложных теорий и закономерностей "развития советского общества.

Для советологов буржуазно-либерального направления характерна и подмена понятий. К примеру, американский советолог Л. Саргент подразделяет историю советского общества на два периода - "период диктатуры пролетариата и полный коммунизм". Руководствуясь ложными исходными понятиями, Саргент переносит на современное советское общество, неправомерно отождествляемое с периодом диктатуры пролетариата, особенности этого периода, связанные с острой классовой борьбой в стране /33/.

Искажение общеизвестных понятий требуется советологам лишь для того, чтобы "облегчить" выведение заранее задуманных буржуазных схем и конструкций советского общества, обеспечить своим концепциям "салидный теоретический фундамент.

В современных условиях идеологической борьбы традиционные методы и средства буржуазной историографии уже не могут удовлетворить притязания советологии на объективность и научность. Чтобы подкрепить методологическую базу, в современной советологии практикуется применение новейших концепций буржуазной политической и социологической науки, среди которых особое место занимает функциональный анализ деятельности КПСС, являющейся неотъемлемой частью сравнительного метода анализа политических систем /34/. Сторонники функционального направления считают, что несмотря на различия между политическими системами и структурами, те же самые политические функции осуществляются политическими партиями во всех системах. Это направление в буржуазной социологии нашло последователей среди советологов и выражается в попытках отождествить функции КПСС с функциями западных политических партий. В интерпретации сторонников функционального направления в советологии - американского советолога М. Гелена, Т. Ригби /35/ политические функции КПСС рассматриваются в терминах буржуазной политической науки: регулирование количественного и качественного состава КПСС сводится к политической "вербовке", идейно-воспитательная работа партии - к "индоктринации", а политическое воспита-

ние молодежи — к принудительной политической "социализации". Ложно интерпретируемые и надуманные идеологические и политические функции Коммунистической партии являются теоретической основой фальсификации всех сторон деятельности КПСС. Например, исходной позицией при исследовании членства в КПСС у Т. Ригби служит тезис, согласно которому социальный состав КПСС выполняет определенное функциональное назначение в политической системе советского общества. И если искаженные, тенденциозно преподнесенные политические функции КПСС находят воплощение в составе партии, то нетрудно догадаться, какого рода "объективное" и "научное" исследование представляет собой опус Ригби.

Абсолютизируя момент взаимосвязи, взаимозависимости структурных элементов политических систем, игнорируя социально-классовую сущность КПСС, буржуазные советологи в конечном итоге дают превратное истолкование политической и организационной деятельности нашей партии. Так, некоторые советологи (Л. Блондел, Т. Ригби, М. Фейнсон) пытаются "доказать" концепцию "элитарного" характера КПСС с помощью функционального метода. Они полагают, что "элитарный" характер КПСС якобы уже априорно вытекает из основной функции КПСС как руководящей и направляющей силы советского общества /36/.

Подобное "обоснование" "элитарного" характера КПСС в корне неверно, т.к. зиждется на ложном толковании руководящей роли КПСС в советском обществе. Советологи не берут во внимание качественное отличие правящей партии в буржуазном и социалистическом обществе, тот факт, что КПСС выражает интересы всех классов и слоев советского общества, в одинаковой мере заинтересованных в построении коммунизма. Основная ошибка в том, что механически отождествляется руководящая и направляющая роль КПСС в коммунистическом обществе и понятие "элита". Авангардная роль коммунистической партии является ее неотъемлемым признаком политического руководителя, а не критерием, отделяющим партию от народа.

В современной советологии наметился заметный крен в сторону буржуазного объективизма. Откровенное и грубое искажение фактов, голословные антикоммунистические выпа-

ды уступают место обилию конкретного фактического материала, почерпнутого из советских источников и литературы. Эта тенденция наиболее характерно проявляется в буржуазных "исследованиях" состава КПСС, где советологи пытаются продемонстрировать "беспристрастность" и "объективность", щедро приводя цифровые данные, решения съездов, пленумов, конференций нашей партии.

Однако богатая фактическая основа не исключает классового, тенденциозного подхода в оценке этих фактов. Ленин предупреждал, что "факты, если взять их в их целом, в их связи, не только упрямая, но и безусловно доказательная вещь. Фактики, если они берутся вне целого, вне связи, если они отрывочны и произвольны, являются именно только игрушкой или кое-чем еще похуже" /37/.

Буржуазные советологи препарируют, комбинируют и преподносят реальные факты советской действительности под таким углом, чтобы втиснуть их в рамки определенных буржуазных концепций, призванных опорочить деятельность КПСС. Поэтому буржуазный объективизм означает, что советологическая "критика" отнюдь не сдала своих антисоветских позиций, а лишь стала более уточненной и изощренной.

Обновление ряда средств и приемов не коснулось ни исходных позиций, ни сущности советологии. И в работах советологов, написанных с позиций буржуазного объективизма, можно без особого труда уловить антикоммунистические акценты и направленность. Многочисленные оговорки, частичные признания успехов социализма, противоречивые оценки в устах различных авторов свидетельствуют прежде всего об огромных трудностях, которые переживает современная советология в попытках отыскать наиболее приемлемые и "убедительные" концепции и методы "исследования" советской действительности.

Успешный опыт КПСС в построении социализма и осуществлении процесса коммунистического строительства, огромный политический авторитет КПСС на мировой арене свидетельствует о тщетности и бесперспективности всякого рода попыток буржуазных фальсификаторов дискредитировать советский общественный строй и руководящую роль КПСС в советском обществе.

Ссылки на литературу

1. Материалы XXV съезда КПСС. М., Политиздат, 1976, с.74.
2. Blondel J. Comparing Political Systems. L., 1972, p.202; The Future of Communist Power. L., 1970, p.45; Inkeles A. Social Change in Soviet Russia. Cambridge, Mass., 1968, p.41.
3. Критика буржуазной историографии советского общества. М., 1972, с. II-12; Критика буржуазных концепций истории и политики КПСС. М., 1974, с. 10-18.
4. American and Soviet Society. New Jersey, 1970, p.8. Azrael J. Managerial Power and Soviet Politics. Cambridge, Mass., 1966, p.77. Churchward L. Contemporary Soviet Government. L., 1968, p.6. Gehlen M. The Communist Party of the Soviet Union. Indiana University Press, 1969, p.148. Inkeles A. Op.cit., p.30. Lewitzkyi B. Die Kommunistische Partei der Sowjetunion. Stuttgart, 1967, S.99. Kneen P. Group Conflict Approach to the Soviet Union. Birmingham, England, 1971, p.3. Lane D. The End of Inequality? Stratification Under State Socialism. Manchester, 1971, p.53. Meyer A. The Soviet Political System. An Interpretation. N.Y., 1965, p.471.
5. American and Soviet Society, p.116; Brzezinski Z. Ideology and Power in Soviet Politics. N.Y., 1967, p.60; Fainsod M. How Russia is Ruled? Cambridge, Mass. 1963, p.592; Hollander P. Soviet and American Society. N.Y., 1973, p.37.
6. Griffith W. The Pitfalls of the Theory of Modernization. - "Slavic Review", 1974, Vol.33, Nr 2, p.250.
7. American and Soviet Society. New Jersey, 1970; Aron R. Democratie et Totalitarisme. Paris, 1965; Blondel J. Comparing Political Power. USA/USSR. N.Y., 1964; Marxism, Communism and Western Society. A Comparative Encyclopedia N.Y., 1972-1973; Patterns of Government. N.Y., 1973.
8. Authoritarian Politics in Modern Society. N.Y., 1969, p. 261; "The American Political Science Review", 1968, Vol. 62, Nr 3, p.839; Politics and Government. How People Deci-

- de Their Fate. Second Edition. N.Y., L., 1974, p.380.
9. Kneen P. Op.cit.; "Slavic Review", 1972, Vol.31, Nr 1; "The American Political Science Review". 1968, Vol.62, Nr 3; Stewart P. Political Power in the Soviet Union. Ohio State University. 1968, p.20; Bell D. The Coming of the Post Industrial Society. L., 1974, p.359.
  10. Stewart P. Op.cit., p.5-6.
  11. Aron R. Progress and Disillusion. Paris, 1972, p.48-49. Blondel J. Op.cit., p.196; Heer N. Politics and History in the Soviet Union. Cambridge, Mass., 1970, p.171; The Future of Communism in Europe. 1968, p.181; Lewytzkyi B. Op.cit., S.258; De Mauny E. Russian Prospect. N.Y., 1970, p.300.
  12. "The Russian Review", 1973, Vol.32, Nr 4, p.384-386; "Slavic Review", 1974, Vol.33, Nr 2, p.219; "Problems of Communism", 1974, Vol.23, Nr 1, p.12.
  13. American and Soviet Society, p.561,580; Brzezinski Z. Between Two Ages. American's Role in the Technetronic Era. N.Y., 1970, p:165; "Problems of Communism", 1966, Vol.15, Nr 4, p.38-40,42.
  14. Brzezinski Z. Between Two Ages, p.165.
  15. Inkeles A. Op.cit., p.31; Authoritarian Politics in Modern Society, p.280.
  16. "Problems of Communism", 1967, Vol.16, Nr 1, p.51; Nr 2, p.77.
  17. Andreski S. The Uses of Comparative Sociology, p.326; "Slavic Review", 1974, Vol.33, Nr 2, p.220.
  18. Kneen P. Op.cit., p.18; The USSR After 50 Years. Promise and Reality. N.Y., 1967, p.4.
  19. Kneen P. Op.cit., p.18.
  20. Conquest R. Immobilism and Decay. - "Problems of Communism" 1966, Vol.15, Nr 4, p.37; The Future of Communism in Europe, p.175; The USSR After Fifty Years, p.54; Elements of change in Eastern Europe. Prospects for Freedom, Chicago, 1968, p.21.
  21. Brzezinski Z. Ideology and Power in Soviet Politics. N.Y., 1967, p.76-77; Aron R. Democratie et Totalitarisme, p.328;

- "Slavic Review", 1974, Vol.33, Nr 2, p.242.
22. "L'Astrolabio", Roma, 3 aprile 1966; "New York Herald Tribune", 27 March, 1966.
  23. The Future of Communism in Europe, p.236.
  24. Lewytzkyi B. Op.cit., S.267.
  25. Shapiro L. The Communist Party of the Soviet Union, p.629; Authoritarian Politics in Modern Society, p.515.
  26. Authoritarian Politics in Modern Society, p.513.
  27. Ibid., p.515.
  28. Марушкин Б.М. История и политика. Американская буржуазная историография советского общества. М., "Наука", 1969. 394 с. Салов В.И. Современная западногерманская буржуазная историография. Некоторые проблемы новейшей истории. М., "Наука", 1968, 382 с. Скворцов Л.В. История и антиистория. К критике методологии буржуазной философии истории. М.
  29. Lewytzkyi B. Op.cit., S.70; Hazard J. The Soviet System of Government. Chicago-L., 1968, p.211-213; Rigby T.H. Communist Party Membership in the USSR (1917-1967). Princeton, 1968, p.515.
  30. Armstrong J. Ideology, Politics and Government in the Soviet Union. Third Edition, 1974, p.224; Aron R. Democratie et Totalitarisme, p.254; Ideologies and Modern Politics, Oxford, Ohio, 1972, p.133-137.
  31. Против буржуазных фальсификаторов истории и полтики КПСС. М., Политиздат, 1970, 400 с. Филатов В.П. Критика фальсификаторов истории КПСС. М.
  32. Ideologies and Modern Politics, p.112-113; Meyer A. Marxism. The Unity of Theory and Practics. Cambridge, 1970, p.143; Shapiro L. The Communist Party of the Soviet Union, p.619.
  33. Sargent L.T. Contemporary Political Ideologies, 1969, p. 60-65.
  34. Зарубежные марксисты в борьбе против буржуазной идеологии. М., "Прогресс", 1971, с.297-302; Попов С.И. Критика современной буржуазной социологии. М., "Мноль", 1970, с.23-

- 32; Фарукшин М.Х. Партия в политической системе советского общества. Изд. Казанского ун-та, 1978, с.33-74.
35. Rigby T.H. Communist Party Membership in the USSR (1917-1967). Princeton, 1968; Gehlen M. The Communist Party of the Soviet Union. A Functional Analysis. Indiana University Press, 1969.
36. Blondel J. Op.cit., p.191; Rigby T. Op.cit., p.412; Fainsood M. How Russia is Ruled? Cambridge, 1963, p.246-247.
37. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т.30, с.330.

Р.М.ПАЛИНЬ

ОСВЕЩЕНИЕ ПРОБЛЕМ УРБАНИЗАЦИИ ЛАТВИИ В ПЕЧАТИ ЛАТЫШСКИХ БУРЖУАЗНЫХ ЭМИГРАНТОВ

Печать латышских буржуазных эмигрантов довольно большое внимание уделяет освещению жизни в Латвии. Обычно эти статьи имеют антикоммунистическую направленность, однако методы, которые используются для достижения этой цели, могут быть разными. Это хорошо видно на примере освещения процесса урбанизации и проблем развития городов Латвии. Подход к этим проблемам и используемые при этом методы наиболее рельефно видны в специальном выпуске периодического издания "Архивс" (Архив). Каждый том этого сборника имеет определенную тему, например, XIII том имеет заголовок "Строительство и строители".

Оборудование и стиль этого сборника в отличие от других эмигрантских изданий, имеет научный характер. Сказанное можно отнести и к статьям Э.Дунсдорфа и Р.Легздиньша, посвященным городам Латвии и их архитектуре, в которых рассматриваются и проблемы урбанизации в Латвии. Эти статьи взяты для анализа как наиболее фундаментальные. Они хорошо показывают и общие направления и методы освещения урбанизации в Латвии в печати латышских буржуазных эмигрантов.

"Архивс" издается т.н. "Всемирным объединением свободных латышей", цель которого - восстановление буржуазной власти в Латвии, и фондом, поддерживающим антисоветскую пропаганду. В предисловии к сборнику подчеркнуто, что "... из этого вытекают и цели Архивса: с каждым новым томом Архивса ... готовится ко дню, когда Латвия опять будет свободна" (читай: буржуазная - Р.П.) / I, 5. lpp./ . Это значит, что издатели Архивса все еще остаются на позициях идиллий времен "холодной войны".

Автор статьи об архитектуре в Латвии архитектор Роберт Легздиньш /I, 169.-176. lpp./ - однако основное его занятие не архитектура, а антикоммунизм.

Поэтому естественно, что ему трудно сохранить объективность, необходимую в научном анализе. Это наиболее ярко проявляется в прямом искажении фактов. Например, он пишет, что за годы советской власти в Латвии "испорчена набережная Даугавы" в Риге, "которая когда-то была выстроена в простых формах и со вкусом" и что то же самое произошло с центральной частью Риги. Нет ни одного здания в Риге, построенного в годы советской власти, которое, по утверждению автора, не было бы плохим. Особенно подробно он пишет о "школе политруков", здание которого "построено со злым умыслом на месте, где было начато строительство здания городского правления". Р. Легадиньш утверждает, что "для реализации этой стройки взорвана старая Рижская ратуша и снесен Дом черноголовых".

Фактически эти исторические здания были уничтожены во время гитлеровского вторжения в 1941 году.

А сама "школа политруков" — это здание, в котором со дня его сдачи в эксплуатацию в 1958 году находится Рижский политехнический институт. Этого не может не знать автор, который пишет об архитектуре в Латвии.

Автором второй статьи / 1, 157.-168. 1pp / является редактор сборника Эдгар Дунсдорф, который в предисловии пишет о себе: "Профессор Др. Эдгар Дунсдорф рассматривает до сих пор не замеченные особенности городов Латвии". Историк, бывший доцент Латвийского университета Э. Дунсдорф уже во второй половине тридцатых годов опубликовал несколько статей по отдельным вопросам истории городов, например, о внешней торговле Риги в 17-м века. Несколько его статей помещено и в "Латвийском энциклопедическом словаре" /2/: "История хозяйства Риги", "Города", "Города в Латвии", "Пригороды" и др. От такого автора можно было бы ожидать более серьезного научного исследования.

В административное подчинение 26 малых городов Латвии передана сельская территория находящаяся от них в непосредственной близости. В результате этого не только упростился управленческий аппарат и несколько сократилось количество занятых в нем работников, но, главное, создались более благоприятные условия для размещения центров колхозов и совхозов в непосредственной близости от небольших городов или полного слияния с ними. Одновременно улучшаются жизненные условия людей, занятых в сельскохозяйственном производстве, путем их переселения на постоянное жительство из хуторов в исторически сложившиеся центры, имеющие городские удобства. Это соответствует интересам жителей села. Так как эти процессы происходят очень постепенно, в соответствии с желаниями и практическими возможностями каждой семьи, то в настоящее время часть населения, проживающая на территории административно подчиненной небольшому городу, еще находится вне границ плотной городской застройки и в этом смысле их можно считать жителями села, хотя во многих случаях часть членов семьи работает или учится в городе.

Из факта, что в административное подчинения небольшим городам передана и пригородная сельская территория, Э.Дунсдорф делает вывод, что уже нет возможности сравнить теперешнее количество городского населения с довоенным. Если это делают, то это "статистическая фальсификация". Он утверждает, что "в целях показа по возможности большего прироста, ни в одной советской публикации не сделана необходимая для сравнения коррекция".

Однако это не так. Для своей статьи Э.Дунсдорф использовал "Малую энциклопедию Латвийской ССР". В этом общедоступном издании читаем: "Количество городских жителей 1939-68 возросло с 683 тыс. до 1 млн. 348 тыс. (Больше чем в два раза). 26-ти советам малых городов подчинена и пригородная сельская территория, на которой 1968 проживало 34,7 тыс. человек (из указанного общего числа

городского населения)" / 3, 20. лрр. /. Там же дана таблица, в которой количество населения городов и поселков городского типа указано без населения приданных сельских территорий и дано сравнение с 1939 годом /3, 21. лрр. /. Более подробные данные по каждому городу можно найти в специализированных статистических сборниках.

Одним из главных утверждений Э. Дунсдорфа является тезис о том, что свыше половины городов Латвии больше не являются городами, так как они "деградированы", "превращены" в центры колхозов и совхозов, они стали "красными именьями". Автор даже цитирует опубликованное в 1841 году описание имения на территории Латвии и утверждает, что "как тогдашние имения нельзя было назвать городами, так же и современные центры, которые полностью соответствуют именьям, тоже нельзя называть городами" /4/.

Однако эти 26 городов, в административное подчинение которых передана пригородная сельская местность, продолжают выполнять свои функции, их влияние и деятельность распространяются далеко за их пределами. Совершенно необоснованно считать, что роль этих городов ограничивается сельскохозяйственным производством и обслуживанием населения, проживающим в его границах. Более того, непосредственным руководством сельскохозяйственного производства занимается не горисполком, а органы управления каждого колхоза или совхоза. Роль малых городов в отношении к сельской территории, которая находится в сфере их хозяйственного и культурного влияния не уменьшилась, а стала более сложной: построены новые промышленные предприятия, созданы мощные организации по ремонту сельхозтехники и строительству, универмаги, дневные и вечерние средние школы, спортивные и музыкальные школы, больницы, поликлиники, автотранспортные предприятия, службы быта и т.д. Некоторые малые города являются центрами сельских районов, в таких случаях в них размещены и районные учреждения.

Можно сделать вывод, что утверждение о том, что "радикально изменился характер населенных мест, названных городами", является необоснованным. Их можно называть городами не только с юридической, но и хозяйственной и статистической точки зрения.

В условиях социализма подавляющее большинство малых и средних городов получили дальнейшее развитие. Однако наиболее быстро растет количество жителей в городах, население которых превышает 100000 человек. В таких городах в 1959 году проживало 59% всего городского населения СССР, а в 1970 г. - 65%. За это же время количество таких городов увеличилось на 73, а численность жителей на 56% против 18% по остальным городам, т.е. в крупных городах население росло в 3 раза быстрее, чем в остальных городах /5, с.159/. В 1959 году в Советском Союзе были три миллионных города, в 1973 году - уже одиннадцать /5, с.161/.

Эта общая тенденция наблюдается и в условиях Латвийского города с большим количеством жителей развиваются быстрее малых городов. В таблице видно изменение количества населения в наиболее крупных городах Латвийской ССР (в тыо. человек) /6, 92.1pp./.

Город	1914 г.	1920 г.	1935 г.	1939г.	1959г.	1970г.
Рига	520,0	185,1	385,0	347,8	580,4	731,8
Даугавпило	118,5	31,5	50,7	51,7	65,5	100,4
Лиепая	94,0	51,6	57,1	53,2	71,5	92,9
Елгава	45,7	19,6	34,1	32,1	36,3	55,3
Юрмала	...	7,4	13,7	12,7	38,0	53,8
Вентспилс	26,0	8,2	15,7	14,9	27,4	40,5
Резекне	22,8	10,0	13,1	13,3	21,4	30,8
Итого:	827,0	313,4	569,4	525,7	840,5	1104,5

Как отмечено в Малой энциклопедии Латвийской ССР, в период с 1939 по 1968 год, в результате развития многих малых городов и роста их населения, количество городов в Латвии с населением до 5000 человек сократилось с 44 до 28, а количество жителей в этой группе городов снизилось с 101 тыс. на 77,2 тыс. человек (без населения приданных сельских территорий) /3, 21.1pp./.

Одновременно было бы неправильно игнорировать зависимость величины городов Латвии от особенностей их исторического становления и развития: во-первых, большая часть городов районного подчинения свой городской статус получила еще во времена феодализма, двести и более лет тому назад; во-вторых, во времена правления буржуазии этот статус получили многие сравнительно небольшие населенные пункты, например, только в 1928 году права города получили 11 населенных пунктов, по количеству жителей не достигающих 2000 человек. Поэтому в 1935 году в Латвии было 7 городов с населением меньше 1000 человек и 20 городов с населением от 1000 до 2000 жителей.

Однако в Латвии, как и во многих индустриально развитых странах, в отдельных малых городах количество жителей не увеличивается, а даже сокращается. В Латвийской ССР осталось четыре городка, численность населения которых не достигает 1000 человек (без жителей приданной сельской территории). Это: Пилтене - 0,7 тыс. (в 1939 г. - 0,7 тыс), Субате - 0,9 (в 1939 г. - 1,5), Айнажи - 0,9 (в 1939 г. - 0,9) и Дурбе - 0,4 (в 1939 г. - 0,5) тысяч жителей /7, с.6/.

Одна из главных задач в развитии этих малых городков - включение их в агломерации больших городов. Тогда не только прекратится отток населения, но и создадутся предпосылки для их дальнейшего развития, для перехода на следующую ступень урбанизации.

Основой объективного процесса урбанизации является

развитие производительных сил общества. Урбанизация характеризуется исторически постепенным ростом роли городов в жизни общества, концентрацией и интенсификацией несельскохозяйственного производства, возникновением новых форм расселения, распространением достигнутого в городах уровня развития производительных сил, производственных и других общественных отношений и т.н. городского образа жизни на все общество.

В свою очередь урбанизация оказывает возвратное влияние на развитие производства, создает изменения в социальной и демографической структуре общества, в национальных и семейных отношениях, в развитии личности и во многих других сферах и процессах. В наши дни процесс урбанизации ускоряется научно-технической революцией.

В сборнике материалов "Рост городского и сельского населения мира, 1920-2000", изданном ООН в 1970 году в Нью-Йорке, подчеркнуто, что рост уровня урбанизации в период с 1920 по 1960 гг. как абсолютно, так и относительно самый высший в Советском Союзе /8/.

В нашей республике удельный вес городского населения является одним из наиболее высоких в СССР. В довоенное время в населенных пунктах городского типа проживало около одной трети части населения (в 1939 г. - 35%), теперь - около двух третей (в 1974 г. - 65%) /9, с.6/.

В 1970 году в среднем по СССР доля городского населения была 56%, в 1970 году - 60%, прогноз на 2000 год - 75-85% /10/.

Одновременно следует отметить, что сравнение количества городов и горожан в разных странах всегда было связано с трудностями, так как еще нет единого мнения о том, какой населенный пункт можно считать городом. Например, горожанами считают жителей, которые проживают в населенных пунктах с количеством жителей: в Дании, Швеции и Финляндии, начиная с 200 человек, в Австралии и Канаде - с 2000, в Австрии, Бельгии - с 10000, в Японии - с 30000.

А в остальных странах городами считают населенные пункты, которым по сумме признаков присвоен статус города.

Хотя, как видно, различия весьма большие, специалисты ООН по вопросам городов и села в последние годы пришли к выводу, что именно эти национальные критерии городов лучше других пригодны для сравнения. Поэтому есть основания считать, что даже самые маленькие города Латвии можем считать городами, а их жителей - горожанами.

Однако Э.Дунсдорф утверждает, что в результате расширения административной черты одной части городов Латвии, произошла якобы их "диффузия". Ничего подобного нет. Население по-прежнему проживает в границах плотной городской застройки, которая в результате строительства во многих случаях расширилась, но не охватывает всю территорию, административно подчиненную городу. Поэтому, если одним из главных критериев города признавать плотность населения, нет оснований считать, что раньше Луца, Руиена, Сигулда, Яунелгава, Алуксне, Ливаны и др. были городами, а теперь таковыми больше не являются.

Э.Дунсдорф пытается всячески доказать, что количество городов Латвии уменьшилось. Используя обстоятельство, что критерии города еще теоретически разработаны недостаточно, он использует те из них, которые в данный момент ему более выгодны. Например, в начале статьи Э.Дунсдорф признает, что как в буржуазной, так и в Советской Латвии "городами считают поселения, которые законодательным путем получили права города". И именно этим признаком он пользуется в начале для сравнений изменений в количестве городов Латвии, а, когда это перестает ему быть выгодным, он заявляет, что этот признак не верен. Сделав пересчет по своему "методу" Э.Дунсдорф городами в Советской Латвии называет поселения с 15000 жителей и плотностью - 1000 человек на 1,3 кв.км., но в буржуазном периоде - городами называет поселения только с 1100 жителями и до 37 процентов которых заняты в ... сельском хозяйстве.

В конце концов он сам вынужден признать, что полученные данные, из-за использования разных критериев, не сравнимы. И действительно, нет основания полагать, что через несколько лет в одной и той же стране для права называться городом поселение должно иметь в 13,6 раз большее количество населения.

Подобный предвзятый, ненаучный подход наблюдается и в оценке процессов урбанизации в Латвии. Большое желание показать все явления только в черном цвете приводит автора к удивительной непоследовательности. Э.Дунсдорф пишет, что быстрый рост городского населения Латвии в основном произошел в результате искусственно форсированной индустриализации и проходит быстрее, чем надо было. И сразу же добавляет, что этим нечего гордиться, что "индустриализация и рост городского населения наблюдается и в других странах" и подчеркивает, что темпы урбанизации в Финляндии выше... И, наконец, автор приходит к выводу, что урбанизация в Финляндии хорошая, а в Латвии "плохая", так как ... в городах проживают не только латыши, но и представители других наций.

Подобными "открытиями" изобилуют обе статьи. Авторы все социалистическое объявляют "русским". Подобные приемы применяются давно. И теперь люди, жаждущие нового напряжения в международных отношениях, никак не хотят примириться с тем, что латышский народ избрал путь социализма, что социализм соответствует его интересам. Поэтому понятно, что даже урбанизацию объявляют "не соответствующей интересам латышского народа". В этих целях используются наивно примитивные трафареты мышления, формулировки и эпитеты времен "холодной войны".

Например, Р.Легздины утверждает, что жилищное строительство в Латвии "находится на последнем месте", что в Риге скверы создаются для "маскировки невыполненной строительной программы" и т.д. и т.п. И это делается в то время, когда невиданный размах жилищного строительства не идет

ни в какое сравнение с жилищным строительством в годы буржуазной власти.

Как видим, искажение, фальсификация фактов, ложная их интерпретация является одним из важных, часто применяемых приемов в антикоммунистической обработке умов эмиграции даже в так называемых научных изданиях латышской буржуазной эмиграции.

Литература и примечания

- 1 "Arhīvs", XIII sēj. "Celtniecība un celtnieki".1973.
- 2 "Latviešu konversācijas vārdnīca".
- 3 Latvijas PSR Mazā enciklopēdija.III sēj. R., "Zinātne", 1970, 790 lpp.
- 4 Правда, автору было, наверно, трудно по своим критериям определить общее число этих "имений": на с.158 перечисляет 20; на с.164 называет цифру 29; на с.166 в диаграмме названия таких центров даны курсивом - 30; а на с.167 - помещена карта, на которой символом "красных имений" обозначен 31 город, в том числе и Екабпилс ...
- 5 Всесоюзная перепись населения 1970 года. М., "Статистика", 1976, 286 с.
- 6 Mežgailis В., Zvidriņš Р. Padomju Latvijas iedzīvotāji. R., "Liesma",1973. 371 lpp.
- 7 "Наука и техника", 1975, № II.
- 8 Рост городского и сельского населения мира, 1920-2000. Нью-Йорк, 1970, XII. 294 с.
- 9 Народное хозяйство Латвийской ССР в 1973 году. Рига, "Лиезма", 1974. 590 с.
- 10 Народонаселение стран мира.М., "Статистика",1974,с.416; Население СССР. М., Политиздат, 1974, с.52.

С о д е р ж а н и е

I.	1. ✓ Ожиганов Э.Н. Критический анализ концепции элиты в буржуазной политологии США	8
2	✓ Прикулис Ю.И. Маркузеанская фальсификация марксистско-ленинского учения о партии	17
3	✓ Ожиганов Э.Н. Право и законность в социологической теории Макса Вебера	25
4	✓ Потреки О.Д. Налогово-бюджетная политика как государственно-монополистическое средство классовой эксплуатации	33
5	✓ Ригерте А.А. Капитализм США в середине 70-х годов и политэкономические взгляды Дж.К.Гелбрейта	52
6	✓ Потреки О.Д. Деятельность правительства ФРГ в сфере занятости	64
7	✓ Стороженко Г.А. Коммунисты и социалистический интернационал (Политика марксистско-ленинских партий в кривом зеркале социал-реформизма)	79
8	✓ Стороженко Г.А. Против фальсификации буржуазными идеологами и ревизионистами политики марксистско-ленинских партий	92
9	✓ Яне А.Я. О некоторых методах пропаганды антикоммунизма в печати латышских буржуазных эмигрантов	105
10	✓ Миронова Э.Н. О некоторых тенденциях и методах советологического анализа политической системы советского общества	124
II	✓ Палинь Р. М. Освещение проблем урбанизации Латвии в печати латышских буржуазных эмигрантов	141

Н а ш и а в т о р ы

- МИРОНОВА** Зоя Николаевна - кандидат исторических наук,
ст. преподаватель кафедры истории КПСС ЛГУ им.
П. Стучки
- СКИГАНОВ** Эдвард Николаевич - мл. научный сотрудник груп-
пы социологических исследований ЛГУ им. П. Стуч-
ки
- ПАЛИНЬ** Роланд Мартынович - ст. преподаватель кафедры
исторического материализма и истории филосо-
фии ЛГУ им. П. Стучки
- ПРИКУЛИС** Крис Изидорович - мл. научный сотрудник Инсти-
тута истории Академии Наук Латвийской ССР
- ПОТРЕКИ** Ояро Димитриевич - кандидат экономических наук,
ст. преподаватель кафедры политической экономии
ЛГУ им. П. Стучки
- РИГЕРТС** Андрис Албертович - преподаватель кафедры поли-
тической экономии ЛГУ им. П. Стучки
- СТОРОЖЕНКО** Георгий Алексеевич - кандидат исторических
наук, доцент кафедры научного коммунизма ЛГУ
им. П. Стучки
- ЯНЕ** Арта Яновна - журналист, аспирантка кафедры научно-
го коммунизма ЛГУ им. П. Стучки

ВОПРОСЫ КРИТИКИ И БУРЖУАЗНОЙ ПОЛИТИКИ И ИДЕОЛОГИИ

Выпуск 3

Межвузовский сборник научных трудов

Редакторы: Р. Палинь, Р. Довгополова

Технический редактор Д. Загорска

Корректор Д. Загорска

Латвийский государственный университет им. П. Стучки
Рига 1977

Подписано к печати 22.04.1977. ЯТ 12109. Зак. № 661.
Бумага №1. Ф/б 60x84/16. 9,8 физ. печ. л. 7,3 уч.-изд. л.
Тираж 500 экз. Цена 46 к.

Отпечатано на ротационной машине, Рига-50, ул. Вейденбаума, 5
Латвийский государственный университет им. П. Стучки